

В. И. КОСИК

СОФИИ РУССКИЙ УГОЛОК

Очерки со стихами о русских, покинувших Россию
после октябрьской революции 1917 года
и последовавшей за ней гражданской войны

В. И. КОСИК

СОФ И И РУССКИЙ УГОЛОК

Москва
2008

УДК 821.161.1-1 Косик

ББК 84 (2Рос=Рус) 6-5

К71

К71 **Косик В.И. Софии русский уголок.**– М.:ПРОБЕЛ-2000,2008.–
236 с.: илл.

ISBN 978-5-98604-127-8

В книге освещается жизнь русской эмиграции в Софии. В ряде сюжетов представлены быт, искусство, учеба, работа, развлечения и даже политика. Отражены некоторые судьбы известных представителей русского клира.

ISBN 978-5-98604-127-8

© Косик В.И., 2008

© ПРОБЕЛ-2000, 2008

Моей жене Ольге

РЕГИСТР ГЛАВ

ВСТУПЛЕНИЕ	6
ИТАК, Я НАЧИНАЮ С «ВОПЛЯ!»	9
ЭКЗАРХ, АРХИЕПИСКОП, ПРОТОПРЕСВИТЕР, СВЯЩЕННИК, МОНАХИНЯ И ПАРТИЗАНКА	29
УЧЕНЫЕ – СВЕТ	42
УЧЕНЫХ – ТЬМА	57
МАСТЕРА КИСТИ И КРАСОК: ГЛИНСКИЙ И СОТОВАРИЩИ ПО РЕМЕСЛУ – ОТ КЛАССИКИ ДО ЭРОТИКИ	81
НЕМНОГО О ПОЛИТИКЕ: В «ОЖИДАНИИ ПОЕЗДА НА РОССИЮ» – МЛАДРОССЫ	101
ПОЭЗИЯ В МОЕМ СЕРДЦЕ	113
ТЕАТР, ТЕАТР И НЕМНОГО КИНО	143
БАЛЕТ, БАЛЕТ, БАЛЕТ И «ПЕРЕЛЕТНЫЕ ПТИЦЫ!»	157
ОПЕРА И ЕЕ РУССКИЕ ГРАНДЫ	174
ПОСЛЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ	181
P. S.	186
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	196

*Вы помните былые дни,
Когда вся жизнь была иною?
Как были праздничны они
Над Петербургскою Невою...*

*Вы помните, как ночью вдруг
Взметнулись красные зарницы
И утром вдел С.-Петербург
Гвоздику юности в петлицу?..*

*Ах, кто мог знать, глядя в тот раз
На двухсотлетнего гиганта,
Что бьет его последний час
На Петропавловских курантах...*

*И вот иные дни пришли,
И для изгнанников дни эти
Идут вдали от их земли
Тяжелой поступью столетий...*

Н. Агнивцев¹

А как пили! А как ели! И какие были либералы!..

А. П. Чехов²

На эту некогда модную тему написано уже свыше пятисот статей, очерков, книг, заметок и прочая и прочая.

Для небольшой страны, где нашли свой второй дом тысячи русских беженцев (подсчет весьма затруднителен уже потому, что если большинство исследователей склоняется к цифре в 30–40 тысяч человек, то один из болгарских русских князь Андрей Мецкерский пишет о 10 с небольшим тысяч русских), это очень много.

Первенствуют и переписываются темы, связанные с доступной всем культурой. В ее поле воссоздаются и герои многих исследований, прежде всего ставшие уже хрестоматийными Н. Н. Глубоковский, Н. О. Массалитинов, П. Н. Бицилли, которым посвящены десятки трудов.

Среди авторов доминируют болгарские исследователи. Из увидевших свет работ назову книгу «Бялата емиграция в България. Материали от научна конференция София, 23 и 24 септември 1999 г.» (София, 2000) с объемной вводной статьей Лизбет Любеновой и Ганки Рупчевой «Извороведски и историографски проблеми на бялата емиграция в България», а также монографию «Руската емиграция в България» (София, 2002) Цветаны Кыосевой, автора многочисленных и оригинальных трудов по этой проблематике. Из отечественных историков, давно работающих в этой области, можно назвать Андрея Николаевича Горяинова, посвятившего многие страницы исследований культуре. Из мемуаристов отмечу Ивана Григорьевича Тинина, написавшего интереснейшие по стилю, композиции, информации воспоминания «Бытие Исход Второзаконие (история глазами очевидца) Династия Тининых и иже с ними Воспоминания» (Волгоград, 2001), и книгу князя Александра Леонидовича Ратиева «То, что сохранила мне память. Мемуары» (София, 1999).

И прежде чем входить в русскую Софию, я хотел бы поблагодарить болгарских историков и архивистов, которые сделали очень много для памяти «братушек» на своей Родине.

Выражаю свою признательность болгарской балерине Вере Кировой, Евгении Васильевне Бесчастной (в девичестве Левковой), Татьяне Константиновне Пчелинцевой, любезно предоставивших материалы из своих личных архивов, поделившихся воспоминаниями, а также Евгении Владимировне Клевцовой.

Благодарю руководство и сотрудников Центрального Государственного исторического архива Болгарии, прежде всего Лилянну Цветкову и Огняна Пунева за предоставление иллюстративных материалов.

Приношу благодарность сотруднице Центрального Государственного исторического архива Болгарии Лиляне Владевой, а также журналисту и историку Иво Жейнову, откликнувшихся на просьбу о нужных для меня сведениях.

Благодарю предоставлявшего результаты своих научных разысканий председателя совета правления Русского академического союза в Болгарии Сергея Александровича Рожкова, а также председателя общества Союз русских инвалидов в Болгарии Владимира Петровича Гаристова, делившегося со мной информацией.

И конечно, само появление этой книжки связано с именем моей давней коллеги Лизбет Любеновой, которая не только присылала необходимые материалы, но и своими советами помогала мне во время работы.

ИТАК, Я НАЧИНАЮ С «ВОПЛЯ!»

Итак, я начинаю со стихов в софийском «Вопле!»:

«БОЛЬШИЕ СИЛУЭТЫ»

*Об заклад готов я биться
На волос последних клоч,
Что болгарская столица –
Это русский уголок.*

*В медной каске – кум пожарный
Забредет к кухарке вдруг...
Дам смущает легендарный
Наш брандмейстер Захарчук.*

*В праздник звоны, перезвоны
Церковь Божия полна:
В церкви грохает поклоны
Вианорыч Куприна.*

*По дорожке – чинно, тихо,
Не взирая на народ,
Стопудовая купчиха
В сарафане проплывет.*

*А за ней, как солнце мая,
Среди женщин и детей.
Кротко всех благословляя –
Семенит архиерей.*

*Вот субъект – он все вмещает,
Академик и капрал –
Наших деток просвещает
Этот мудрый генерал.*

*Об заклад готов я биться,
Побожиться я готов,
Что болгарская столица –
Православный наш Ростов³.*

Немного о героях.

Юрий Захарчук, поручик, любимец дам, франт, организатор в 1923 г. первой в Софии команды пожарных. Позволю привести здесь обширную выдержку из мемуаров князя Александра Ратиева о бравом брандмейстере. Поводом к началу его возвышения послужили его «незаурядная энергия, знания и распорядительность при спасении посетителей Государственного народного театра во время катастрофического пожара вечером 11 февраля 1923 года... попав на пожар случайно и видя растерянность местных пожарных при спасении заблокированных огнем зрителей в горевшем здании, он энергично выделил из толпы собравшихся праздных зрителей наиболее энергичных и разослал их по соседним домам – искать и приносить к месту пожара большие ковры. По мере их доставки он заставил других зрителей держать их у стен горящего здания, а зрителям внутри театра, загнанным на верхний этаж и крышу, очутившимся в безвыходном положении, приказал прыгать вниз на ковры... На следующее утро тогдашний министр-председатель Александр Стамболийский вызвал Захарчука к себе и выяснив, что его инициатива не случайна, а что он окончил специальную школу пожарных командиров в Петрограде, сразу же его назначает шефом пожарного дела в столице. В очень короткий срок своею взыскательной строгостью в сочетании с непрестанными заботами о быте своих подчиненных и, конечно, благодаря незаурядным административным и организаторским способностям, пожарное дело в Софии Захарчук поставил на такую высоту», которая вскоре появилась поговорка: «Юра Захарчук является на пожар за пять минут до его начала»». Начальниками пожарных команд во многих городах Болгарии стали его бывшие подчиненные. За эти долгие годы службы Ю. П. Захарчук стал самой популярной личностью не только в Софии, но и в Болгарии. Так, например, попав на выставку в Пловдиве в 1937 году, Ратиев, как он пишет, не был удивлен, увидев вывеску – «Моды дамских шляп «Юра Захарчук»». В 1930 г. его команда на международном смотре пожарных завоевала первое место⁴.

Не обошел его вниманием в своих воспоминаниях и Бернард Розенберг, писавший, что на пожар Захарчук выезжал на белом коне со следовавшими чуть поодаль двумя конными сигнальщиками, передававшими необходимые распоряжения с помощью своих труб. О самом начальнике всех пожарных говорили, что он был ранен при пожаре и часть его черепа покрыта платиновой пластиной. Его пожарное дело, размещавшееся в здании между улицами Раковски, Экзарх Иосиф и Тетевенска, часто посещали высокие гости, которых встречал Захарчук в красивой темно-синей униформе. Он всегда был горд тем, что когда платок одного из гостей, которому он предлагал провести им по металлическим частям пожарной машины, оказывался таким же чистым, как и прежде⁵.

Его, как вспоминал И. Г. Тинин, «как огня, боялись дельцы, которые пожаром старались прикрыть свои махинации, потому что им, как правило, это не удавалось». 9 сентября 1944 г., в день прихода к власти коммунистов, он застрелился⁶. Жизнь кончилась. Можно было ставить точку. Большевики догнали его в Софии!

И таких, как он, было немало, уходивших на тот свет, не желая мириться с происходившим в этом мире.

«Академик и капрал» – видимо, генерал А. В. Арцишевский, уполномоченный Всероссийского союза городов в Болгарии, занимавшийся там организацией русского учебного дела. Вианорыч – герой рассказа Александра Куприна «Мирное житие» Иван Вианорыч Наседкин, регулярно оповещавший начальство о нарушениях «правил жизни» своими согражданами и пр. Архиепией – владыка Серафим).

Сама атмосфера в Софии с прибытием русских стала разнообразней, цветистей. И если в Париже они шли в таксисты, то в Софии – в маляры, раскрашивая жилища столичных горожан⁷.

Курьер генерала Врангеля вспоминал:

«Из всех столиц, которые мне суждено было проезжать, София оставляла самое неотрадное впечатление. Уже самый вокзал, грязный, наполненный солдатней и селяками, – около него жалкая площадь с одинокими провинциальными извозчиками и рядом трамвай, тоже общипанного вида.

Сам город расположен на высоте 550 метров над уровнем моря у подножья гор. Витошь. Климат довольно суровый, летом колеблется между + 35 градусов Р. до -20 зимой.

София в то время еще не оправилась от войны 1914—1917 гг.: оккупация союзников и революционные выступления, которые заставили Царя Фердинанда отречься от престола и спешно уехать в Австрию. На престол вступил его сын Царь Борис, крестник нашего Государя, который искусно справился с народным положением и сумел завоевать любовь и доверие своего народа.

В центре города, около Дворца и русской церкви, город имел характер хорошего русского губернского города. Дома здесь были выше и лучше, публика более нарядная. Главная улица этой части города – Бульвар Царь Освободитель – представляет широкий бульвар, упирающийся в громадный парк «Борисова Градина». В знак благодарной памяти России за освобождение Болгарии от турецкого рабства в 1877–1878 г. многие улицы получили названия или в честь прославившихся в ту войну русских генералов (Бульвар Скобелев, Бульвар Дондуков, Бульвар Граф Игнатьев) или в память особенно упорных боев (ул. Шипка), а также наименования русских городов (напр. Московская улица).

В различных частях города были поставлены памятники: Царю Освободителю – благодарная Болгария, медицинскому персоналу, погибшему во время войны (докторский памятник), и вообще русским, павшим за освобождение Болгарии (Русский памятник).

На шоссе, идущем в Софию из Этрополя при въезде в город, стояли памятники Н-[ачальни]ку 3 гвар[дейской] Пех[отной] Див[изии] Генералу Каталею, павшему на этом месте при занятии Софии.

Хорошие гостиницы, которых было немного, стоили очень дорого, а гостиницы средней руки и многие дома кишели клопами (дервеница).

Все местные жители безусловно понимали по-русски, многие из них окончили средние учебные заведения и корпуса в России. Почти все говорили на «ты», причем при отрицании качали утвердительно головой и, наоборот, что часто бывало причиной комических недоразумений.

Из достопримечательностей города в первую очередь следует поставить построенный по проектам русских архитекторов, с чудной живописью внутри русских (Васнецов), чешских и болгарских художников, прекрасным, художественно-исполненным иконостасом и великолепным тронном для Царя – Собора памятник св. Александра Невского. Затем большой парк «Борисова Градина», русская церковь,

построенная и расписанная в русском стиле и отличные бани, действительно прекрасное заведение, построенное с большим восточным комфортом, и с горячей минеральной водой, бывшей тут же из под земли и обладавшей целебными свойствами.

Продовольствия было вдоволь и сравнительно недорого... рестораны и пивные были по вечерам полны публикой, ужинавшей под звуки румынской музыки и подхватывающей хором куплеты любимых песен, среди которых большим успехом пользовалась песня “Шуми Марица”»⁸.

Песня имела множество вариантов, связанных с войной с турками, а также с сербами в 1885 г. Привожу текст, ставший гимном страны на многие десятки лет. После 1944 г. текст был изменен.

*Шуми Марица
Окървавена,
Плаче вдовица
Люто ранена.*

Припев:

*Марш, марш,
С генерала наш!
В бой да летим,
Враг да победим!*

*Българска чеда
Цял свет ни гледа.
Хай към победа
Славна да вървим.*

Припев:

*Левът балкански
В бой великански
С орди душмански
Води ни крилат.*

Припев:

*Млади и знойни,
В вихрите бойни.
Ний сме достойни
Лаври да берем.*

Припев:

*Ний сме народа,
За чест и свобода,
За мила рода
Който зна да мре.*

Припев.

Русские стремились, как и везде, устроиться по-своему – со своими магазинами, лавками, ресторанами, библиотеками и прочим, что позволяло им быть почти как в России.

Между «быть и не быть» жила эмиграция.

Про «не быть» не буду: это просто уход в себя, отречение от себя, от прошлого, забвение...

«Быть» – это:

*Не уступить. Не сдаться. Не стерпеть.
Свободным жить. Свободным умереть.
Ценой изгнания все оплатить сполна.
И в поздний час понять, уразуметь:
Цена изгнания есть страшная цена⁹.*

И, конечно, «быть» это быт.

Тут и модный дом Пелагеи Видинской (ул. Алабина, 30)¹⁰, первый мануфактурный магазин «Волга» (ул. Царь Симеон, 88)¹¹, ателье одесского и петроградского портных С. Шамраева и Д. Белобоскина (ул. Левского, 16)¹², русский парфюмерный магазин (ул. Мария-Луиза, 77)¹³, и самая старая в Софии русская сапожная мастерская А.

Камкина (ул. Раковского, 53)¹⁴, русская сапожная мастерская «Петроград» (Регентская, 46) Федора Приходы¹⁵, кофейный магазин «Клементина» (ул. Клементины, 17) и Русский деликатесный магазин (Московская, 25)¹⁶, и русская московская колбасная (бул. Дондуков, 24)¹⁷, туда всегда к 11 часам подвозили такие деликатесы, как лебервурст, свежую пражскую ветчину¹⁸.

К услугам любящих «источник знаний» – книгу – действовали среди прочих книжный магазин «Печатное дело» (ул. Царь Освободитель, 6)¹⁹, книжный склад «Зарница» (ул. Врабча, 6), французский книжный магазин «Наука и литература» (ул. Царя Освободителя, угол ул. Бенковского), библиотека при Русском доме (ул. Московская, 9) и располагавшаяся там же библиотека Всероссийского союза городов. Купить нужные газеты можно было у букиниста Манько у русского посольства. Там же шла покупка и продажа старых и новых книг²⁰.

Из библиотек перечислю еще несколько: при Обществе галлиполийцев, Русской гимназии, Союза русских студентов²¹.

Около 5 000 томов насчитывала у себя Пушкинская библиотека Всероссийского союза городов и Земского комитета городов (ул. Царь Шишман, 1, что около памятника царю Освободителю). Там можно было найти и новинки литературы и книги довоенного издания (беллетристика, история, публицистика, периодические журналы). Были французский, английский отделы. Действовала своя читальня²².

За удовольствие надо было платить: при записи вносили залог в 50 левов и ежемесячно платили по 30 левов. Это были совсем небольшие деньги, ведь килограмм белого хлеба стоил 12 левов, мяса – 24 лева, поденный рабочий получал в день 50 левов²³.

Небольшое добавление. Размещавшиеся в двух комнатах книги Пушкинской библиотеки были в 1944 г. растащены советскими солдатами и офицерами²⁴.

Впрочем, почти такая же судьба ждала и библиотеку Русского дома в Белграде. Русские люди всегда уважали печатное слово и оказавшись за границей не могли не удержаться от искушения «взять в полон» понравившуюся книгу!

У многих русских имелись свои библиотеки, любовно собиравшиеся ими на протяжении многих лет.

Так, по воспоминаниям Мещерского, «жемчужиной среди жемчужин» было его книжное собрание, посвященное России – ее политике, истории, литературе, философии. Другой библиотеки с таким богатством представленных в ней эмигрантских изданий не было ни в Болгарии, ни в Элладе. После вхождения Красной Армии в Софию вся эмигрантская литература была объявлена антисоветской, на что у новых властей имелись основания. В этой ситуации Мещерский, который подвергся кратковременному аресту и конфискации у него нескольких десятков книг, подарил библиотеку (около 2 000 книг, не считая периодики) Пушкинскому дому, спасая ее от гибели²⁵.

Из Софийских русских приметных фигур можно упомянуть брата и сестру Калугиных, о которых князь Ратиев писал: «Как утверждали... они якобы лишились рассудка, когда у них на глазах были убиты отец и мать. Брат зимой и летом ходил в полинявшей фуражке и шинели какого-то русского политехнического института. По улице они двигались не вместе, а порознь, на каком-то расстоянии друг за другом. Робкими голосами они предлагали: “Не желаете ли купить газетку?” Так как протягивали они встречным газеты исключительно русские, то я ни разу не видел, чтобы кто-нибудь покупал их товар. Чем они поддерживали свое существование – неизвестно. Все же бродили они по софийским улицам не менее лет десяти»²⁶.

К середине тридцатых годов в Софии появилась еще одна заметная фигура – поэт «Колосовский-Пушкин», требовавший в Комитете по делам русских беженцев «выдать ему удостоверение в том, что в него действительно вселился дух А. С. Пушкина». На этот ему кротко заявляли в том же стиле: «Приведите с собой двух свидетелей, а мы вам выдадим настоящее... свидетельство. Скажите только, какие произведения у вас имеются готовыми». На эту просьбу бедный больной Колосовский заявлял: «Долго думать я не стану – историю мира напишу...». Потом еще долго, несколько месяцев, он искал «свидетелей», но, увы...²⁷

Были в Софии и свои фотоателье: 1-я русская фотография «Фотофильм» (бульвар Дондуков, 36)²⁸, электрофотография «Миниатюра» (ул. Александра I, 10 и угол ул. Алабина)²⁹.

Любители истории могли купить, заказать, починить обувь у сапожника Александра Македонского (ул. Алабина, 19, угол ул. Царя Самуила)³⁰. Sic transit Gloria mundi.

Свободное время можно было потратить и на модное кино. В 1930-х гг. ходили на немецкую «фильму» «12 стульев», действие в которой происходило в Германии, смотрели многосерийного «Тарзана» с Джонни Вейсмюллером в главной роли. Популярны были и ковбойские фильмы. В синема можно было увидеть и русскую «развесистую клюкву» о любви князя к дворовой девке³¹.

Иван Тинин в своих занятнейших воспоминаниях воспроизводит блистательную пародию Дона Аминадо (Аминодав Пейсахович Шполянский, творчество которого высоко ценили такие таланты, как М. Горький, З. Гиппиус, М. Цветаева) на сценарий голливудского «шедевра»:

*Ночь, сугробы, перелески,
Три медведя под сосной,
Кучер в шубе, князь в черкеске
С длинной пикой за спиной.
Наконец они приехали к Марфуше.
На ней была шаль, кокошник, сарафан.
Князь разводит с ней турусы,
Русский с драмою роман.
А в это время: прут на замок нигилисты
По прозванью мужики.*

*Лезут скопом, все сердиты,
В волчьих шкурах. Просто страх.
Не крестьяне. Троглодиты
С красным знаменем в руках.*

В общем, эти троглодиты начали громить замок. Князь вышел на крыльечко.

*Полетела в снег гармошка.
Оборвалась с жизнью связь.*

А Марфушка тем временем вышла из замка задним ходом, села в сани и вперед.

*Мчится тройка шибче беса,
Не догнал ее народ.*

Конец первой серии голливудского фильма о русских в стихах таков:

*На пригорке, на опушке
Камень с надписью такой:
Здесь покойник князь Петрушка
С Достоевского тоской.*

Вторую серию Дон Аминадо начал так:

*В Голливуде не в неволе,
Много киноателье
Там Марфушка в главной роли
В фильме "Царское кольцо".*

*Шум, успех необычайный.
И Марфуше в сей момент
Предлагает брак законный
Большевицкий президент.*

*Нет конца пурпурным лентам,
И в плакатах горизонт,
А Марфуша с президентом
Объезжают красный фронт...³²*

В основном шли фильмы американского, немецкого, французского производства. Захватывали фильмы с Гретой Гарбо, Мери Пикфорд, Иваном Мозжухиным³³. О Мозжухине, «халифе на час, идоле и жертве европейских психопатов, герое европейского экрана», Дон Аминадо (А. П. Шполянский) напишет, что он умер от туберкулеза, «промотав небольшой талант, сумасшедший успех и сожженную алкоголем молодость»³⁴.

В середине 1920-х гг. русские эмигранты могли смотреть документальный фильм «300-летие царствования Дома Романовых».

В конце 1929 г. в Болгарии был снят фильм «После пожара в России», поставленный по повести Пенчо Михайлова «Под землей», в котором сыграла одну из ролей гимназистка Тая Тарновская, исключенная из школы за свой «возмутительный» дебют³⁵.

Но это уже традиция: в России и за гораздо меньшие «вольности» исключали с «волчьим билетом». Стоит перечитать того же Дон Аминадо.

И все же самыми, самыми... были творения советских режиссеров и артистов. Первый советский фильм «Чапаев» шел несколько месяцев подряд. Этот фильм среди изгнанников посеял смуту: «Одни говорили, что этот фильм – воспоминание о Гражданской войне, другие утверждали, что все это брехня, третьи признавали, что это большевистская пропаганда. Но главное здесь то, что все спорили о нем и смотрели его по нескольку раз». Второй советский фильм, вызвавший смятение был «Тринадцать». И. Тинин подчеркивал в своих воспоминаниях, что «фильмы из России всегда очень болезненно и трепетно воспринимались русскими эмигрантами. Они были для взрослых и желанным напоминанием об утраченной родине и одновременно вызывали душевную боль по утрате»³⁶.

Любители русской песни могли ходить на разнообразные концерты. Случались и праздники души, когда выступал в Софии хор С. Жарова, пели А. Вергинский, Н. Плевицкая, на концертах которой зал «заливался слезами», в особенности при исполнении песни «Занесло тебя снегом, Россия»³⁷, с ее первыми строками:

*Занесло тебя снегом, Россия,
Запуржило седую пургой,
И холодные ветры степные
Панихиду поют над тобой.
Замело!.. Занесло!.. Запуржило!..*

И не могу не напомнить здесь пронзительно-печальных строф Георгия Иванова

*Россия счастье, Россия свет.
А, может быть, России вовсе нет.*

*И над Невой закат не догорал,
И Пушкин на снегу не умирал,*

*И нет ни Петербурга, ни Кремля —
Одни снега, снега, поля, поля...*

*Снега, снега, снега... А ночь долга,
И не растают никогда снега.*

*Снега, снега, снега... А ночь темна,
И никогда не кончится она.*

*Россия тишина. Россия прах.
А, может быть, Россия — только страх.*

*Веревка, пуля, ледяная тьма
И музыка, сводящая с ума.*

*Веревка, пуля, каторжный рассвет
Над тем, чему названья в мире нет.*

И все же у поэта были и иные строфы о России:

*Это звон бубенцов издалика,
Это тройки широкий разбег,
Это чёрная музыка Блока
На сияющий падает снег.*

*... За пределами жизни и мира,
В пропастях ледяного эфира
Все равно не расстанусь с тобой!*

*И Россия, как белая лира,
Над засыпанной снегом судьбой.*

Но это все высокая поэзия.

Приземленными были строки Дон Аминадо:

*Не негодуя, не кляня,
Одно лишь слово! Но простое!
— Пусть будет чуден без меня
И Днепр, и многое другое...³⁸*

Надо было жить, устраиваться, приспособливаться, обустриваться...

По сути дела братская болгарская земля все же с трудом становилась своей. В чем трудность? — в стиле, который в жизни русского и болгарина был различен. В подтверждение — только одна картинка:

«Поведение русских... было странно и непонятно болгарам, вызывало их осуждение. Русские мужчины целовали руки у замужних женщин, причем не только у пожилых, но и совсем юных. Русские женщины свободно ходили в одиночку по городу, без стеснения встречались и разговаривали со знакомыми мужчинами. Летом они носили привезенные с родины легкие белые платья из «шитья» с вышитыми или вырезанными медальонами, «мережкой» и другой «сквозной» вышивкой... Под платьями у русских женщин были красивые нижние юбки с воланами, кружевами и вышитыми медальонами, которые служили для защиты от нескромных глаз прозрачных частей надетого сверху платья, но воспринимались болгарками в совершенно противоположном смысле. Доходило до того, что болгарская женщина хватала русскую за подол платья, поднимала его и, завидя более нарядную, чем верхнее платье, нижнюю юбку, кричала: "Смотрите, они приехали соблазнять наших мужей!"», причем это иногда происходило в присутствии мужа-болгарина... Как это ни обидно и несправедливо, русских женщин часто называли "развалена руския", то есть "развратная русская"³⁹.

Болгарки, привыкшие к традиционному платью, зачастую просто не воспринимали русских женщин, одетых по-европейски. Именно о таких модницах в юмористическом листке «абсолютно независимой мысли» под названием «Вопль!» в 1929 г. публиковались следующие стихи:

*С каждым годом все короче
Дамский модный туалет...
И скажу я, не пророча,
Что нас ждет чрез десять лет*

*Побожуся я – ей Богу,
(Пусть простит Всевышний мне) —
Наши моды понемногу
Возвратятся к старине.*

*Скоро бабушки и девы!
И плеяды пышных дам —
Запестрят в костюмах Евы!
По бульварам и садам.*

*С каждым годом все короче
На прикрытые намеки —
И исчезнет между прочим
Даже фиговый листок⁴⁰.*

Как и везде, в русском зарубежье, в Софии были свои «питательные заведения». Назову несколько.

Предлагал себя первый русский ресторан «Гамбринус» (бульвар Дондуков, 36) с девизом «Вкусно—сытно—дешево»⁴¹.

Столовая при Русском офицерском собрании обещала «вкусные дешевые обеды и ужины» с непременноми водкой, пирожками и гречневой кашей⁴².

Рекламировали себя «Русский ресторан» (улица Бенковского, 2) и ресторан «Радость» (улица Клементины, 12), ресторан «Наслада» (улица Мария-Луиза, 61)⁴³.

В ресторане «Русский уголок» (улица Мария-Луиза, 61) чай по-московски и рюмка водки «на ходу» стоили одинаково – 5 левов⁴⁴.

В ресторане Родиона Писарева (потом А. Попова) «Медведь» можно было отобедать за 12 левов (два блюда на «свежем сливочном масле!»), причем водка и вина подавались с бесплатной закуской! (Номер газеты «Русь», в которой было помещено это объявление, стоил 3 лева)⁴⁵.

Можно было сходить в ресторан «1-я Старая Планина» Ал. Ив. Костова (угол ул. Сердика и ул. Экзарха Йосифа, 39)⁴⁶ или в столовую с обычным названием «Родина» (ул. 6 сентября, 18), но с ресторанными ценами⁴⁷.

В ресторан «Малага» (ул. Мария-Луиза, 58), можно было заскочить и хлопнуть рюмку водки «на бегу» за 5 левов. Уважающим «основательное питье» предлагался графин водки с закусками за 50 левов⁴⁸.

Водок было много и «Смирновской» и других «белоголовок. Василий Шульгин вспоминал такие рекламные строки:

*Родное нам вино
Петра Смирнова...
Когда ты пьешь его,
Захочешь снова...
Всегда свободно и легко
Я водку пью, а не Клико...⁴⁹*

Любили русские захаживать и в старый ресторан «Славянская беседа», где клиентов всегда удивлял дряхлеющий официант, который «каждый раз, рассчитываясь с клиентами... ловким движением подбрасывал... монокль к глазу и без промаха одним движением брови закреплял его на месте». Администрация считала его своеобразным символом этого ресторана, достопримечательностью и не увольняла старика⁵⁰.

Для простых работяг, зарабатывающих, бывало, до пятидесяти левов, еда обходилась значительно дешевле. Так на ул. Регентской, неподалеку от железнодорожного вокзала «Подуяне», располагалась столовая под грозным названием «Сибир»!

Владелец этого заведения бай Стефан назвал свое «пищеварительное заведение» не из-за того, что его когда-то упекли туда, а единственно по любви к России!!!

И у него обед из чорбы (супа) с тарелкой фасоли с мясом или кислым молоком обходился не дороже шестидесяти-семидесяти стотинок⁵¹.

Для вегетарианцев, «выживших после войны», действовала столовая (бульвар Дондуков, 51), где за обед из двух блюд с хлебом следовало заплатить 9 левов⁵², а также «Вегетарианский дом» (ул. 6 сентября, 1)⁵³ и ресторан «Ясная Поляна» (ул. Триадица, около «Сплендида»)⁵⁴.

Домашние обеды предлагали и русские семьи, например, по адресу бульвар Христо Ботев, 68, с 12 до 15 часов⁵⁵.

Для войсковых частей Василий Хранов готовил и продавал кислую капусту в 750-килограммовых бочках⁵⁶.

Реклама была неказиста, зато по-русски, с упоминанием неизменной вкусной водки! Были даже стихи. Вот ее яркий образчик заведения «Кабардле» (площадь Славейкова и угол ул. Левского, 18):

КУДА ИДТИ?..

*Когда захочется Вам выпить
И вкусно, сытно закусить,
– Куда, – Вы спросите – направить
Свои стопы, чтоб не бродить?*

*Ответ лишь может быть один
Идите прямо в «Кабардле»,
И не беда, что в кошельке
У Вас, друзья мои, не густо,*

*С полудня все там уже ждут
Прихода дорогих гостей
И по столам стремглав несут
Чорбу, и суп и порций щей.*

*Там кухня европейская,
Но есть и шашлыки,
И водка несравненная,
Вино и коньяки...⁵⁷*

Там можно было и «обмыть» удачную сделку и продажу бриллиантов и успех на выставке-продаже вещей русских беженцев: золото, серебро, ценные иконы, бронза, фарфор, хрусталь, меха, ковры, картины, гравюры, книги, ноты, различные рукоделия, игрушки, кустарные изделия, одежда, белье, обувь, манящих иностранцев⁵⁸, желавших по случаю, за бесценок, прикупить бесценное.

Кстати, в Софии, как и в других центрах русского зарубежья, были широко открыты двери ювелирных магазинов, куда можно было сдать на комиссию свои драгоценности. В частности, владелец «Петербургского ювелирного магазина» (ул. Левского, 2, напротив дворца) С. С. Кравец-Кравцов принимал бриллианты до 25 тысяч левов за карат, платина шла до 300 левов за грамм, золото – до 75 левов, серебро – до 5 левов⁵⁹.

Скупкой занимался и Первый Русско-Болгарский столичный банк «Взаимный кредит» (бул. Граф Игнатъев, 4, угол ул. Алабина)⁶⁰

Тем, у кого не было ни бриллиантов, ни профессии, деньги доставались «неинтеллигентским» трудом. Так, в 1923 г. в газете «Русь» можно было прочесть следующее объявление: «Русская дама принимает в стирку белье: работа выполняется добросовестно и гигиенично. Ул. Аспарух, 61»⁶¹.

«Требовались дамы в театр-ресторан «Фоли-Бержер» в качестве кельнерш и продавщиц цветов»⁶², где русская Мария Александровна превращалась в болгарскую «Мици».

И все же в Софии, где можно было в газете встретить такое объявление, как «Ангорский котик приглашает в гости породистую кошечку. Котят пополам»⁶³, было легче куда-нибудь устроиться, нежели в провинции.

В шахтерском Пернике бывшие воины Русской армии получали в 1923 г. 18–27 левов в день при бесплатном освещении, отоплении, жилье в казармах и бараках, полных клопов, и обеде из бобов с деревянным маслом, заправленных красным перцем или такого же риса⁶⁴.

И, конечно, многие бедолаги, особенно предпенсионного или пенсионного возраста, вероятно, горько вспоминали ту – прошлую, красивую – жизнь, думая о том, что вылилось в стихи у Марины Цветаевой в 1934 г.:

САД

*За этот ад,
за этот бред,
Пошли мне сад
На старость лет.*

*На старость лет,
На старость бед:
Рабочих – лет,
Горбатых – лет...*

*На старость лет
Собачьих – лад:
Горячих лет —
Прохладный сад...*

*Для беглеца
Мне сад пошли:
Без ни – лица,
Без ни – души!*

*Сад: ни шажка!
Сад: ни глазка!
Сад: ни смешка!
Сад: ни свистка!*

*Без ни-ушка
Мне сад пошли:
Без ни душка!
Без ни-души!
Скажи: довольно муки – на
Сад – одинокий, как сама.
(Но около и Сам не стань!)
Сад одинокий, как я сам.*

*Такой мне сад на старость лет...
– Тот сад? А может быть – тот свет? —
На старость лет моих пошли —
На отпущение души.*

Было легче молодым и здоровым, да еще обладавшим ходовой профессией.

В отличие от врачей или медсестер, спрос на которых всегда превышал предложение⁶⁵, инженерам найти работу было сложно в слаборазвитой стране. Многие из них стали работать землемерами, что считалось удачей. Тем не менее «группе русских инженеров удалось основать предприятие по устройству системы отопления в квартирах», т. е. модернизировать производство железных печей⁶⁶.

Многие беженцы начинали с физического труда, становились шахтерами, работали на стройках. Большой труд русские вложили в строительство софийского водопровода, начатого в 1934 г., а также в прокладку трамвайных путей в болгарской столице. Те, которые оседали в деревнях, занимались, в частности, дублением овечьих шкур. Одним из эмигрантов была даже открыта фабрика дубленок, которую в 1947 г. «владелец подарил Советскому Союзу»⁶⁷.

Юрист становился печником, князь открывал на паях с болгаринном производство мебели, во главе одного из трех колбасных производств в Софии был тоже русский, некто Суханов. При своей «мини-фабрике», размещенной в обычной квартире, он открыл магазин, где торговал еще теплой ветчиной, малороссийской, краковской, «собачьей радостью» и другими сортами. Колбасы продавали и другие русские, но уже только болгарского производства. К русской селедке приучал еще один магазинчик по фамилии Максимович, создавшей капитал на ее продаже. Имевшие вкус к торговле заколачивали деньги на продаже дешевой одежды, в том числе «секонд-хенда». Торговлей поношенной одеждой занималось и действовавшее с 1929 г. по 1937 г. целое предприятие, иронически прозванное русскими «Центрохламом». Женщины зарабатывали шитьем, открывали домашние столовые со знаменитыми русскими пирожками, память о которых жива и сейчас на Балканах. Выручал и родной язык, уроки которого вели в гимназиях эмигранты, в частности, они учили русскому болгарских певцов. Владение языками помогало найти самую разнообразную работу: в банках, «переводчиками или лакеями в посольствах», женщины устраивались гувернантками, нянями. Была попытка заработать легкие деньги на азартных играх. Так, семья Паганици открыла было казино, но бережливые болгары его обходили стороной, а у русских были другие заботы. В итоге игорный дом быстро закрылся, не оправдав ожидания хозяев⁶⁸.

Как это странно, что русских не привлекала игра на «легкие» деньги!

Русские предпочитали ставить на себя.

Только одна судьба: князь Александр Леонидович Ратиев. Это была личность, о которых на английском языке есть слово «selfmademan», т. е. человек, сделавший себя сам. Бывший марковец, он прибыл в Болгарию в 1921 г. Начал трудовую деятельность столяром, потом стал краснодеревщиком, открыл свою мастерскую, получил известность мастера интерьерера. И хотя в 1929 г. он закончил юридический факультет Софийского университета, но правоведом так и не стал, предпочтя старое, но любимое ремесло новому занятию. После Второй мировой войны, с 1947 г. по 1949 г., был даже директором деревообрабатывающей фабрики при Клубе советских граждан в Болгарии. Потом трудился главным проектировщиком в кооперативе «Народная мебель». Князь был автором многих интерьеров для правительственных учреждений, частных домов, зданий культурного назначения и др.⁶⁹

*Вся жизнь – азартная игра...
Как не люблю азартные я игры!
И что же делать? Боже мой!
Не умирать же!*

*Я проживу всю жизнь без ставок,
Поставив просто на саму себя!
А если будет мало – ваша воля
Поставьте на того вон короля.*

*Ах, ставки... Что за глупость?!
Я ставлю лишь на жизнь!
Живите! Умирать не в свое время – глупо!
И ставьте только! ТОЛЬКО! На себя!⁷⁰*

ЭКЗАРХ, АРХИЕПИСКОП, ПРОТОПРЕСВИТЕР, СВЯЩЕННИК, МОНАХИНЯ И ПАРТИЗАНКА

Вначале я хотел бы отдать дань памяти, уважения к экзарху Болгарской Православной Церкви митрополиту Стефану.

Один из русских, поселившихся в Болгарии, писал в 1923 г.: «Безотказно помогает русским, насколько может, Болгарский Св. Синод, и, в особенности, очень многие эмигранты с чувством самой искренней признательности будут вспоминать о бывшем представителе верховного комиссара Лиги Наций по делам о русских беженцах – еп. Стефана. Не из средств Лиги Наций, а исключительно благодаря своей энергии, отзывчивости, чуткому сердцу, он поддержал, накормил, обул, одел многие и многие сотни русских беженцев, многим выхлопотал визы в желательные для них страны и отправил их туда, наконец, помог своим участием и советом. И сказать по секрету, мне известны случаи, когда для оказания помощи епископ Стефан... закладывал свои «дрехи» (одежду)»⁷¹.

Добавлю, что уже в сане экзарха митрополит Стефан (Стоян Поп-георгиев Шоков) после освобождения страны пожертвовал от имени Болгарской Православной Церкви очень крупную сумму денег на лечение русских братушек.

Теперь о трех судьбах примечательных русских людей – архиепископе Серафиме (Соболеве), протопресвитере Георгии Шавельском, священнике Всеволоде Шпиллере, – в биографиях которых, столь различных, отразилось само время. Каждый из них достоин книги. И у любого из троих был свой путь, своя биография, свой формулярный список и общее время.

Итак, я начинаю.

Серафим (Николай Борисович Соболев; 01./14. XII. 1881, Рязань – 26. II. 1950, София), архиепископ. Окончил Рязанскую духовную семинарию. В 1908 г. закончил с ученой степенью кандидата богословия Санкт-Петербургскую духовную академию. В ее стенах, будучи на четвертом курсе, был пострижен в монашество с именем Серафима в честь преподобного Серафима Саровского.

Потом была преподавательская работа в пастырском училище в далеком от северной столицы южном Житомире, затем последовало назначение на пост помощника смотрителя Калужской духовной семинарии. Из Калуги был отправлен служить инспектором в Костромскую духовную семинарию. В декабре 1912 г. его повысили: стал ректором Воронежской духовной семинарии, которой руководил до 1919 г. После был перемещен на должность ректора Екатеринославской духовной семинарии, куда не мог приехать, так как город был занят отрядами Нестора Махно. Вследствие этого о. Серафиму было предоставлено место ректора духовной семинарии в тогда еще свободном от красных отрядов Симферополе, где 1/14 октября 1920 г. был рукоположен в кафедральном соборе во епископа Лубенского. (Святейшим Патриархом Тихоном был переименован во епископа Богучарского уже после отъезда из России.) В конце октября, когда Красная Армия была уже в 30 км от Симферополя, владыка просил у архиепископа Димитрия Таврического благословения остаться в России. Однако владыка не решился дать просимое: «...если с Вами случится что-то плохое, я буду страдать, что дал свое благословение». В этой ситуации было решено прибегнуть к жребию. После молитвы перед иконой Курской Коренной Божией Матери архиепископ вытащил листок с надписью «уезжать». 1/14 ноября 1920 г. на пароходе «Херсонес» он отплыл из Севастополя.

Сначала был Стамбул, потом провел несколько месяцев в богословской школе на о. Халки, а 6/19 мая 1921 г. прибыл в Болгарию.

В мае 1921 г. Высшим Церковным Управлением за границей владыка был назначен настоятелем храма св. Николая при русском посольстве в Софии и русского монастыря святого благоверного великого князя Александра Невского в Ямболе, а через три месяца управляющим русскими православными приходами в Болгарии на правах епархиального архиерея. В этой должности состоял до своей кончины. В 1934 г. возведен в сан архиепископа.

Что еще?

Защищал справедливость принятого в 1922 г. от имени Русского Всеаграничного Церковного Собора (1921 г.) Высшим Церковным Управлением обращения к Генуэзской конференции с призывом бороться с большевизмом. По словам владыки, это послание есть «воплль тяжко страдающей русской души с мольбою ко всем народам мира – спасти

всеми возможными мерами вплоть до оружия несчастный русский народ от большевизма как “культы убийства, грабежа и богохульства в России”». Ссылаясь на 93 (104) правило Карфагенского собора, где содержится ссылка на апостола Павла, прибегшего к воинской помощи против «людей бесчинных», считал этот шаг ВЦУ канонически правильным. Соответственно, полагал, что осуждение Святейшим Патриархом обращения сделано под давлением властей, «есть плод небывалого насилия врагов нашей Церкви, которое испытывает Она, в особенности в лице Ее главы – Патриарха Тихона».

Но так или иначе это обращение было использовано против Святейшего, о чем, вероятно, не задумывались за границей.

По вопросу управления РПЦЗ предлагал «остаться при Высшей Власти Соборной, разумея под нею власть собора епископов». «Последняя, – подчеркивал владыка, – не достигается указом Патриарха, она стоит вне его отрицательного действия, но вместе с тем она каноническая и единственная для всех нас, теперь – после указа Патриарха (№348 об упразднении Высшего Церковного Управления – В. К.) авторитетная». В перерывах между Соборами власть принадлежала бы для решения текущих дел Синодальной канцелярии с состоящим из архиереев Управлении, мало чем отличавшимся от Синода. Практически такая форма власти и установилась со временем в РПЦЗ.

В 1936 г. издал в Софии небольшую брошюру «Протоиерей С. Н. Булгаков как толкователь Священного Писания». В следующем году написал труд «Новое учение о Софии, Премудрости Божией», направленное против софианства, как ереси. За это сочинение Русский Архиерейский Синод по ходатайству Ученого при нем Комитета присудил ему степень магистра богословия. В 1938 г. на Втором Всезарубежном церковном соборе в своем докладе владыка показал зависимость экуменизма от масонства. (Позже, в 1948 г. на совещании глав и представителей автокефальных Православных Церквей в Москве обличал в своем докладе православных экуменистов в извращении догмата о церкви, а «их общение с экуменистами на конференциях и конгрессах назвал изменой Православию». По его мнению, влияние экуменизма опасно тем, «что его разрушительное действие направлено против наших канонов и догматов, которые отделяют православных от инославных и которые экуменисты стремятся уничтожить в целях образования

своей экуменической церкви». В 1949 г., в своем письме к Св. Патриарху Алексию I, он подчеркивал, что «религиозное единство» «в лице экуменизма ставит своею задачею поглощение всех поместных православных церквей и образование единой вселенской только не православной, а экуменической, т. е. еретической и масонской церкви, в чем и состоит сущность экуменизма». По мере возможности пытался противодействовать экуменизму, распространявшемуся, по его мнению, в высшем клире Болгарской Церкви. Одновременно выступал в болгарской церковной печати с критикой «живоцерковничества», наблюдавшегося в деятельности Союза священников Болгарии).

В 1937 г. митрополит Сергей (Страгородский) не включил владыку в список иерархов, запрещенных им в священнослужении.

В 1943 г. разошелся с митрополитом Анастасием, отказавшись принимать участие на Венском Соборе. 2 апреля 1945 г. владыка Серафим, сообщая Св. Патриарху Алексию I о своей готовности войти в состав РПЦ, просил оставить его патриаршим представителем в Болгарии, где он «сроднился со своею паствою, со своими духовными детьми, не только русскими, но и болгарами», добавив ключевую фразу, что к советской власти он будет лоялен. Одновременно он выразил желание включить в юрисдикцию РПЦ все русское духовенство, которое находилось в его ведении. В 1946 г. вошел в РПЦ.

В 1948 г. в Совете по делам РПЦ при Совете Министров СССР обсуждался вопрос о назначении владыки Серафима в префектуру экзарха по Западной Европе архиепископа Серафима (Лукьянова). Назначение не состоялось по ряду причин, в числе которых, возможно, был его монархизм, ярко выраженный в его книге «Русская идеология», пронизанной идеей самодержавия.

Считается основателем в с. Княжево женского Покровского монастыря, держащегося старого стиля.

Похоронен в склепе под алтарем софийского храма св. Николая Чудотворца. В настоящее время около его гробницы имеется своеобразный почтовый ящик, куда верующие опускают записки владыке Серафиму с многочисленными просьбами, о чем перед своей кончиной он говорил.

12/25 и 13/26 февраля 2002 г. в кафедральном соборе Болгарской Старостильной Церкви Успения Пресвятой Богородицы было совер-

шено местное церковное прославление святителя Серафима (Соболева), архиепископа Богучарского⁷².

А теперь несколько живых воспоминаний от Ивана Тинина из 1930-х гг.: «В то время архиепископом у нас служил прекрасный человек Серафим Богучарский... Мы прислуживали ему. После каждой литургии в алтаре его разоблачали (так по-церковному означает “раздевали”). Все, кто служил в этот день в церкви, подходили к нему под благословение: сперва священники, потом дьяконы, затем иподьяконы и только потом мы – прислужники. Рядом стоял архидьякон отец Иоанникий. Он когда-то служил не то в храме Христа Спасителя, не то во Владимирском соборе в Киеве. Этот архидьякон обладал такой контроктавой, что когда затягивал “И сотвори ему вечную-ю-ю па-а-а-амь”, то его звук уходил так далеко вглубь, что мурашки пробегали по телу. Он обычно держал в руках дискос (блюдо по-гречески). Во время службы члены попечительского совета обходили весь храм с тремя блюдами с надписями “на храм”, “на хор”, “на бедных”. Затем, когда эти блюда приносились в алтарь, все пожертвованные деньги ссыпались в одно блюдо, которое держал архидьякон.

Мы подходили к архиепископу, положив правую ладонь на левую под благословение. Он благословлял нас, потом брал горсть денег с блюда, клал нам в ладонки и по-отечески шлепал нас по щеке. Но у него была такая тяжелая монашеская рука, что мы потом, отойдя от него, долго вправляли челюсть, а после считали деньги – у кого больше, у кого меньше.

Архиепископ Серафим в 1947 году получил советское гражданство, и ему был выдан советский вид на жительство по Болгарии № 1... Умер наш архиепископ в 1952 году... и тут пошли чудеса от его мощей. Кто-то исцелился, кто-то нашел своего сына, кто-то хорошо сдал экзамены, а кого-то просто Бог миловал от несчастья»⁷³.

Я тоже во время одной из своих командировок опускал в «ящик» свою записку.

Широко известна была в Софии и духовная дочь и сподвижница владыки Серафима матушка Серафима (Ольга Андреевна Ливен, княжна; 29. 11. 1913 – 23. 05. / 05. 06. 2004, Княжево, Болгария), основательница и игуменья монастыря Покрова Божией Матери в с. Княжево.

Выпускница Богословского факультета Софийского университета,

что было редкостью для женщины, особенно если вспомнить, что в России высшее богословское образование было доступно только мужчинам, она некоторое время занималась преподавательской деятельностью в гимназиях. В 1949 г. приняла монашество (по другим данным – 6 марта 1948 г.). В 1968 г., когда в Болгарской Православной Церкви был введен новый календарный стиль (вместо юлианского – григорианский), руководимый м. Серафимой монастырь остался верным прежнему, став центром старостильной Болгарской Церкви⁷⁴.

Добавлю, что другая дочь о. Андрея Ливена избрала другой путь: в годы войны ушла в партизаны, сражалась с врагами. В освобожденной Болгарии играла в Клубе советских граждан в постановках Н. О. Массалитинова⁷⁵.

Еще одна известная всей Софии замечательная личность – протопресвитер Шавельский Георгий Иванович (06. I. 1871; с. Дубокрай, Витебская губерния – 02. X. 1951, София), автор интереснейших воспоминаний о своем времени и о себе. Его необыкновенной биографии хватило бы с лихвой на десятерых. Бывший глава военного и морского духовенства в русской императорской, затем в Добровольческой армии родился в семье сельского дьячка. После семинарского образования мог быть отправлен в духовную академию на казенный счет, но избрал другой путь. С 19 августа 1891 г. стал обычным псаломщиком в сельской церкви в родной губернии и преподавал одновременно в школе грамоты. Но его энергия, образованность не могли остаться без внимания начальства: 9 марта 1895 г. был рукоположен во иерея. Служил настоятелем храма в с. Бедрица своей губернии. После смерти жены (19 апреля 1897), оставшись с двухлетней дочкой на руках, он продолжал ревностно трудиться. Его деятельность была замечена Витебским владыкой Александром (Заккисом), который рекомендовал продолжить богословское образование.

В 1898 г. о. Георгий поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию, где был возвышен: выполнял обязанности благочинного академического духовенства, служил проповедником на Александровском машиностроительном заводе, являлся настоятелем Суворовской церкви при Академии Генерального штаба. После окончания академии был оставлен в ней преподавателем богословия. Во время русско-японской войны пошел на фронт, служил полковым священни-

ком, затем дивизионным благочинным, а с 1 декабря 1904 г. главным священником Маньчжурской армии. За организаторские способности и проявленную храбрость возведен в сан протоиерея, награжден орденом св. Владимира с мечами и бантом и золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте из Кабинета Его Императорского Величества. Причем во время ведения военных действий причащал не только умирающих инославных, но и идущих в бой католиков или армян. За такой образ действий получил выговор, но отказался признать свою неправоту. Более того, в 1912 г. во время встречи с инославными офицерами о. Георгий четко сказал, что «исповедные перегородки установлены людьми, но они не достигают до неба». Тут же скажу, что его голос звучал не в унисон, когда речь заходила об экуменическом движении. В частности, о. Георгий полагал полезным участие в нем православных уже вследствие того, что оно позволяет на новом уровне нести истину о Православной Церкви.

В марте 1906 г. вернулся к служению в Суворовскую церковь. Одновременно преподавал с 1906 г. по 1910 г. Закон Божий в Смольном институте. С 1910 г. профессор Богословия в Императорском Историко-Филологическом институте. В 1909 г. член Епархиального миссионерского совета, в 1910 г. член Духовного правления Военного Протопресвитера, с 22 апреля 1911 г. Протопресвитер военного и морского духовенства. В 1913 г. настоятель Феодоровского Государева Собора в Царском Селе. Можно сказать, что он достиг, будучи священником, вершин, на какие может быть поставлен представитель белого духовенства.

Во время Первой мировой войны о. Георгий находился в Ставке Верховного Главнокомандующего: объезжал фронты, посещал передовые позиции. Подавал пример самоотвержения и пастырского служения на войне. Награжден Георгиевскими медалями трех степеней и орденом святого благоверного Александра Невского.

С ноября 1915 г. по май 1917 г. член Св. Синода. С осени 1917 г. член Всероссийского Поместного Собора и товарищ его председателя. В 1917 г. на съезде военного духовенства был избран пожизненным главой русского военного ведомства. Имя о. Георгия называлось на Всероссийском Поместном Соборе 1917—1918 гг. в числе кандидатов на Патриарший престол, но он сам снял свою кандидатуру 30 октября/

12 ноября 1917 г. перед голосованием по избранию трех кандидатов на Патриаршество – Антония (Храповицкого), Арсения (Стадницкого), Тихона (Беллавина). Входил в состав Высшего Церковного Совета при Св. Патриархе.

В 1918 г. через Пинские болота перебрался в Киев, оттуда в ставку А. И. Деникина. Содействовал созыву в Ставрополе Церковного Собора, товарищем председателя которого был избран. Входил в состав Высшего Церковного Управления на Юге России. Был редактором «Церковных Ведомостей».

Новороссийск стал последним русским городом, из которого он отплыл из России, разделив судьбу русских изгнанников. Временно разместился вместе с частями Белой армии на о. Лемнос.

В 1920 г. после отказа владыки Гермогена (Максимова) отслужить панихиду по императору Николаю II, он согласился отслужить, но, как ядовито писал известный психиатр Н. Краинский, не по царю, а просто по рабу Божьему Николаю, ведь он «бывший самодержец!» Симптоматичен, подчеркивает С. Фомин в «Русском вестнике», и отзыв самого царя в 1916 г. о Шавельском: «Не чувствую себя в настроении исповедоваться у Шав[ельского], потому что боюсь, чтобы оно не принесло вместо мира и спокойствия душе обратного!». Не сложились отношения у Шавельского и с митрополитом Антонием (Храповицким), которого он задел в одной из своих статей, намекнув на «злословие и блудословие» – владыки, что было несправедливым. По сути дела, резкость высказываний о. Георгия, его «странные» поступки, вызывавшие возмущение, – все это вело к увеличению врагов, критиков протопресвитера в среде высших иерархов. А как можно было смотреть на того, кто считал монашество отжившим свой век церковным институтом?

Судя по его воспоминаниям, он был действенным защитником многих военных от несправедливостей, заступаясь за них перед высшим военным руководством.

С Лемноса выехал в Болгарию. Служил в Софии рядовым священником в русском храме. Преподавал в Софийской духовной семинарии и на Богословском факультете Софийского университета, где читал курс «Православное пастырство». Учил Закону Божьему детей в русской гимназии, во главе которой стоял одно время. С 1926 г. являлся председателем Софийской академической группы.

Активно сотрудничал с болгарскими церковными журналами и изданиями. Много писал по вопросам церковной администрации и религиозного воспитания.

Вышел из РПЦЗ после раскола, расцененного им как «позор» и «безумие».

Принял предложенный митрополитом Софийским Стефаном пост почетного священника в церкви св. Седмичисленницы, на котором, находясь в составе Болгарской Церкви, оставался до конца жизни.

Принадлежал к числу сторонников создания нового типа учебного монашества по образцу «просвещенного немецкого пастората» протестантской Германии. Во второй половине 1940-х гг. напечатал в Ежегоднике Богословского факультета статью, посвященную «острой критике монашества в России, того монашества, которое и он считал (в этом основная идея его работы) учреждением церковным, отжившим свой век».

Создал братство св. Николая для помощи нуждавшимся русским беженцам.

«Проповедовал, что мир в мире может быть только после религиозно-нравственного перерождения, а это лежит в религиозно-нравственном воспитании молодого поколения».

В Москве (в Совете по делам РПЦ при Совете Министров СССР) о. Георгий рассматривался как важная фигура в эмиграции. Именно поэтому его в 1948 г. не хотели выпускать из «народной Болгарии» в США, когда по информации Москвы, оттуда пришло приглашение на преподавательскую деятельность. И даже были готовы пересмотреть вопрос о приеме о. Георгия в советское гражданство.

Кроме «Православного Пастырства», изданного на русском и болгарском языках, о. Георгий написал несколько книг для молодежи по изучению богослужбного круга. Автор таких сочинений, как «Толстовское учение о непротивлении злу» (София, 1934); «Свети Атанасий Великий» (София, 1924); «О Боге и Его правде» (София, 1938); «Молитва Господня» (София, 1939). В 1954 г. издательство им. Чехова издало в Нью-Йорке «Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота» в двух томах. Из неопубликованных рукописей: «Русская Православная Церковь перед Революцией», «Три года в Ставке Верховного Главнокомандующего», «Автобиогра-

фия». В своих мемуарах нарисовал яркую картину развала Русской армии периода гражданской войны⁷⁶.

И опять из школьных воспоминаний Ивана Тинина: «занятия с ним проходили очень живо и интересно по причине не только его умения вести уроки, а из-за его небольшой, но важной для нас слабости. Он любил отвечать на умные вопросы и так отвлекался от урока на детали, что забывал спрашивать нас. Причем нельзя было задавать те вопросы, которые когда-то задавали предыдущие выпуски гимназистов. Он их не признавал и говорил, что на этот вопрос уже отвечал в таком-то году и, кому интересен его ответ – пусть справляется у старшеклассников. Поэтому вопрос о том, может ли Бог создать камень, который не смог бы сам поднять, уже не проходил. Отец Георгий охотно рассказывал нам о Первой мировой войне, о Брусилове и Самсонове, о Николае Николаевиче и об Алексееве. В его памяти хранились жития множества святых, что очень хорошо помогало нам при подготовке к уроку истории. Ведь он рассказывал не только само житие, но и давал всю историческую обстановку того времени... Находить умные вопросы для отца Георгия было очень трудно, и кто их находил, тот пользовался огромным уважением у всего класса, особенно у гимназисток, что было немаловажным. Как-то после Пасхи я обратился к законоучителю с небольшой просьбой:

– Отец Георгий, на пасхальной заутрене читают первую главу Евангелия от Иоанна на разных языках, но так невнятно, непонятно. Не могли бы Вы прочитать нам эту главу на тех языках, которые Вы знаете.

Отец Георгий был польщен такой просьбой... На следующем уроке он выполнил свое обещание и прочитал на 23 языках “В начале было Слово...”. Кроме всех живых европейских языков, он нам читал по-готски, по-кельтски, по-арабски, по-коптски, на санскрите и многих других языках.

Мы наслаждались неизвестной музыкой разных народов, то торжественной, как удары колокола, то плавной и напевной. То чеканной, как строевой марш, то нежной и задумчивой»⁷⁷.

Теперь о протоиерее Шпиллере Всеволоде Дмитриевиче (1/14. VII. 1902, Киев – 08. I. 1984, Москва). Отец – дворянин Дмитрий Алексеевич Шпиллер, архитектор; мать – Мария Николаевна Полякова – пе-

вица, оставившая в замужестве оперную сцену. В 1912 г. поступил во Владимирский кадетский корпус. С 1918 г. по 1920 г. воевал в Добровольческой армии. Имел несколько ранений.

С 10 декабря 1920 г. по ноябрь 1921 г. находился в Галлиполи вместе с другими русскими солдатами. В декабре 1921 г. переехал в Болгарию. Работы не было: одно время зарабатывал тем, что разряжал вместе с другими русскими «охотниками» на черноморском побережье снаряды – среди местного населения таких охотников не находилось. Потом, в 1927 г., поступил на Богословский факультет Софийского университета. Тогда многие из русской эмиграции, в том числе из военных кругов, вставали на путь получения духовного образования,

20 июня 1934 г. был рукоположен во диакона, а на следующий день во иерея в Софии архиепископом Серафимом (Соболевым). За отсутствием вакантных мест был устроен владыкой в Болгарскую Православную Церковь и назначен приходским священником церкви Успения Божией Матери в г. Пазарджике Пловдивской епархии. Одновременно преподавал ряд таких предметов, как Закон Божий, логика, психология, пропедевтика, русская литература и история в гимназии, сельскохозяйственном институте. Был членом церковного суда, потом его председателем. Нес священнические обязанности в церкви при городской тюрьме. Отказался отслужить панихиду по немцам, погибшим в Сталинграде.

Осенью 1944 г. принял предложение министра иностранных дел и исповеданий правительства Отечественного Фронта Петко Стайнова пересечь в Софию и войти в министерскую комиссию по выработке проекта отделения Церкви от государства. После двухлетнего труда проект был одобрен, став основой последовавшего вскоре соответствующего закона. Вплоть до своего отъезда на Родину был негласным советником по представлявшим взаимный интерес церковно-государственным вопросам, касавшимся Русской Православной Церкви.

Убежденный, как и многие русские, тогда в том, что «... Большевики кровью в войне смыли свой грех перед Россией», о. Всеволод с семьей, в 1946 г. по благословению владыки Серафима (Соболева) принял советское гражданство.

В составе болгарской делегации в 1948 г. присутствовал на Советании глав и представителей Автокефальных Православных Церквей в Москве.

Автор хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации ряда аналитических записок в Московскую Патриархию о церковной жизни в Болгарии, в том числе по экуменической проблематике.

Распоряжением Совета Министров СССР от 20 ноября 1949 г. за № 18532 – рс ему был разрешен въезд на постоянное место жительства в СССР из Болгарии, и 4 февраля 1950 г. о. Всеволод вернулся с семьей в Россию.

Отпускную грамоту о. Всеволоду с «перечислением его заслуг перед Болгарской Церковью и благословением на дальнейшее его служение Русской Церкви» подписал митрополит Врачанский Паисий, тогда временно возглавлявший Св. Синод.

Через месяц Св. Патриарх Алексей I написал на прошении о. Всеволода: «1950 год, февраля 10. Протоиерей Всеволод Шпиллер с любовью приемлется в клир Православной Русской Церкви и назначается настоятелем Ильинской церкви г. Загорска». Кроме этого, о. Всеволод был определен на преподавательскую работу в Московскую духовную академию и семинарию, а несколько позднее, по утверждению в звании доцента – и. о. инспектора этих учебных заведений.

В 1951 г. последовал уход с преподавательской работы. Некоторое время был настоятелем храма в Новодевичьем монастыре, а 21 сентября 1951 г. в праздник Рождества Пресвятой Богородицы о. Всеволод был назначен настоятелем Николо-Кузнецкого храма, в котором прослужил более 32 лет. Его трудами прежний «вокзальный» приход (неподалеку был Павелецкий вокзал) переименовал свой облик. Благодаря пастырскому и проповедническому талантам о. Всеволода, храм стал одним из самых известных и посещаемых интеллигенцией. О. Всеволод взрастил многих из тех, кто встал на путь пастырского служения.

Деятельный и авторитетный участник международных церковных встреч.

Умер в 1984 г. на второй день Рождества, в день Собора Пресвятой Богородицы.

Похоронен на Кузьминском кладбище в Москве.

Имя о. Всеволода, память о нем хранятся его учениками и духовными детьми. Организованная 25-27 мая 1992 г. I Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского Богословского Института (потом ПСТГУ) проходила под названием «Чтения памяти

прот. Всеволода Шпиллера». В последующие годы одно из заседаний указанной конференции Института обязательно посвящается его памяти. Проводятся вечера воспоминаний⁷⁸.

Биографии представленных здесь людей столь различны, что трудно подобрать слова, которые могли бы быть использованы в качестве общего заключения. Проще всего сказать, что их объединяла София, в которой они жили, служили, преподавали, работали, огорчались и радовались и любили Россию по-своему...

УЧЕНЫЕ – СВЕТ

Родина была далеко, слезами ее нельзя было вернуть. Надо было жить и обживать Болгарию, нуждавшейся в квалифицированных кадрах. Начну с традиционной картинки – культуры, с просвещения умственного и нравственного, где трудились десятки и сотни русских беженцев, университетских профессоров, гимназических преподавателей, церковнослужителей. Уже стало привычным, что при обрисовке этой темы исследователи нередко обращаются к практике привлечения русских прежде всего в Софийский университет. Я попробую начать с ab ovo, с детства.

«В начале 1920-х гг. в местности «Горна Баня» под Софией существовал русский приют для русских детей до восьми лет. Он помещался в двухэтажном здании, в котором находились спальни, но не было столовой. Дети круглый год ели во дворе, под навесом... Многие были настолько малы, что их приходилось кормить, причем воспитательницы делали это с нарушением элементарных санитарных норм. Вообще антисанитария царила в приюте: грязные простыни часто не стирались, а только просушивались, дети были вшивыми. Рядом с приютом протекал ручей, в котором летом ребячья целыми днями купалась без всякого надзора, часто под жарким солнцем. В результате дети часто получали ожоги и страдали простудными заболеваниями. В середине 1920-х годов приют в «Горне Бане» закрыли, и вскоре был создан новый приют в городской черте Софии, рядом с парком «Борисова градина». В новом приюте воспитывались сироты или дети самых бедных эмигрантов. Здесь санитарные требования соблюдались безукоризненно: даже зубные щетки после каждого употребления дезинфицировались раствором марганцовки, отчего становились черными. Однако директриса установила в приюте режим полного молчания. Даже самые маленькие воспитанники не смели произнести ни одного звука, а воспитательницы говорили вполголоса. У детей были игрушки, но играли они молча... Неудивительно, что приютские дети вырастали озлобленными и некоммуникабельными людьми»⁷⁹.

Картина настолько неприглядна, что не хочется верить воспоминаниям И. В. Матвеевой. Но воспитание всегда связано с насилием, особенно в приютах, воспитатели в которых имели и имеют свои «педагогические приемы» для бедных и сирот. Хочется верить, что в трех детских садах, действовавших на болгарской земле к 1922 г.⁸⁰, таких методов не было. Это, конечно, не аргумент для истории, но есть стереотип памяти: запоминается обычно нечто исключительное, чаще всего плохое, а среднее, обычное, т. е. «скучное» не представляет интереса для мемуаристов.

А теперь о так называемой средней «картинке» в сфере обучения взрослых и малышей. Уполномоченный Всероссийского союза городов (ВСГ) генерал А. В. Арцишевский проявил недюжинную энергию в поиске средств для финансирования учебных заведений. В течение лета 1920 г. ВСГ сумел открыть ряд дошкольных учреждений и начальных школ, а также курсов для взрослых.

В Софии были открыты курсы машинописи, стенографии, рисования, по плетению корзин, иностранных языков, популярные среди молодежи. Но к марту следующего года профессиональные курсы были закрыты вследствие небольшого числа желавших там учиться: «в громадном большинстве случаев выброшенными из России в Болгарию оказались люди, принадлежавшие к тем классам интеллигенции, которые не желали менять род занятий до этого, а ремесла если и знали, то только с любительской точки зрения». В то же время эффективно работали с 1921 г. «Подготовительные инженерные курсы» – дорожно-строительное отделение и архитектуры, электротехническое, механическое, выпускники которых получали диплом техников. В 1922 г. руководство курсами постепенно перешло к ХАМЛ, взявших на себя финансирование курсов. Получивших название Практических технических курсов. Вместе с русскими там стали учиться и болгары⁸¹.

Переходя к гимназиям, напомним несколько фактов. Первая гимназия была создана одесскими педагогами 23 апреля 1923 г. в Варне, через которую шел основной поток беженцев. 17 июня того же года русско-болгарский благотворительный комитет открыл гимназию в Софии⁸². К середине 1920-х гг., кроме столичной, насчитывалось еще четыре: Варненская, Шуменская, Галлиполийская, Пещерская (последняя по имени школьной иконы носила название «Крестовоздвиженской»).

К этому времени близ Тырнова была создана сельскохозяйственная школа-колония, для которой власти отвели расположенные по соседству заброшенные здания Копиловского и Плаковского монастырей и 110 гектаров земли. К 1922 г. в ней учились дети главным образом донских и кубанских казаков, а также калмыки. Но количество будущих земледельцев постоянно сокращалась: если в начале 1924 г. в ней обучалось 112 человек, то в 1930 г. там жили всего 20 воспитанников⁸³.

Естественное сокращение учеников коснулось и гимназий. Однако к началу 1930-х гг. вследствие нехватки средств и упомянутого процесса «убыли» осталась одна – Софийская.

«Гимназисты, – вспоминала свою юность И. В. Матвеева, – носили форму: мальчики – черные брюки и черные, большей частью сатиновые гимнастерки, подпоясанные кожаным ремешком. У них были также форменные фуражки с гербом гимназии: две веточки обрамляли буквы СРГ, означавшие «Софийская русская гимназия». У девочек было две формы – зимняя и летняя. Зимой носили черные сатиновые халатики с длинными рукавами (сначала они застегивались спереди, потом застёжки зашили, и халат нужно было одевать через голову) или зимние платья из черной шерстяной материи. Халаты и платья подпоясывались матерчатым пояском, к ним подшивался белый воротничок, у выреза был черный бант. На голове девочки носили черные береты, опоясанные черной же лентой с гербом гимназии. Летняя форма состояла из темно-синей юбки, белой блузки с черным бантом на груди и белой панамки с черной лентой и гимназическим гербом». До 1925 г. гимназия помещалась в здании 2-й Софийской мужской гимназии на углу лиц «Царь Аспарух» и «Витошка». Утром в ней учились болгары, а с 14 часов – русские. В 1925/26 учебном году гимназисты учились в помещении болгарской 4-х классной прогимназии, а в следующем году в прекрасном здании училища «Васил Априлов»⁸⁴.

Огромное значение придавалось преподаванию Закона Божьего. По этому предмету, который вел о. Георгий Шавельский в русской Софийской гимназии, «нельзя было получить отметку ниже «пятерки». При «четверке» шла проработка в присутствии классного наставника... При «тройке» вызывались родители, и разговор уже шел с намерением; а не вероотступники ли сами родители. При «двойке» разговоров не было: ставили вопрос о твоём исключении из гимназии, и долго

потом приходилось упрасивать педсовет, чтобы тебя оставили хотя бы на второй год»⁸⁵.

19 декабря гимназия праздновала день своего покровителя Св. Николая Мирликийского. Торжественный вечер открывался гимном гимназии: слова учителя словесности Нилова, музыка учителя пения болгарина Динева.

*Судьба и братское влеченье
В страну нас эту привели.
В ней обретаем мы ученье,
Храня завет родной земли.
Невзгоды, тяжкие страданья
Пройдут добром и красотой.
Окрепнувши под стягом знания,
Творить вернемся мы домой.
В России помнить будем вечно
Тот край, где молодость прошла,
Где мы поверили сердечно
В бессилье тьмы, непрочность зла.
Там берегутся талисманы,
Там святы юные года,
Там Плевен, Шипка и Балканы
В нас не померкнут никогда»⁸⁶.*

Небольшое добавление, в Болгарии до 1944 г. насчитывалось 440 памятников русским солдатам, отдавшим свои жизни освобождению Болгарии в войне 1877—1878 гг. После прихода советских войск начался демонтаж монументов. Так, был уничтожен памятник кавалергардам, выполненный в форме усеченной пирамиды, на камнях которой были высечены имена погибших за освобождение Софии. Венчал памятник российский двуглавый орел с склоненными в знак скорби головами. Такой памятник пришелся не по нраву советским «деятелям», и его не стало. Но многие все же были сохранены: то ли денег не хватило, как пишет И. Г. Тинин, то ли «болгары оказались более мудрыми, но многие памятники русским людям они все же сохранили до сих пор.

Сохранился и самый красивый памятник в Европе, поставленный перед Народным собранием Болгарии и посвященный царю Освободителю, то есть Александру II. На его пьедестале было написано медными литыми буквами: “Царю Освободителю признательна Болгария”. Советская власть не решилась демонтировать известный памятник, но заменила на нем надпись: “Братьям-освободителям признательна Болгария”»⁸⁷.

С ходом времени менялись не только директора, но и адреса гимназии. Известно, что она потом была размещена в здании первой девичьей гимназии на ул. Царя Шишмана, потом на окраине города, на ул. Ополченской. Как писал Тинин, «Болгарские школьники в этих помещениях учились в первую смену, а мы во вторую. Поэтому в наших партах мы просверливали тайные дырочки и туда закладывали любовные записочки болгарочкам, которых мы так никогда и не видели. Но они также тайно отвечали нам. Записки носили не только любовный, но и... эротический характер. Они были, как правило, без подписи, чтобы если взрослые поймают кого с запиской, то не найдут, кто писал и кому»⁸⁸.

Учителя у русских детей, как и сами их воспитанники, были разные, но хорошие. Так, вспоминал Иван Тинин, «нельзя не сказать несколько добрых слов о преподавателе русской литературы Александре Ивановиче Виссонове. Он был высокого роста, худой, страшный выпивоха и картежник. Приходил он к нам, как всегда, после похмелья... рассказывал нам литературу не по учебнику. Александр Иванович встречался в своей жизни с Л. Н. Толстым, Андреем Белым, Чеховым, Мережковским, с Есениным и Маяковским. Поэтому о них он рассказывал на уроках как о живых людях. Они представляли перед нами со своими привычками, слабостями, гениальностью и неповторимостью. Например, Маяковского он характеризовал как хулигана в литературе. Но при этом добавлял, что хулиганы всюду нужны»⁸⁹.

Учителя: в старших классах историю преподавал одессит Валериан Антонович Жуковский. Практикуемая им система штрафов за плохие оценки или отказ отвечать позволяла накапливать некоторые суммы, которые шли на оплату учебы бедных учеников⁹⁰.

В старших классах латынь преподавал директор гимназии Анатолий Павлович Стефанов (01. I. 1863 – 16. IX. 1932, Болгария), вы-

пускник Санкт-Петербургского историко-филологического института, Преподавал в Павлоградской Бердянской и 1-й Кишиневской гимназиях. В 1903 г. директор Аккерманской гимназии. В том же году стал директором 3-й Одесской гимназии, где прослужил до 1907 г. С 1907 г. председатель педагогического совета Мариинской гимназии. С 1909 г. возглавлял Педагогические курсы для подготовки учителей средней школы при Одесском учебном округе. Действительный статский советник. Имел ордена⁹¹.

Требовал безукоризненного знания от своих, часто великовозрастных, учеников. С одним из них связан курьезный случай, когда, получив двойку, бывший офицер, возвращаясь на место, громко сказал: «С красными сражался, под обстрелом был, так двойкой меня не испугаешь!»⁹²

Но вряд ли это действовало на учителей. Варвара Степановна Новосильцева из семьи курских промышленников, любила повторять «На небе Бог, а на земле я»⁹³.

Журналист, педагог, выпускник историко-филологического факультета Киевского университета Иван Петрович Нилов (ок. 1892 – 13.VIII. 1933, Княжево), вел уроки литературы, логики и психологии. Он же читал в Свободном университете и у Кузьминой, о которой пойдет речь ниже.

Нилов хотел преподавать в Софийском университете, но ему было отказано: в его прошении, написанном на болгарском языке, было много ошибок⁹⁴. Много времени отдавал любимой журналистике: сотрудничал в софийском журнале Н. Чебышева «Зарницы», печатался в софийских газетах И. М. Калининкова «Русь» и «Свободная речь». Был известен читателям под псевдонимом «Сенекс» (от лат. «старик»). Заботясь о грамотности детей, написал книгу «Русский падеж: Очерк современного склонения» (София, 1930)⁹⁵.

Вместе с волной русских эмигрантов в 1919 – 1920 г. в Болгарию прибыла Варвара Павловна Кузьмина, опытный педагог, владелица Санкт-Петербургского среднего реального училища, основанного в 1906 г.

На болгарской земле она продолжила свою деятельность на посту начальницы Крестовоздвиженской Русской Гимназии в г. Пещера. Потом переехала в Софию, поселившись на ул. Гургулят /угол ул. Ф. Нансен.

«Варвара Павловна жила в одном доме с друзьями моих родителей, – вспоминает Ляля Петренко – их дочка, моя подружка Валя, начала заниматься французским языком с Ольгой Михайловной, и я присоединилась к ним. Постепенно прибавлялось все больше детей. Нас разделили на две группы – старшие и младшие»⁹⁶.

К осени 1923 г. она открыла курсы «Новых языков для детей», которые к весне 1924 г. превратились в «Русскую школу Новых языков В.П. Кузьминой», заняв одноэтажное здание с садом на ул. Г. Раковского. Потом, в 1928 г., школа переехала в пятиэтажное здание на углу 6-го Сентября и ул. Ив. Вазов с 37-ю комнатами и отдельным двором. А за два года до переезда ее учебное заведение было признано Министерством народного образования Болгарии как «полная основная школа». В нее стали поступать и болгарские дети. В 1932 г. она стала называться официально Русская смешанная гимназия новых языков В.П. Кузьминой, но в Софии получила известность как Лицей В.П. Кузьминой.

Школа жила на основах самокупаемости и пожертвованиях из-за рубежа. «Один русский, живущий в Америке, – вспоминает бывшая ученица Валя Церель – выразил желание внести плату за ученицу, которая хорошо учится. Выбрали меня...Деньги были присланы в Итальянский Банк на ул. Леге, где я только расписалась в получении этих денег. На средства от этого дарения был сделан ремонт, покрашены парты, и даже куплена форма нескольким учащимся.

После этого даритель, приехав в Софию, пожелал увидеться с ученицей, за которую он внес плату, и пригласил меня на ужин в свой отель, прислав за мной огромную машину. После ужина он повел меня в самую лучшую кондитерскую на ул. Дондуков и накупил всевозможных пирожных. Я появилась в интернате с огромной коробкой сладостей, которые мы все тут же съели»⁹⁷.

Однако материальные затруднения нарастали. Тогда, в 1929 г., было основано «Дружество помощи бедным учащимся из школы В.П. Кузьминой». К 1930 г. школа стала получать субсидии на детей из бедных русских семей от Болгарского правительства. К 1930-1931 гг. в гимназии было уже 183 учащихся и 43 человека педагогическо- административного персонала. Из 87 русских детей 37 учились бесплатно, 27 вносили льготную плату. Остальные платили в зависимости от дохо-

дов родителей. Взносы были разные, например, за детский сад – 3050 левов в год, за начальную школу – 5050 левов, за гимназию – 6050 левов, за интернат – 2060 левов⁹⁸.

Покровительницей гимназии была Св. Варвара, лик которой был и на знамени школы. 4/17 декабря, в день Св. Варвары, учащиеся отмечали и именины Варвары Павловны. Вышивали и дарили ей скатерти, платочки, собственноручно сделанные небольшие вещицы. «Лицеистов В. П. Кузминой всегда можно было узнать по красивой форме. У девочек – черный передник с длинными рукавами и большими боковыми белыми пуговицами, большой белый воротник и галстуки – банты: у девочек младших классов – розовые, у старшеклассниц – синие. У мальчиков – черная рубашка с поясом. На голове девочки носили темно синий берет, а мальчики – фуражку. Предметы преподавались на русском, французском и болгарском языках по программе болгарских школ. По желанию дети могли изучать английский или немецкий, а старшеклассники – латинский язык»⁹⁹.

В гимназии часто устраивались концерты, на которые приглашались певицы из Народной Оперы, а также такие писательницы, как Дора Габе, Елизавета Багряна, Калина-Малина.

В годы войны, во время союзнических бомбандировок Софии, здание сильно пострадало. Окончательный удар был нанесен новой властью. В 1950 г. гимназия была закрыта, несмотря на то что большинство русских детей были болгарскими гражданами. Сама Кузьмина уехала во Францию, где и окончила свои дни.

Из других педагогов, имена которых сохранили их ученики в своих воспоминаниях, назову инженера Николая Лесела, преподававшего в механико-техническом училище. Бернард Розенберг писал, что он был их любимым учителем. И хотя он говорил с сильным русским акцентом, но на его лекциях царила полная тишина. Лесел подавал учебный материал так выразительно и ясно, что запоминалось без труда. Кроме Лесела, которому автор воспоминаний впоследствии помог издать книгу, Розенберг вспомнил и маэстро Максимова, училищного капельмейстера. Этот невысокого роста человек, старавшийся скрыть свою хромоту, ввел учеников в прекрасный мир музыки!¹⁰⁰ Позволю себе привести только одну сценку из школьной жизни: «Оркестр собирался на репетиции в помещении, которое было на верхнем этаже училища. Для

прихрамывающего маэстро Максимова было тяжело подниматься наверх по лестнице. Мы, когда слышали, что он поднимается, начинали играть какой-нибудь марш, которым и встречали его»¹⁰¹. Должно быть хорошо было начинать занятия с бравурной маршевой музыки!

Всего к середине 1920-х гг. в Болгарии насчитывалось 224 русских педагога, из которых 99 преподавало в болгарских учебных заведениях. Добавлю немаловажную деталь: учащие детей болгар получали наравне со своими болгарскими коллегами «за 18 недельных уроков до 32 долларов (4 500 левов), сумму, вполне обеспечивающую жизнь семьи в 2—3 человека»¹⁰².

Представлю «картинку» из жизни совсем обычного русского учителя.

Федор Георгиевич Александров (? – не ранее 1964), языковед. В 1913 г. оставлен при Новороссийском университете для подготовки к профессорскому званию при кафедре сравнительного языкознания, хранитель историко-филологического кабинета. Читал лекции по истории фонетики латыни на педагогических курсах в Одессе. После высылки в 1922 г. осел в Софии. Преподавал латынь в болгарских и русских гимназиях и в духовной семинарии, затем русский язык в софийских школах, потом в Софийском университете. Вначале не имел даже угла и жил в общежитии русско-болгарского комитета помощи беженцам. В России осталась семья. Частично воссоединился (в 1925 г. приехала мать, в начале 1930-х брат). В 1941 г. женился¹⁰³.

Можно добавить, что если бы он носил другие имя и фамилию, то возможно его жизнь сложилась бы несколько иначе. Так, К. В. Флоровская шутивно-иронично писала А. В. Флоровскому 23 апреля 1923 г.: «Александров хотел ехать с группой учителей и учеников здешних гимназий в экскурсию в Италию, – ему не дали визы, потому что он Тодор Александров – одноименец знаменитому вождю македонцев, и боялись, что сербы не пропустят его и сделают из этого международный скандал. Я советую ему хлопотать о прибавке к фамилии Александров-не-Македонский»¹⁰⁴.

Возвращаясь к прозе жизни, процитирую отрывок из его письма от 17 декабря 1926 г. А. В. Флоровскому: «О себе сообщаю следующее. Обратился (может быть, навсегда) в преподавателя латинского языка средней школы. Преподаю в трех учебных заведениях и потому занят

до крайности. Весь день разбит совершенно: утром – в болгарскую гимназию, после обеда – опять в болгарскую гимназию (II-ая смена), после чего – в русскую; кроме того, два раза в неделю – в семинарию». «ни о каком продолжении научной работы... не может быть и речи». «Могу еще сообщить о себе, что имел дерзость участвовать в конкурсе на должность лектора русского языка в университете и провалился, ибо победила национальная кандидатура»¹⁰⁵.

Любопытно, что у «отверженного» были в 1936 г. на родине опубликованы его переводы од Квинта Горация Флакка, изданные в Полном собрании сочинений под ред. Ф. А. Петровского. Что же относится его мечты – работы в Софийском университете, то она осуществилась в 1953 г., когда он получил возможность вести там практические занятия со студентами-русистами, стал одним из авторов учебников по грамматике русского языка для средней школы¹⁰⁶.

Если гимназисты учились, то взрослые зачастую переучивались. Для них, как и почти везде, организовывались разнообразные курсы для получения профессии, дающей заработок. Так, с 1921 г. действовали «Подготовительные инженерные курсы» – дорожно-строительное отделение и архитектуры, электротехническое, механическое. Выпускники получали диплом техников»¹⁰⁷.

Теперь «картинка» о русских студентах.

Вначале ерническое стихотворение Алексея Апухтина:

*Когда будете, дети, студентами,
Не ломайте голов над моментами,
Над Гамлетами, Лирами, Кентами,
Над царями и над президентами,
Над морями и над континентами,
Не якшайтесь там с оппонентами,
Поступайте хитро с конкурентами,
А как кончите курс с эминентами
И на службу пойдете с патентами —
Не глядите на службе доцентами
И не брезгайте, дети, презентами!
Окружайте себя контрагентами,
Говорите всегда комплиментами,*

*У начальников будьте клиентами,
Утешайте их эсен инструментами,
Угощайте старух пеперментами —
Воздадут вам за это с процентами:
Обошьют вам мундир позументами,
Грудь украсят звездами и лентами!..
А когда доктора с орнаментами
Назовут вас, увы, пациентами
И уморят вас медикаментами...
Отпоет вас архиерей с регентами,
Хоронить понесут вас с ассистентами,
Обеспечат детей ваших рентами
(Чтоб им в опере быть абонентами)
И прикроют ваш прах монументами.*

Но, перефразируя пословицу, можно было сказать, что эмиграция «не тетка, пирожка не подкинет». И русскому «студиозусу» приходилось тяжелее, и «вечных студентов» почти не было.

Русские учились в таких вузах, как в основанная в 1924 г. в Софии Высшая кооперативная школа, в которой читал лекции Сергей Семёнович Демосфенов¹⁰⁸, в Балканском ближневосточном университете, переименованном позднее в Свободный университет. В нем за четыре года готовили специалистов по экономике и праву, самым доходным и востребованным специальностям. Поступали туда, в отличие от Софийского университета, без конкурса, учились по вечерам, что давало возможность совмещать работу с обучением, что было особенно удобно для русских среднего возраста¹⁰⁹.

Но «гнездом» русского студенчества был, конечно, Софийский университет. Как вспоминал Иван Тинин, «самой большой достопримечательностью университета стал полицейский по имени Ангел. У него на погонах были две буквы ДУ (Държавен университет). Мы его воспринимали как закадычного друга всех студентов. Он играл с нами в бильярд или карты, помогал в учебе. Я имею в виду то, что в наших зачетных студенческих книжках ставилась подпись профессора за регулярные посещения. Подпись же его представляла собой факсимильную печать, которая хранилась на кафедре. А у Ангела были ключи от

всех дверей. Вот он заходил в любое время на кафедру и ставил нам печати куда надо.

Что Ангел охранял как полицейский нам было непонятно, да мы и не пытались в этом разобраться. Когда же в Болгарии пришли к власти коммунисты и стали разгонять всех полицейских, то студенты университета встали стеной в защиту Ангела. Мол, не отдадим нашего полицейского, и отстояли его. Он стал милиционером, сменил синюю форму полицейского на костюм цвета хаки. Но на погонах сохранились эти две буквы ДУ. В этом качестве он прослужил до своей пенсии»¹¹⁰.

В стенах Софийского университета звучали не только лекции, но и веселые студенческие песни их отцов. Приведу одну из них.

*В гареме тешится султан,
Ему счастливый жребий дан:
Он может женицин всех ласкать.
Ах! Как бы мне султаном стать!*

*Но он несчастный человек,
Вина не пьет он целый век.
Так запретил ему Коран —
Тогда я больше не султан.*

*Жить папе в Риме хорошо,
Он пьет роскошное вино.
И денег много есть в казне.
Ах! Как бы быть и папой мне.*

*Но он несчастный человек,
Любви не знает целый век,
Не может женицин всех ласкать.
Тогда мне папой не бывать.*

*В одной руке держу стакан,
Другой обнявши девы стан,
Вот я и папа и султан,
И мне счастливый жребий дан»¹¹¹.*

И конечно, надо думать, особенно весело, шумно, разгульно отмечался студенческий праздник – знаменитый Гатьянин день. О нем так написал в 1814 г. Пушкин в стихотворении «Пирующие студенты»:

*Друзья! Досужий час настал;
Все тихо, все в покое;
Скорее скатерть и бокал!
Сюда, вино златое!
Шипи, шампанское, в стекле.
Друзья, почто же с Кантом
Сенека, Тацит на столе,
Фольянт над фолиантом?
Под стол холодных мудрецов,
Мы полем овладеем;
Под стол ученых дураков!
Без них мы пить умеем.*

*Ужели трезвого найдем
За скатертью студента?
На всякий случай изберем
Скорее президента.
В награду пьяным – он нальет
И пунш и грог душистый,
А вам, спартанцы, поднесет
Воды в стакане чистой!*

*Но что?., я вижу все вдвоем:
Двоится штоф с араком;
Вся комната пошла кругом;
Покрылись очи мраком...
Где вы, товарищи? Где я?
Скажите, Вакха ради...
Вы дремлете, мои друзья,
Склонившись на тетради...*

Только вместо грога, пунша и араки, полагаю, стояли бутылки с ракией, водкой и прочими горячительными напитками, столь любимыми молодежью! Но потом из-под стола вытаскивались учебники «ученых дураков», и опять шли лекции, например, на филологическом факультете. Его выпускники-русисты, особенно с болгарскими паспортами, не имели особых проблем с трудоустройством, преподавая в школах русский язык..

Окончив университет, русская молодежь стремилась применять полученные знания на практике, в жизни, и поэтому было мало тех, кто продолжал учебу, защищал диссертации и достаивался ученых степеней. Одним из тех немногих стал химик по специальности Мстислав Сергеевич Курчатов, брат советского академика-атомщика И. В. Курчатова¹¹².

Еще одно имя – славист Николай Михайлович Дылевский (23. XI. 1904, Чугуев —2001, София), выпускник Крестовоздвиженской гимназии в г. Пещера. С 1928 г. он стал одним из двух русских правительственных стипендиатов, которые должны были в будущем трудиться над развитием болгаро-русских связей. После окончания Софийского университета он учительствовал три года в Неврокопе (Гоце Делчев), где преподавал болгарский язык и литературу. В 1934 г. начался отсчет его преподавательской и научной деятельности в alma mater. В 1946 г. Дылевский стал одним из инициаторов создания специальности «русская филология» и, соответственно, кафедры по русскому языку. С 1951 г. по 1972 г. он возглавил кафедру русского языка. В 1955 г. был избран профессором по исторической грамматике русского языка. С 1934 г. по 1984 г. преподавал русский язык на богословском факультете в Университете, а также в Духовной академии. Его студенты стали основателями кафедр русского языка во многих высших учебных заведениях Народной Республики Болгарии – Пловдиве, Велико Тырнове, Шумене, Благоевграде. Он был дуаиен не только болгаристики, русистики, славистики, но и всей русской эмиграции в Болгарии¹¹³.

Да, были те, кто врос в Болгарию, породнился с ней, стал ей служить. И сейчас в Софии еще есть русские, не забывшие, кто они и откуда их род. И случалось, что после отъезда из Софии на родину, казалось навсегда, следовало возвращение...

Возвращение туда, где все связано с молодостью, где любимы и привычны закоулки города-волшебника, и можно без усталости бродить по таким очаровательным улицам, как Шипка и Обориште, а можно подставить свое лицо молодому солнцу в Докторском саде или пройти по Витоше – этой болгарской Тверской, выпить на углу свой стаканчик кофе или болгарской бозы или договориться о встрече и говорить, говорить, говорить о том, что было и что будет...

УЧЕНЫХ – ТЬМА

Вначале пойдет речь о Софийском университете. С 1920 г. по 1948 г. в нем читали лекции 36 русских преподавателей, половина из них – на созданном в 1918 г. медицинском факультете¹¹⁴.

Здесь надо подчеркнуть, что уже в ходе развернувшейся 22 мая 1920 г. в стенах Народного собрания дискуссии по вопросу о приеме в университет русских преподавателей академик С. С. Бобчев заявил, что медицинский факультет не может работать без русских коллег. В 1920-х гг. на медфаке особенно много было русских из Новороссийского университета: А. Ф. Маньковский, А. К. Медведев, В. В. Завьялов, Д. Д. Крылов, Н. М. Попов. Русские профессора стали авторами первых болгарских учебников для будущих врачей¹¹⁵.

Замечу, что читавшие лекции на разных факультетах, преподаватели из России нередко привлекались к чтению лекций по контракту, заключавшемуся на 2 года, потом на 3, с 1929 года – на 4-летний срок, что «не давало никакой обеспеченности русским преподавателям, т[ак] к[ак] их зависимость от количества собранных голосов на Советах факультета и Академического совета у[ниверситет]а каждые 2—3—4 года была всем очевидной. Эта непривычная и оскорбительная для большинства из них зависимость от личных отношений с профессорской средой ф[акультет]а была иногда трудно выносимой»¹¹⁶.

Но не русские определяли условия, тем более что атмосфера все же была в целом благоприятной. Братушки-профессора работали на четырех из семи факультетов в межвоенный период: на историко-филологическом – 10, на юридическом – 6, на медицинском – 16, на Богословском – 4. Квалификационная структура была такова: 24 – ординарных профессора, 2 – экстраординарных, 3 доцента, 5 ассистентов, 2 преподавателя. Судя по некоторым неполным данным, 12 человек из общего количества прибыли из Одессы, 3 – из Харькова, 2 – из Кисва, 1 – из Севастополя, 10 – из Петрограда, 3 – из Москвы, 1 – из Варшавы. Детально исследовавшая эту тему М. Велева пишет, что почти половина работали в вузах от 1 года до 4 лет, девять человек – от 5 до 10 лет, шесть – свыше 10 лет и еще столько же – больше двадцати лет¹¹⁷.

Кто же они были и как их встретила Болгария?

Государственный деятель Александр Цанков через посольства Болгарии в Германии и Чехословакии разослал десятки приглашений русским деятелям науки и культуры приезжать в его страну для работы на «довольно выгодных для тех лет условиях»¹¹⁸.

Глава правительства Александр Стамболийский, как вспоминал русский профессор В. Ренненкампф, приезжал на софийский вокзал приветствовать русских. Болгарский премьер-министр заинтересованный в их привлечении в Болгарию, стремился перехватить русских направлявшихся в Сербию, отношения с которой были давно испорчены. В болгарском обществе сербов не иначе как мерзавцами и др. эпитетами не называли, что было вызвано давней борьбой за Македонию, в которой воинственные болгары проигрывали. Этот фактор может служить дополнительным объяснением к быстрому приему того же Ренненкампфа на должность профессора социологии Софийского университета. И конечно, здесь немалую роль сыграл известный в славянском мире профессор Стефан Савов Бобчев, который, по словам Ренненкампфа, был «живым отрицанием афоризма “человек человеку волк”». В своих воспоминаниях русский профессор, которого вначале поселили в военном училище, писал: «Не могу не отметить самого сочувственного к моей семье и ко мне, а также к семейству другого русского профессора, прибывшего раньше нас, со стороны болгарских офицеров и преподавателей училища. И те и другие окружили нас особенным вниманием, приглашая нас на свои вечеринки, концерты и даже на одну свадьбу, и всегда, будучи гостеприимными хозяевами, щедро нас потчевали»¹¹⁹.

И еще обширная выдержка из статьи уважаемого профессора о русско-болгарском братстве. «В Татьянин день, 12 января (25 января по новому стилю), праздник Московского университета, который по традиции объединяет всех учившихся в России болгар... я был приглашен живущими в Софии болгарскими, бывшими воспитанниками русской науки, на товарищеский ужин.

Вечером того дня я чувствовал себя очень уставшим и едва плелся от расположенного на краю города Военного училища по мокрому и грязному софийским улицам... на душе было отвратительно. Уставшее тело нуждалось в отдыхе. Но после того как я вошел в

блестящий огнями зал ресторана, где был заказан ужин, меня охватило праздничное настроение, излучаемое собравшимися. Состояние души резко переменилось, усталость прошла. С разных сторон ко мне начали подходить знакомые и даже незнакомые, забытые мною лица. Эти последние, как оказалось, были когда-то моими слушателями в Новороссийском университете. Уже поседевшие, они сейчас занимали более или менее видное положение в Софии или в провинции. С добрым чувством они вспоминали прошедшее, что меня особенно радовало. Точно так же здесь я встретил отца двух болгарок, недавних моих учениц, которые вскоре после этого посетили нас в общезнании. Мне предложили занять заранее отведенное место, рядом с другим русским профессором, напротив С. С. Бобчева. В небольшом зале было многолюдно, тесно и шумно... На этом памятном вечере собралось множество болгарских интеллигентов, охваченных одинаковыми чувствами, мыслями, верованиями, надеждами, хотя и различались между собой и возрастом, общественным положением, званием, профессией. Тут были болгарский архимандрит Стефан (русский воспитанник) [будущий Экзарх Болгарской Православной Церкви – В. К.], бывший болгарский премьер-министр г. Т. Тодоров, представители профессуры и адвокатуры, военные, инженеры, политические и общественные деятели, литераторы, поэты и художники. Все слились в одном порыве – славянство, в одной мысли – Россия, с ее наукой и просвещением, университетами и академиями, с ее оригинальной и глубокой художественной литературой, с ее мистическим стремлением к высшим идеалам человеческого духа, с ее широкими полями, звонкой песней, с звучной гармонией ее стихотворения, с ее кровавым и грозным настоящим, с ее будущим возрождением и с ее будущей мощью – силой всего славянства... Кроме болгар говорили и русские гости, выражая признательность приютившей их стране, и непоколебимо веря в возрождение России и ее тесные связи с Болгарией на благо всему славянству... Поздно ночью я покинул праздник, уставший телесно, но полный радости...»¹²⁰

Возвращаясь с «пира радости» в «будни», скажу, что не для всех российских профессоров, научных работников, особенно без степени, приспосабливание места было достаточно легким.

Итак, несколько биографических реалий болгарской жизни.

Высланный из Советской России в 1922 г. ассистент Новороссийского университета ботаник Георгий Андреевич Секачев (1894 – ?) первый год работал на семеноводческой станции. С иронией он писал А. В. Флоровскому о своей «служебной» обязанности – перебирать горох: «эта работа имеет свою хорошую сторону, так как Бог знает, может быть, придется в будущем где-нибудь работать на кухне в качестве “мужика”, а там эта специальность всегда пригодится»¹²¹.

В своем очередном письме к А. Ф. Флоровскому и Валентине Афанасьевне Флоровской (от 7 января 1923 г.) были такие строки: «Работаю поденно и получаю 50 лев(ов) в день... сижу от 8 часов до 12 и перебираю семена, как это делают хозяйки, очищая семена перед приготовлением их в пищу»¹²².

(Килограмм белого хлеба стоил в Софии 12 левов, мяса – 24 лева, поденный рабочий получал в день 50 левов¹²³).

(По сведениям учителя П. Фивейского, один доллар в 1926 г. был равен 138 левам, а прожиточный минимум тогда составлял 20 долларов или примерно 2800 левов.) «Сумма эта, – писал он, – может быть достаточна для одинокого, Но для семейного ее ровно хватает только на то, чтобы покрыть ежедневные расходы на самые существенные потребности, как-то: на сахар, чай, картофель, жиры и т. п.»¹²⁴.

Через полгода Секачев напишет: «Заставили... еще и гербарий собирать, что отнимает более чем 8 часов в день, а оклад тот же... живется тяжело, так как не только нельзя одеться, но не хватает даже на пищу»¹²⁵.

И наконец сентябрьское письмо тому же Флоровскому: «Со службы меня уволили в июле месяце, и вот до сих пор не могу найти подходящей работы. Одно время работал на стройке в качестве чернорабочего. Заработок сносный, но слишком тяжелая работа отзывается на здоровье сердца. Пришлось эту работу оставить и жить на 400 лев в месяц, которые получает Соня в качестве кельнерши столовой Русско-болгарского комитета. Правда, кроме 400 лев, Соня получает еще обед, но все-таки и это очень мало»¹²⁶.

С октября 1923 ученый жил торговлей книгами, изготовлением деревянных игрушек и др. мелким предпринимательством¹²⁷.

Но «бизнесмен» из ботаника не вышел и в итоге вместе с семьей он 23 ноября 1925 г. уехал в Тунис¹²⁸.

«Никогда не работал по призванию, а всегда – за кусок хлеба» – говорил о себе князь Андрей Павлович Мещерский. Библиотекарь, архивист, балканист в той мере, в какой Балканы связаны с Россией, он пытался поступить в Софийский университет, в Институт балканистики, но «интриги, зависть, безразличие» сыграли свою роль в провале его попыток. Впоследствии, уже в конце XX века, он говорил о себе как о «Шехерезаде» эмиграции¹²⁹. Но свои мемуары, как я слышал, на долгие годы закрыл для публикации.

А вот еще одна русская натура – высланный из России в 1922 г. правовед, историк права Александр Сергеевич Мулюкин (? – не ранее 1944), жена и дочь которого остались в России за неимением средств для выезда¹³⁰.

Летом 1923 г. русская община нашла ему место на 1500 левов в месяц¹³¹.

Его история жизни в Болгарии просматривается в пяти письмах К. В. Флоровской к брату Антонию Васильевичу в Прагу.

30 октября 1923 г.: «Мулюкин бегает по прежнему и утверждает, что очень доволен своим положением».

16 июля 1924 г.: «Он получает 1400 левов и буквально голодает».

21 ноября 1939 г.: «На днях видела Мулюкина, – и он не изменяется и даже не стареет... он занимается живописью...»

27 декабря 1942 г.: «Недавно видела Мулюкина, он усердно – уже давно – пишет какое-то опровержение марксизма».

27 марта 1944 г.: «Мулюкин где-то в провинции»¹³².

Но не все так бедствовали. Неплохо устраивались медики, нужда в которых была велика. Но в начале 1920-х гг. – когда эмиграция больше напоминала своеобразную стаю перелетных птиц, ищущую лучших условий, – Болгария для многих стала промежуточным пунктом в их странствиях.

Судьбы и жизнь русских профессоров складывались по-разному: иные, приехав в Болгарию, уже не искали других стран. Пожалуй лучше всего это можно увидеть в биографиях профессоров медицинского факультета.

Янишевский Алексей Эрастович (1873–1936) невропатолог, психиатр, психолог. С 1904 г. приват-доцент по кафедре нервных и душевных

болезней Новороссийского университета, основатель первого в России спецсанатория для нервных и психически больных в Одессе. В 1922 г. выехал по контракту в Болгарию, где работал на медфаке Софийского университета профессором. Организовал кафедру и клинику нервных болезней, руководил ими до 1933 г.¹³³

Д. Д. Крылов стал профессором медицины Софийского университета, опубликовал ряд работ по патологии, онкологии, геронтологии¹³⁴.

Завьялов Василий Васильевич (1873–1930) физиолог, профессор Новороссийского университета, руководитель кафедры физиологии Одесских высших женских курсов. В 1920 г. эмигрировал в Болгарию, профессор кафедры физиологии и физиологической химии Софийского университета, занимался проблемами смерти и бессмертия. Открыл Физиологический институт¹³⁵.

Маньковский Александр Федорович (1868, Одесса–1946) профессор кафедры гистологии и эмбриологии Новороссийского университета. В Болгарии обосновался случайно: ехал в Варшаву, чтобы возглавить там аналогичную кафедру, но проезд через Болгарию был заторможен стачкой работников транспорта. О его остановке в Софии узнали в университете, крайне заинтересованного, чтобы «заманить» такое светило к себе. Ему предлагают кафедру, пишут письмо, в котором были такие строки: «...Академический Совет на своем заседании, высоко оценивая Вашу научную и профессорскую деятельность, единодушно принял решение пригласить Вас читать лекции по Вашей специальности в нашем университете. Мы надеемся, что Вы окажете честь болгарской alma mater и согласитесь на наше предложение...». В итоге Маньковский меняет Варшаву на Софию, возглавив кафедру гистологии и эмбриологии в университете. Много сил он отдал созданию одноименного института, решению кадрового вопроса не только для своего детища, но и для медицинского факультета. Как вспоминает его дочь, отец «связывался с русскими учеными в других странах и предоставлял их кандидатуры медицинскому факультету на занятие свободных должностей, встречался с русскими профессорами, приехавшими после него в Болгарию и связывал их с медицинским факультетом Софийского университета»¹³⁶.

Другие через некоторое время уезжали в европейские Прагу, Париж, Берлин, даже в Африку.

Здесь можно назвать имя знаменитого византиниста Н. П. Кондакова, который вошел в конфликт с некоторыми болгарскими коллегами, и когда ему истек срок договора уехал в Прагу. Его преподавание в Софийском университете ограничилось временем с первого июля 1920 по первое апреля 1922 г.

Теперь немного о евразийстве: именно в Софии некоторое время жили, преподавали и творили его отцы-основатели. В 1921 г. в болгарской столице вышел первый их сборник «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев» со статьями П. Н. Савицкого, П. П. Сувчинского, Г. В. Флоровского, Н. С. Трубецкого.

Что такое евразийство? Известна сентенция: «Поскреби русского и обнаружишь татарина». Но это еще не евразийство! Можно сказать, что евразийство – это география, замешанная на большевизме. Или иначе: евразийство есть утверждение и осмысление не только многонационального мира России, но и шире... как перемещение «палатки культуры» на Восток... «Евразия – узел и начало новой мировой культуры».

Мне кажется, что с евразийством связано и стихотворение Игоря Северянина «Колыбель культуры новой», позволяющее приблизиться к его пониманию. Итак:

*Вот подождите – Россия воспрянет,
Снова воспрянет и на ноги встанет.
Впредь ее Запад уже не обманет
Цивилизацией дутой своей...*

*Встанет Россия, да, встанет Россия,
Очи раскроет свои голубые,
Речи начнет говорить огневые, —
Мир преклонится тогда перед ней!*

*Встанет Россия – все споры рассудит...
Встанет Россия – народности сгрудит...
И уж Запада больше не будет
Брать от негодной культуры росток.*

*А вдохновенно и религиозно,
Пламенно веря и мысля серьезно,
В недрах своих непреложностью грозной
Станет выращивать новый цветок...*

*Время настанет – Россия воспрянет,
Правда воспрянет, неправда отстанет,
Мир ей восторженно славу возгрянет, —
Родина Солнца – Восток!*

Теперь стихи другого классика – Дона Аминадо:

*Уже у стен священного Геджаса
Гудит тимпан.
И все желтее делается раса
У египтян.
Паломники, бредущие из Мекки,
Упали ниц.
Верхом садятся темные узбеки на кобылиц.
Плен пирамид покинувшие мумьи
Глядят с тоской.
И скачет в мыле, в пене и в безумьи
Князь Трубецкой.
И вот уже, развенчан, не державен,
К своей звезде
Стремится Лев Платонович Карсавин
Весь в бороде...¹³⁷*

Сейчас евразийство снова на слуху в России. Например, в 1990-х гг. в России стал действовать американский фонд «Евразия», потом возник фонд «Новая Евразия», есть банк «Евразия», имеются молодые евразийцы. Слова – да, но евразийства...?

Одно из примечательных сочинений Трубецкого изданное в 1920 г. в Софии было посвящено космополитизму и носило название весьма современное, а именно, «Европа и человечество». Позволю себе небольшое отступление и приведу полторы страницы размышлений Трубецкого на эту интереснейшую тему. Итак: «Не подлежит сомнению,

что европейцу шовинизм и космополитизм представляются именно такими противоположностями, принципиально, в корне отличными одна от другой точками зрения.

Между тем с такой постановкой вопроса согласиться невозможно. Шовинист исходит из того априорного положения, что лучшим народом в мире является именно его народ. Культура, созданная его народом, лучше, совершеннее всех остальных культур. Его народу одному принадлежит право первенствовать и господствовать над другими народами, которые должны подчиниться ему, принять его веру, язык, культуру и слиться с ним.

Космополит отрицает различия между национальностями. Если такие различия есть, они должны быть уничтожены. Цивилизованное человечество должно быть едино и иметь единую культуру. Нецивилизованные народы должны принять эту культуру, приобщиться к ней и, войдя в семью цивилизованных народов, идти с ними вместе по одному пути мирового прогресса. Цивилизация есть высшее благо, во имя которого надо жертвовать национальными особенностями...

Однако, посмотрим, какое содержание вкладывают европейские космополиты в термины “цивилизация” и “цивилизованное человечество”? Под “цивилизацией” они разумеют ту культуру, которую в совместной работе выработали романские и германские народы Европы. Под цивилизованными народами – прежде всего опять таки тех же Романцев и германцев, а за тем и те другие народы, которые приняли европейскую культуру.

Таким образом, мы видим, что та культура, которая, по мнению космополитов, должна господствовать в мире, упразднив все прочие культуры, есть культура такой же определенной этнографически-антропологической единицы, как и та единица, о господстве которой мечтает шовинист. Принципиальной разницы тут никакой нет. В самом деле, национальное, этнографически-антропологическое единство каждого из народов Европы является лишь относительным. Каждый из этих народов представляет собою соединение разных более мелких этнических групп. Таким образом, шовинист, провозглашающий свой народ венцом создания и единственным носителем всех возможных совершенств, на самом деле является поборником целой группы этнических единиц. Мало того, ведь шовинист хочет, чтобы и другие наро-

ды слились с его народом, утратив свою национальную физиономию. Ко всем представителям других народов, которые уже так поступили, утратили свой национальный облик и усвоили язык, веру и культуру его народа, шовинист будет относиться как к своим людям, будет восхвалять те вклады в культуру его народа, которые будут сделаны этими людьми, конечно, только если они верно усвоили тот дух, который ему симпатичен, и сумели вполне отрешиться от своей прежней национальной психологии. К таким инородцам, ассимилировавшимся с господствующим народом, шовинисты всегда относятся несколько подозрительно, особенно если их приобщение совершилось не очень давно, но принципиально их ни один шовинист не отвергает; мы знаем даже, что среди европейских шовинистов есть немало людей, которые своими фамилиями и антропологическими признаками ясно показывают, что по происхождению они вовсе не принадлежат к тому народу, господство которого они так пламенно проповедуют.

Если мы возьмем теперь европейского космополита, то увидим, что, по существу, он не отличается от шовиниста... Как шовинист отвлекается от частных особенностей отдельных этнических групп, входящих в состав его народа, так и космополит отбрасывает особенности культур отдельных Романо-германских народов и берет только то, что входит в их общий культурный запас»¹³⁸. Здесь я хочу подчеркнуть мысль Трубецкого, что у народов, входящих в мир европейской цивилизации и прогресса, усвоение ценностей шло в статичной форме¹³⁹. Этот процесс, перенесенный на иную почву, нередко принимал у тех же славян вид грубой подделки: натянуть европейское платье было легко и модно, но изменить, преобразить психику, систему взглядов, если они имелись, было труднее. Но, ведь, интеллигенция не имеет отечества, не правда ли? Тогда и ее мировоззрение принимает ту структуру, которая в цене у европейской цивилизации, не так ли? Или я ошибаюсь? Но тогда это будет уже не интеллигенция, а некий другой социальный феномен.

Но довольно об этом крайне деликатном вопросе, требующем «башни из слоновой кости»: сейчас таких почти нет, время разобрало их.

Возвращаясь к самому Трубецкому, скажу, что он был недоволен, что ему дали место доцента, а не профессора, поэтому, когда его позвали в Вену, то сразу уехал. Его срок пребывания в Софии длился с

первого октября 1920 г. по первое октября 1922 г.¹⁴⁰ К этому не лишним будет добавить, что в Софийском университете русские профессора, как писал он другой знаменитости, лингвисту Р. О. Якобсону, «вели себя так, как принято во многих наших университетах. Болгары к этому не привыкли, и это произвело дурное впечатление». Иными словами, подчеркивает российская исследовательница Зоя Сергеевна Бочарова, русская профессура привезла с собой и интриги, склоки, «подкладывание свиньи». Все это только усугубляло настроение ученого, подготавливая его отъезд. К тому же его не устраивала София ни своими библиотеками, ни оплатой... 12 августа 1922 г. он писал своему корреспонденту: «Я решил пока что переехать в Вену, где жизнь дешевая и где у меня есть родные. Там я, прежде всего, полечусь...»¹⁴¹

В середине 1923 г. о болгарской дороговизне упоминал и о. Георгий Шавельский в письме к А. В. Флоровскому: «Тяга русских из Болгарии огромная. Бедные бегут потому, что тут трудно найти заработок; богатые удирают, так как жизнь тут невероятно вздорожала»¹⁴².

Тем не менее – это довольно общие слова.

Безусловно, бывшим строевым офицерам было тяжело без гражданской специальности. Если говорить о научных работниках и профессуре, то не имеющим имени, действительно, было тяжело найти работу по специальности. Да и именитым было, порой, нелегко. Поэтому, основная причина отъезда Трубецкого все же заключалась в неудовлетворенности «софийской атмосферой», своим положением в университете... Европейец стремился в центральную Европу из провинциальных Балкан, где все же он успел, подчеркивает З. С. Бочарова, написать десять работ по лингвистике и истории культуры¹⁴³.

Недолго проработал в Софии и палеограф В. А. Погорелов (1872–1955), профессор Варшавского (с 1911) и Донского (1918–1920) университетов: в 1920—1922 гг. за время работы в национальной библиотеке в Софии он составил систематическую опись болгарских рукописных книг, потом уехал в Европу, в Братиславу, в университет¹⁴⁴.

Известный всем литературоведам и любителям литературных биографий Константин Васильевич Мочульский читал лекции в Софийском университете, публиковал в Софии статьи о поэзии Серебряного века¹⁴⁵.

То время рождало изумительно странных поэтов и поэтесс. Приведу только одно стихотворение Михаила Алексеевича Кузмина:

*Твои губы – это томатный сок.
Десять копеек стакан.
Твои волосы – это салат
Из речных водорослей.
Твои руки – это длинные батоны
По двадцать две копейки
За штуку.
Твой смех – это кусковый сахар.
А твои объятия – это пар
Из кипящего чайника*

Итого: 72 копейки за ночь

*Это недорого.
Для любящего
Всерьез
И на всю жизнь.*

А чего стоит его только одна строчка:

«Судьба быть изблеванным жизнью и природой!»

И возможно, для эмиграции она не была лишь экспрессионистским изыском...

На диспутах Религиозно-философского кружка Г. Флоровский излагал «Исторические прозрения Ф. М. Достоевского»¹⁴⁶.

Некоторые из них касались балканского славянства. Так, еще в 1877 г. он писал следующие строки: «Особенно будет приятно для освобожденных славян высказывать и трубить на весь свет, что они племена образованные, способные к самой высшей европейской культуре, тогда как Россия – страна варварская, мрачный северный колосс, даже не чистой славянской крови, гонитель и ненавистник европейской цивилизации»¹⁴⁷.

Достоевский здесь прав и неправ. В той же Болгарии имена русских братьев, положивших живот свой за ее свободу, священны.

Болгарский классик Иван Вазов за год до Освободительной для болгар русско-турецкой войны 1877–1878 гг, низал стихотворные строки:

*О, здравствуй Русь, в красе и мощи ,
Мир вздрогнет, услыхав тебя;
Приди, царица полуночи,
Зовем тебя, зовем любя.*

*Народ зовет единокровный,
И час настал – к своим приди,
Что предназначено, исполни,
Завет великий воплоти.*

*Ведь ты для нас славнее славных,
Тебе на свете нету равных,
Вместила вширь границ своих
Народы, царства, океаны,
Не обозреть пространства их
Сам Бог хранил от силы вражьей
Тебя, стоящую на страже,
Тебя, восставшую крушить
Мамая орды, Бонапарта;
Умеешь ты врагов страшить,
Лишь на твою он взглянет карту.
И мы тебя зовем святой,
И, как сыны, тебя мы любим,
И ждем тебя мы, как Мессию, —
Ждем, потому что ты Россия!*

Иное дело, если «цивилизация» заключается в растворении России и славянства в политической водиче общечеловеческих ценностей, то слова Достоевского – этого «всечеловека», как любят его изображать гуманисты, – правдивы и сейчас. Один пример Косово чего стоит!

Другая знаменитость Андрей Николаевич Грабар (1896–1991). 30 апреля 1920 г. он получил в Софии скромную должность «командировочного учителя» в Народном музее. Но именно его «археологические путешествия» позволили ему написать такие труды, как «Боянската църква» (1924), «Император в византийском искусстве (1936)», «Религиозная живопись Болгарии» (1928), «Пути создания христианской иконографии» (1979). Его сын О. Грабар вспоминал: «... мой отец был очень очарован Болгарией, здесь он нашел свою жену, а также он навсегда остался благодарен Музею, который помог ему определить свой неизменный путь».

Но оба – и Мочульский и Грабар – они были из числа «перелетных птиц». Осенью 1922 г. последовали отъезд в Страсбургский университет Грабара и работа там лектором русского языка по протекции уже переехавшего во Францию К. Мочульского. Европа перевешивала балканскую Софию¹⁴⁸.

Профессор М. А. Бирман (Израиль) пишет, что в числе причин, по которым выдающиеся ученые недолго проработали в Болгарии, были неудовлетворенность окладом, не востребованность средой, «недостаток внимания и понимания». Так, лекционный курс упоминавшегося Трубецкого «Введение в сравнительное языкознание» посещали только три человека¹⁴⁹.

Теперь о зарплате. По одним данным, русские профессора получали по 12 тыс. левов в месяц¹⁵⁰.

По другим сведениям, зарплата составляла 36 тысяч левов в год¹⁵¹, т. е. всего в два раза больше платы поденного работника, во что поверить трудно.

Были и те, которые возвращались на родину, но этот процесс относится уже ко времени окончания Второй мировой войны. Но правил без исключения не бывает: таким исключением был профессор на контракте историко-филологического факультета на кафедре новой и новейшей истории Европы голубоглазый красавец Эрвин Давыдович Гримм, преподававший с 1 сентября 1920 года по 20 июля 1923 года. Получавший 36 тысяч левов в год, он не мог снять жилье в столице. Бывший в России ректором Санкт-Петербургского университета, Гримм жил в сереньком домишке в Княжеве, близ Софии, и писал просьбы министру Омарчевскому увеличить зарплату, решить квартирный

вопрос, так как имел жену и дочь. Возможно, вследствие стесненности в средствах или ностальгии Grimm начал немножко выпивать, даже, по некоторым воспоминаниям, читал лекции в «подпитом» состоянии¹⁵², во что особо не верится.

Тем не менее, даже если это и правда, то «увлечение» вином отнюдь не мешало ему в 1920–1921 гг. вместе со своим коллегой бывшим профессором Санктпетербургского университета, преподававшим в Софии государственное право К. Н. Соколовым, издавать «Русские сборники».

Но в 1922 г. с профессором произошла метаморфоза.

А. П. Мещерский ее объясняет так: «В феврале 1922 г. в Болгарию прибыла неофициально делегация советского Красного Креста. Один из руководителей этой делегации, бывший матрос Черноморского военного флота В. Н. Чайкин сумел значительно активизировать в русской беженской среде настроения по возвращению на родину. В апреле 1922 г. был создан в Софии «Союз возвращения на Родину», а с 24 мая 1922 г. начала выходить в Софии 3 раза в неделю газета Союза под заглавием «На Родину». Эта газета не располагала хорошим кадром сотрудников; ее содержание было серо и неубедительно. Тем более были поражены ее читатели, когда... стали появляться блестящие передовицы». Авторство этих талантливых выступлений установил Соколов, знавший «стиль и манеру» Grimma.

Начался бойкот «красного» профессора. Болгары также стали сдержанны с ним. Сам Grimm перешел вскоре в редакцию «Новой России», где стал помещать передовые статьи за полной подписью.

Мещерский писал: «Поставленный, по словам русского журналиста В. В. Патека, в газете на роль ответственного застрельщика по подготовке болгарского и европейского общественного мнения к необходимости признания советской власти, он в своих статьях по вопросам международного характера пытался встать на объективную точку зрения, что, благодаря его профессорской эрудиции, удавалось, и статьи его часто не имели того острого, чисто советского оттенка. Несомненно, его статьи о коренной ошибке Антанты – победительницы, вычеркнувшей во всех случаях своих политических комбинаций Россию и ее многомиллионный народ из списка живых, производили на читающую массу должное впечатление. Став выше программы обливания ушатами грязи прошлого, не считая нужным ввязываться в травлю

русских беженцев и армии генерала Врангеля... он, так сказать, делал в газете «большую политику». В итоге после переворота 9 июня 1923 г. он был главой нового правительства профессором Александром Цанковым, «как коммунист и большевистский агент», этапом выслан в Варну и передан полицией капитану советского парохода «Керчь», отплывшего в Одессу 21 июля 1923 года. В России стал работать в Наркоминделе и в Институте Востоковедения¹⁵³.

А в Софии на его место был приглашен маститым болгарским ученым В. Златарским уже известный Бицилли.

В этой истории было и убийство журналиста Калининкова, который был причастен к раскрытию сотрудничества Гримма с газетой «На Родину». Живший на ул. Славянска в доме на первом этаже, он был застрелен через окно людьми из Советского Красного Креста во время ужина с семьей¹⁵⁴.

Другая судьба была у В. А. Григорьева, ученика почвовед-академика В. Р. Вильямса. Вместе со своим однокашником по Петровско-Разумовской академии сельского и лесного хозяйства болгарин Иваном Странским он создал агрономический факультет в университете, в котором преподавал до 1923 г., когда был вынужден уйти по политическим мотивам. Получил известность в Болгарии как мастер паркостроительства. С 1950 г. работал в Институте почвоведения БАН. В 1955 г. вернулся на Родину, через целину¹⁵⁵.

Еще одна судьба: Флоровская Клавдия Васильевна (1883–1965?) историк и преподаватель иностранных языков, сестра А. В. Флоровского. Выпускница Высших Бестужевских курсов, с 1915 г. приват-доцент Новороссийского университета по кафедре средних веков. С 1920 в Болгарии: сначала преподавала латынь в русских и болгарских гимназиях, потом русский язык в Софийском университете¹⁵⁶. О ней, своей школьной учительнице, вспоминал Иван Тинин: «Много забот приносило нам изучение латыни. Наша Латинка, как мы ее между собой называли, мадам Флоровская, когда входила в класс, всегда требовала приветствовать ее по латыни: “Сальве, домина магистра”, то есть “Здравствуйте, госпожа учительница”. При этом Мишка Цыбулевский (одноклассник Тинина – В. К.), стараясь всех перекричать, во весь голос приветствовал: “Сальве, донера магистра”, что означало: “Здравствуйте, дающая учительница”. И мадам Флоровская невозмутимо каждый раз его поправляла...

Латинка очень своеобразно задавала нам на дом перевод к следующему уроку. Она говорила, держа книгу в руках: “Вот это переведете, а этот абзац опустите, этот снова переведете, а этот опустите...” Такой способ перевода нас очень заинтриговывал. Мы спрашивали себя, почему эти абзацы нельзя переводить, и наваливались на переводы в первую очередь ненужных абзацев. И что же мы там порой обнаруживали? Как-то перевели мы отрывок из очередной речи Цицерона против Катилины: “И ты, Катилина, дошел до того, что окружил себя молодыми мальчиками и сожительствуешь с ними”. Вот, оказывается, почему нельзя было переводить этот абзац. Мадам Флоровская щадила нашу нравственность»¹⁵⁷.

Не все из них, читая лекции, владели даром слова, столь необходимого профессору университета. Так, живший с 1919 г. в Софии ревностный защитник идеи объединения славянства Михаил Георгиевич Попруженко (1866 – 1944), историк и филолог-славист, бывший профессор Новороссийского университета, читал, вспоминал А. П. Мещерский, на болгарском, но скучно и монотонно, из года в год по одним и тем же своим записям, приходилось назначать дежурных студентов, чтобы аудитория не пустела¹⁵⁸. Причем на свои лекции он с завидной регулярностью запаздывал¹⁵⁹.

Но его знания ученого, патриота славянства, переводчика Ивана Вазова и других «литературных генералов», знакомившего Европу с современной культурой Болгарии, были оценены высоко: почетный доктор (1939) Софийского университета, член-корреспондент (1923), академик (1941) Болгарской академии наук. Кстати, он был единственным профессором, кто успел приобрести собственную квартиру...¹⁶⁰

Совсем иное впечатление своими лекциями по новой и новейшей истории оставлял П. Н. Бицилли. Он читал свой курс и никогда, в отличие от М. Г. Попруженко, его не повторял. В предоставленную ему небольшую аудиторию набивались студенты, и философы, и историки, и богословы, и юристы, и филологи, и агрономы, и др. Говорил по-русски, потом по-болгарски, но с «убийственным акцентом». Входил в ту небольшую группу профессоров, которым аплодировали после лекции, хотя это не было принято в университете. Был «изгнан без пенсии» из университета в 1948 г.¹⁶¹

Пользовался успехом и упоминавшийся К. Н. Соколов, читавший лекции только по-русски. Один из его слушателей вспоминал,

что «слушателям болгарам понимать его речь было нелегко». Тем не менее «его лекции посещались охотно, и недостатка в слушателях у него никогда не было... ему первому удалось издать в помощь здешним студентам “Краткий курс лекций по государственному праву на болгарском языке”»¹⁶².

Судя по воспоминаниям князя А. Ратиева, первым из профессоров, начавших читать курс на болгарском языке был бывший террорист Иван Германович Кинкель. Немного об этом удивительном человеке. В 1903 г. он закончил Царскосельскую гимназию, потом поступил в Берлинский университет на медицинский факультет. Однако, придя, видимо, к убеждению, что прежде чем лечить человека пилюлями, надо вылечить общество бомбами, он вступил в партию эсеров. Однажды во время приготовления «адской машины» у него взрывом была повреждена правая рука, что, возможно, вызвало некоторое отрезвление. Потом был Цюрих, уход в науку. В 1911 г. он закончил Цюрихский университет со званием доктора государственно-экономических наук. В Софии он был инициатором создания научного социологического общества¹⁶³.

Его фамилию я видел в «Золотой книге» почетных преподавателей Университета по национальной и мировой экономике весной 2008 г., когда участвовал в конференции, проводимой этим известным и заслуженным учебным заведением. Раньше он назывался Балканский Ближневосточный институт политических наук (основан в 1920 г.), потом, с 1924 г., стал известен как Свободный университет политических и экономических наук, первым директором которого был Стефан Саввов Бобчев, много сделавший добра для русской профессуры. Сейчас памятник ему можно увидеть перед стенами его детища.

Запомнился студентам и читавший русскую историю профессор В. А. Мякотин, входивший долгое время в партию социалистов-революционеров. Один из его бывших студентов дал ему любопытную характеристику: «Мякотин говорил великолепно, но в России занимался политикой, а не наукой, которой отдавал время только в тюрьме (камера его была полна книг). Жалко, что его держали в тюрьме короткое время». Он был «спец» по русско-украинским вопросам, противник, как и Бицилли, «самостийности» Киева¹⁶⁴.

Его дочь, Елена Венедиктовна Мякотина, делясь своими воспоминаниями на радио «Свобода», говорила, что когда отец «начал

преподавать, очень мало студентов пришло на его курс. И кто-то ему сказал, что русская эмиграция в Софии делала противпропаганду ему, потому что он не принадлежал к так называемой правой эмиграции, а в Софии, вообще в Болгарии, были главным образом эмигранты из этой... Потом это было подтверждено. Я познакомилась гораздо позже с болгарским преподавателем, профессором, который мне рассказал, что в университете был студенческий перерыв между двумя лекциями, пришел какой-то студент-социалист, который сказал: “Вы знаете, у нас теперь будет лекция Мякотина. Ему, наверное, делают обструкцию, так что мы должны все идти его слушать”. Но, подчеркивала несколько ранее дочь, он оставил о себе хорошие воспоминания: она «потом встречалась со многими болгарскими преподавателями, которые его очень уважали и считали одним из самых замечательных преподавателей-историков, которые у них были»¹⁶⁵.

Кто-то читал скучно, кто-то зажигательно, кто-то удивительно, а профессор А. Цанков приходил на лекции со здоровенной овчаркой, которая начинала угрожающе рычать, если кто-нибудь вставал¹⁶⁶.

Думаю, что дисциплина на его лекциях была на высоте!

Правда, есть другое свидетельство. Князь Андрей Мещерский вспоминал, что студенты, за исключением националистов, проваливали его лекции¹⁶⁷.

Русские с 1920 по 1953 г. опубликовали 26 учебников и учебных пособий. Из них 9 были связаны с медициной, 4 – с правом, столько же – по истории, причем три принадлежали П. Н. Бицилли. Назову только один его труд: «Основные направления и историческое развитие Европы с начала христианской эры до нашего времени» (София, 1940).

Из преподавателей белоэмигрантов, положивших начало кафедре «Русская филология»: уже упоминавшиеся Николай Дылевский, Фелор Александров, один из выдающихся представителей школы Бодуэна де Куртенэ, а также Николай Ставровский, доктор права и кандидат филологических наук, один из создателей лингвистической статистики в Болгарии, автор первого спецкурса и первого учебника по этой дисциплине, Мария Бицилли, дочь Бицилли, преподаватель русского языка среди преподавателей русистов, таких, как Ариадна Петренко, Валентина Тотева, Нина Камарова, Наталия Ховрина.

Несколько строк об одном ярком человеке. Андрей Петрович Евдокимов (1893 – ?), донской казак. Завершил юридический факультет в Московском Университете перед революцией в октябре 1917 г. Служил потом в Добровольческой армии. Эмигрировал в Болгарию. Работал учителем в болгарских гимназиях в Велико Тырново, Хасково, Кюстендиле. Преподавал русский, французский, латынь. На его уроках всегда царила тишина. Часто ездил в Париж на летние каникулы, чтобы усовершенствоваться в языке, развлечения были дороговаты для провинциального учителя. Ученики благоговели перед ним. С начала 1930-х гг. победил в конкурсе, переехал в Софию, преподавал в первой мужской гимназии и здесь стал одним из любимых учителей. В начале 1940-х министерство просвещения переместило его в Софийский университет, он стал лектором русского языка на историко-филологическом факультете. Стал соавтором первых программ по обучению русскому языку, писал учебники, был причастен ко всему, что относилось к преподаванию русского языка. О таких, как Евдокимов, говорят – «учитель от Бога». Его лекции посещали коллеги, учившиеся у него педагогическому мастерству. Преподавал такой сухой предмет, как практическая грамматика, сумев очаровать им своих студентов¹⁶⁸.

Но не все русские хотели и могли работать в сфере просвещения и науки. Один пример: в 1928 г. Михаил Эммануилович Поснов остался без работы, читал курс по истории христианской церкви. Он считал, что лишился работы в результате интриг Глубоковского. Однако все было проще: место было предоставлено болгарскому специалисту, будущей знаменитости проф. Ивану Снегарову¹⁶⁹.

В Болгарии были и иные «поля и нивы» для деятельности. Например, практическая медицина. В Болгарии обосновалось около 200 врачей, т. е. примерно 20% всех врачей в стране. В 1929 г. Народное собрание приняло закон, уравнивавших русских медиков в правах с болгарскими коллегами. Закон позволил русским врачам, не состоящих на службе, заниматься частной практикой.

Русский врач с нерусской фамилией Трейман открыл клинику для туберкулезных больных. Русские стояли во главе спецотрядов по борьбе с венерическими заболеваниями.

Нужно назвать и доктора Чернецкую, организовавшую службу по борьбе с бешенством¹⁷⁰.

По ее инициативе были не только созданы по всей стране пункты прививок против бешенства, но она научила бороться с этой страшной болезнью многих болгарских врачей и успешно занималась научной работой в этой области. Правда, один из ее учеников «подсидел» ее, заняв ее место заведующего отделом по борьбе с бешенством в Институте здравоохранения¹⁷¹.

Высококвалифицированным специалистом в области пульмонологии был Василий Платонович Чумаченко. Интересна история выбора им специальности. Ее суть такова: во время учебы в Софийском университете он работал некоторое время фельдшером в больнице, где заболел туберкулезом. «Лечась от этой страшной болезни, унесшей жизни тысячам людей в начале прошлого века, он глубоко изучил и ее, и способы ее лечения. Это и предопределило его дальнейшую специализацию как врача». Более того, в той же больнице он познакомился со своей будущей женой Натальей Ченгер (Ченгереску), на которой он в 1928 г. женился¹⁷².

И, кстати, еще один штрих из жизни русской Софии. У многих эмигрантов жены остались в России, и некоторые решались заводить новые семьи. К таким принадлежал и В. П. Чумаченко, у которого на родине осталась законная супруга Мария, разделенная с мужем границами. Причем, надо отметить, что «обе жены Василия П. Чумаченко – Мария и Наталья, хотя и не видели ни разу друг друга, были в хороших отношениях, даже переписывались до конца дней Марии, которая умерла в Новомосковске»¹⁷³.

Что еще? Кабинет П. В. Чумаченко, где он принимал больных, находился на ул. Царица Йоанна, что в районе нынешнего ЦУМа¹⁷⁴.

Следует вспомнить и выпускника Санкт-Петербургского нейрохирургического института Роберта Юрьевича Берзина (1887, Латвия – 1950, Париж). Деятельность этого доктора с небольшой остроконечной бородкой теснейшим образом связана с сформированной в октябре 1918 г. в Армавире больницей русского общества Красного Креста, врачи и сестры которой эвакуировались 30 октября 1920 г. из Евпатории и смогли переехать в Софию¹⁷⁵. В своей больнице, разместившейся на улице Искър, 58¹⁷⁶, он успешно делал операции, на которые не решался идти ни один болгарский врач, в частности, на позвоночнике. Его молодые болгарские коллеги начали было кампанию против него, как не имеющего диплома о

завершении медицинского вуза, но за своего доктора встала горой болгарская общественность, не позволив «уничтожить» русского врача¹⁷⁷.

К уже сказанному еще одна зарисовка из воспоминаний князя Ратиева: «Переехав в Софию, Русская больница, которую русские по старой привычке называли “госпиталем”, невольно оказалась на особом положении. Этому способствовала ее круглосуточная готовность к немедленной помощи, в том числе и к операциям... Такой постоянной готовности русской больницы оказывать помощь способствовало и то, что... Берзин, крайне скромный и нетребовательный, жил в самом здании больницы, а рядом с теми двумя комнатами, которые занимал он, жило и несколько сестер милосердия... Каждый вновь поступавший больной все крепче связывал местное общество, местных жителей, особенно русских, с больницей... Слава о хирурге Берзине быстро распространилась за пределами Софии, все чаще и чаще стали к нему приезжать больные из разных мест провинции. Особенно прославился он оперативным излечением спондилита – туберкулеза позвоночника, сгибавшего больных почти пополам. Эту операцию... не делал никто из местных хирургов»¹⁷⁸.

Его хирургическая клиника стала одной из лучших. До 1938 г. в ней было проведено 7878 операций, в среднем 525 в год. После Второй мировой войны, в конце 1950 г., она из ведения Союза советских граждан и министерства здравоохранения окончательно перешла в разряд государственных медицинских учреждений¹⁷⁹.

Широкое распространение получила и практика привлечения русских преподавателей в духовные учебные заведения. Опыт, знания, искусство русских богословов служили православной болгарской и русской молодежи, решившей посвятить себя пастырству. На Богословском факультете университета в Софии преподавал выдающийся богослов Николай Никанорович Глубоковский. И хотя он не нуждается в особых представлениях, тем не менее постараюсь обрисовать его портрет.

О внешности знаменитого ученого так писал князь Ратиев: «Впервые я увидел его в деканате нашего юридического факультета на улице Шипка. Спрашивать было бессмысленно – он был стопроцентный русский. Своей седой бородой и соломенной шляпой, не панамой, плетеной из простой соломы, в свободной светлой рубашке – внешне он скорее всего походил на типичного “деда-пасечника”. В дополнение ко

всему в руках у него была сумка из водорослей, такая, с какою у нас в России ходили на базар кухарки закупать продукты»¹⁸⁰.

Теперь об учености: достаточно сказать, что в 1925 г., на торжестве в Софийском университете, по случаю празднования 35-летнего служения науке, было получено свыше ста пятидесяти телеграмм и поздравительных писем, поступивших из разных стран мира. Сам юбиляр в ответе на все приветствия сказал: «Если что-нибудь и сделано в связи с моим именем, то не мною, а лишь через меня и только при благости Божией и при помощи добрых людей, без чего я, по условиям моего горького детства, был бы ныне просто деревенским пастухом»¹⁸¹.

После его кончины 18 марта 1937 г. среди рукописного наследства были такие рукописи, как «Объяснительный богословский словарь», «Благовестие христианской славы в Апокалипсисе св. Иоанна Богослова», «Христос-Искупитель, Церковь Христова и Испушенный человек по Посланиям Св. Ап. Павла к Филиппийцам, Ефессянам, Колоссянам и Филимону» с кратким обзором их»¹⁸².

Небезынтересно отметить, что после кончины имя знаменитого богослова много лет встречалось в переписке Патриарха Алексия I с главой Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете министров СССР Г. Г. Карповым, а также в бумагах МИД СССР в связи с приобретением рукописей Глубоковского. Вся сложность вопроса заключалась в том, что, ведомство Карпова, точнее, компетентные органы, не спешили давать согласие, так как, согласно полученным сведениям из МИД СССР, Глубоковский был «активным приверженцем протестантизма и экуменизма и его работы написаны с этих позиций», и труды светского богослова для православной церкви «неполезны и даже вредны»¹⁸³.

Небольшой комментарий по поводу экуменизма.

Живший в Софии долгое время протоиерей Владимир Шпиллер писал: «Экуменическое движение, о нем иногда говорят “экуменическое христианство”, бесспорно родилось на почве своеобразного романтического голода западных христиан и, очень похожей на здешнюю, тоски верующей души по нравственной правде жизни, по осуществлению хотя бы в пределах христианского мир христианского завета взаимной любви. Но в экуменическом христианстве, по крайней мере тогда, было так много плоского благодушия и сентиментальности, что все оно обращалось именно в сентиментальную, совершенно нерелигиозную религию,

в религию какой-то голой морали, полностью лишенной религиозного радикализма. Его религиозность в сущности являлась начисто секуляризованной. Не потому ли нас, русских, оно в общем не увлекало? Мы прошли через соблазны некоторых типов подобной морализации религии, на деле перестающей быть религией. И давно. В дневнике Льва Толстого 5 марта 1855 г. сделана была следующая запись. «Разговор о Божестве и вере навел меня на великую, громадную мысль, осуществлению которой я чувствую себя способным посвятить жизнь. Мысль эта – основание новой религии, соответствующей развитию человечества, религии Христа, но очищенной от веры и таинственности, религии практической, не обещающей будущее блаженство, но дающей блаженство на земле». Толстому замысел не удался. И даже только в русском, а не в общечеловеческом масштабе. Но можно ли сказать то же о подобном – как многим из нас кажется – замысле основателя экуменического движения американца Джона Мотта?»¹⁸⁴. Нет комментариев.

Теперь я хочу вернуться к теме приема болгарами русских ученых, т. е. к тому, с чего начал.

С 14 по 21 сентября 1930 г. в Софии прошел V конгресс русских ученых за рубежом. Председателем Оргкомитета был протопресвитер Георгий Шавельский. Большую роль в его поддержке, пишет председатель Совета правления «Русского Академического союза в Болгарии» С. А. Рожков, сыграл «Комитет русских воспитанников в Болгарии». На торжественном совместном заседании его глава профессор В. Златарский сказал, что приезд русских ученых «дает возможность русским воспитанникам в Болгарии отблагодарить своих гостей за то отеческое внимание и гостеприимство, с которым они, как студенты в России, пользовались, получая расположение и любовь со стороны русских профессоров, русских товарищей – студентов, русских семейств, русского общества в течении обучения в России... Именно этому воспитанию и образованию болгарской молодежи в России, которое шло непрерывно в течении почти целого столетия, обязаны те культурные связи, которые существуют между русскими и болгарским народами в новое время»¹⁸⁵.

Что еще? Память о русской профессуре бережно хранится их коллегам, ученикам. Это традиционно. Главное в другом. Их мысли, идеи, опыт, знания все еще живут в книгах, учебниках. Следовательно, они с нами.

МАСТЕРА КИСТИ И КРАСОК: ГЛИНСКИЙ И ЕГО СОТОВАРИЩИ ПО РЕМЕСЛУ – ОТ КЛАССИКИ ДО ЭРОТИКИ

Весьма много осело в Болгарии и русских художников. Судя по списку, составленному Цветаной Кьосевой, в 1929–1945 гг. членами Общества русских художников состояло 38 человек. А в целом, людей, связанных с ремеслом художника, скульптора насчитывалось 78 человек¹⁸⁶. Их мастерство позволило им активно работать в сфере художественного оформления книжно-журнальной продукции, создавать монументальные композиции на религиозную и светскую тематику, работать декораторами, художниками по костюмам, успешно выставляться, утверждаться в болгарской культуре, обогащать ее художественную жизнь¹⁸⁷.

Если говорить о русских художниках в Софии, то непременно следует начать с рассказа о потомке знаменитого рода Глинских – театральном художнике и замечательном человеке Николае Борисовиче Глинском (17 (30). VIII. 1901, Москва – 04. I. 1999, Саратов). Благодаря написанной им книге «Моя жизнь – весь XX век», ряду очерков, воспоминаний, публикаций, о нем известно многое.

Он родился в семье потомственного почетного гражданина Бориса Васильевича Глинского, совладельца стекольного завода. Два его дяди по линии матери, Анны Андреевны (урожденной Лениновой), были актерами. Один из них, Василий Васильевич Калужский (на сцене Лужский), стоял у истоков Московского художественного театра.

Детство Коли прошло на старинной московской улице Плющихе в особняке, в котором когда-то жил Лев Толстой. В 1906–1908 гг. учился в частной начальной школе сестер Золотаревых, располагавшейся рядом с домом, потом в гимназии имени Григория Шелапутина, что в Оболенском переулке. Рано начал рисовать, сначала карандашами, потом акварелью, в десять лет «стал пробовать масляные краски». В гимназии «часто рисовал мелом на классной доске какие-нибудь сценки и даже целые картины... избирал чаще исторические темы или иллюст-

рировал проходимый материал из школьных предметов. А когда началась война с Германией, брался и за военные эпизоды: атаки пехоты и конницы, рукопашные схватки...» В годы Гражданской войны служил в Добровольческой армии¹⁸⁸.

Участвовал в знаменитых боях под Токмаком и Каховкой, попавшей потом в песню красных бойцов. В 1920 г. на пароходе «Георгий Победоносец» отбыл с товарищами по оружию из Ялты в Константинополь. Там, чтобы выжить, торговал газетами, пробовал себя в журналистике, работал маляром, даже сделался «специалистом по глажению дамского белья». И учился: вначале в лицее для эмигрантской молодежи (1921 г.). Потом поступил в гимназию (1922 г.), которая позже была переправлена в Болгарию, вначале в портовую Варну, потом в город Шумен¹⁸⁹.

Болгарскому языку Глинский, как все, изумился, а потом достаточно быстро освоил. Он так пишет об этом в своих воспоминаниях: «Сразу же, еще у порта, бросились в глаза вывески – буквы русские, а слова малопонятные, иногда что-то совершенно невероятное, да к тому же множество твердых знаков: “Последняя грижа”, “Сараф”, “Брьснарница”, “Влагалище”... Потом помаленьку разобрались: грижа – забота, а последняя – потому что похоронное бюро, сараф – меняла, брьснарница – всего лишь парикмахерская, а влагалище – просто хранилище, склад.

Еще Аверченко в своей газете шутил, что болгарскому языку очень легко выучиться, достаточно из русских слов повыкидывать все гласные. И в самом деле, забегая вперед, скажу, наверное, через каких-нибудь полгода, может, и раньше, я вполне свободно заговорил по-болгарски... Получалось как-то само собой. Главным, скорее всего, было то, что я совсем не боялся осрамиться и лихо, при каждом удобном случае, вступал в разговоры с местными жителями. И сам не заметил как освоил язык. Потом я нередко выслушивал комплименты по поводу владения языком»¹⁹⁰.

В Шуменской русской гимназии учиться было интересно и весело: был даже «Клуб оранжевых пауков» с шутками, розыгрышами. В «паутину» попал и Глинский, которому было посвящено следующее стихотворение:

ГРАНДИСОН

Питая жар чистейшей страсти,
Всегда восторженный герой
Готов был жертвовать собой.

А. С. Пушкин

*Он Николай из рода Глинских...
Берет начало этот род
От цапель дальних, дальних пинских
Все поглощающих болот.
Он первоклассный декоратор
И живописец хоть куда.
Творит chef-d'oeuvre (шедевр),
Как инкубатор,
И не банален никогда.
Он презирает все шаблоны,
Любезный дамский кавалер,
И расточает им поклоны
На сверхъестественный манер.
Без страха рыцарь и упрека,
Горяч, как нефтяной пожар,
Он от малейшего намека
Кипит, как тульский самовар¹⁹¹.*

После грустно-веселого выпускного вечера Глинский в сентябре 1923 г. уехал в Софию, где поступил в Болгарскую Академию художеств на декоративное отделение к профессору Харалампию Тачеву. Учебу он успешно сочетал с работой. В отличие от многих русских, бедствовавших в болгарской столице, Глинскому везло. Ведавший русскими детскими домами и учебными заведениями Александр Владиславович Арцишевский назначил его преподавателем рисования в софийском детском саду, считая, что этот предмет должен вести художник, а не обычная учительница, которая занимается всем. Потом по заказам своего приятеля, уехавшего в США, стал создавать экслибрисы,

рисовать поздравительные карточки. Успешно занимался и рисунками для вышивания по дамскому белью. Затем пошли рисунки для гобеленов, для спальных гарнитуров.

Позже «завязалось сотрудничество с дамскими журналами, публиковавшими материалы по рукоделию: сначала, кажется, с журналом “Женщина и дом” (“Жена и дом”), потом – “Икономия и домакинство” (“Экономия и домашнее хозяйство”) и “Домакия и майка” (“Хозяйка и мать”). Любопытно, что все три журнала конкурировали между собой, но это не мешало... иметь нормальные отношения со всеми. Им я поставлял рисунки для самых разных видов вышивок – гладью, крестом, по тюлю, для гобеленов и, конечно, в технике “поан ласа” (шитье тесьмой – В. К.), особенно почитаемой болгарскими, – целые гарнитуры. Делал им и рисунки для всяких выставок.

Моя работа для этих журналов и магазинов продолжалась долгие годы, около двух десятилетий – вплоть до 9 сентября 1944-го года»¹⁹².

Потом были и другие подработки: изготовление и роспись абжуров, преподавательская работа в русской гимназии, иллюстрация университетских учебников, научных трудов сотрудников Софийского университета, для Ветеринарного института, иллюстрирование детских книжек, оформление витрин, открытки с народными костюмами и др.

Особо подчеркну, что Глинский делал по заказу Софийского Военного музея и копию знаменитого Самарского знамени, изготовленного жителями этого города и предназначавшегося для болгарского ополчения. Оно развезалось на Шипке и стало не только болгарской, но и русской святыней¹⁹³.

В 1926 г. женился на Лидии Николаевне Харютиной, с которой счастливо прожил более полувека, 56 лет.

В том же году по заказу Николая Осиповича Массалитинова, главного режиссера Национального драматического театра, сделал 18 костюмов для спектакля «Царь Федор Иоаннович». Это просто написать: «сделал», в действительности все выглядит сложнее.

Сам Глинский пишет, что костюм «должен был отражать замысел постановки, свою эпоху, даже индивидуальные особенности актера, для которого предназначался. За костюм взялся художник. Вместо дорогих, фабричного производства тканей, таких как бархат или парча, стали использовать дешевые материалы, но расписывали их различ-

ными способами, добиваясь художественной яркости, достоверности и убедительности. Теперь костюмы создавались специально для каждого нового спектакля, подчеркивая его типажи, с одной стороны, и добиваясь большего сценического эффекта, с другой. И при всем этом учитывался характер, особенности фигуры одеваемого артиста». Добавлю, что из мешковины, бязи, сатина Глинский сотворил чудо. О них писали в газетах.

Сам Массалитинов в интервью признавался, что «некоторые костюмы лучше тех», что были в МХТ, на Родине. После удачного театрального дебюта Глинский готовил костюмы для целого ряда спектаклей, драматических, оперных. Делал эскизы костюмов для оперетты «Али-баба и сорок разбойников». Работал для кукольного театра. Пробовал себя и в балетном жанре – делал костюмы для «Половецких плясок» из «Князя Игоря».

Сотрудничество с театрами у Глинского было плодотворным, помогали и русские связи. Так, в 1929 г., благодаря Николаю Дмитриевичу Векову, занимавшему пост главного дирижера Софийского государственного театра оперы и балета, получил и выполнил заказ на костюмы и эскизы к декорациям для спектакля «Борис Годунов».

Правда, не все шло гладко: был обижен главный художник Александр Миленков, отстраненный Вековым, забраковавшим его эскизы, так как в них «русского почти ничего не было». За спиной Глинского начали шептаться: «Думает заработать – как бы не так! Без штанов вылетит из театра». Тем не менее, несмотря на определенное противодействие, придирки, нервоотрепку, премьера, приуроченная к новому открытию театра, после пожара 1923 г., прошла успешно¹⁹⁴.

Талант русского художника-декоратора был востребован даже дипломатами. Еще до завершения работы над «Борисом Годуновым» Глинский получил крупное предложение от итальянского посла по подготовке гала-вечера по случаю бракосочетания болгарского царя Бориса с итальянской принцессой Джованной, дочерью короля Виктора-Эммануила. После блестящего исполнения этого заказа последовал новый – от греческого посла по оформлению зала для костюмированного бала. Эта работа была также оценена очень высоко.

Чтобы дать хотя бы небольшое представление о таких заказах, предоставлю слово самому художнику, выполнившему для тех же гречес-

ких дипломатов работу по оформлению весеннего «бала Пьеро»: «Панно я написал в духе Сомова: ночные праздники позапрошлого века с фейерверками, фонариками, с маркизами, Пьереттами и Пьеро с арлекинами. Между панно – фрагменты трельяжа, увитого виноградом, так что стен почти не стало видно. Весь потолок закрывали искусственные гирлянды из белых и сиреневых глициний с цветными фонариками... Так как был уже март и погода стояла почти весенняя, я предложил при входе гостей в зал открыть окна и дать ночной свет, для чего вместо обычных лампочек вставить синие. А еще я посоветовал, для усиления эффекта, побрызгать гирлянды каким-нибудь одеколоном с запахом сирени или акации»¹⁹⁵.

Потом были и другие заказы. Всего Глинский оформил шесть балов и вечеров в разных посольствах.

Были поручения и из царского дворца. По заказу болгарской царицы Джованны он с 1930 г. на протяжении тринадцати лет ежегодно расписывал пару пасхальных яиц для итальянской королевы, ее матери-черногорки, остававшейся православной.

Получал Глинский и заказы, связанные с царем Борисом. В частности, в 1930-е гг. он оформил для болгарского монарха, министерства просвещения и министерства внутренних дел три альбома с фотографиями всех русских учебных заведений Болгарии. «Переплет царского альбома был из глянцевого кожи с росписью под эмаль, один из министерских – шелковый с узором под вышивку “настилом”, а другой – из светлой кожи с русским орнаментом»¹⁹⁶.

В 1933 г. вступил в Союз художников Болгарии.

Успехи Глинского у Векова были столь очевидны, что он был приглашен к постоянному сотрудничеству. В 1929 – 1953 г.г. он оформлял постановки «Садко», «Шехеразаду», «Сказку о царе Салтане», «Царскую Невесту», «Бориса Годунова».

Его талант художника был высоко оценен приехавшим в октябре 1934 г. Федором Шляпиным, которому Глинский показал свои эскизы к «Борису Годунову» (1929 г.). На подаренной ему фотографии великий певец написал: «Брависсимо, милейший господин Глинский! Смотрел Ваши эскизы – превосходная работа. Bravo!» Перед отъездом Шляпин подарил свои фотографии присутствовавшим на одном из обедов-встреч оперной певице Милке Ангеловой, ее сестре Любе, Арцишевс-

кому и Глинскому, которому сделал следующую надпись: «Господину Глинскому с пожеланиями успехов в его прекрасной работе художника. Ф. Шаляпин. 1934»¹⁹⁷.

В 1935 г. Глинский был приглашен известнейшим болгарским режиссером Христо Поповым, с которым они работали очень дружно, готовить костюмы и декорации к опере Н. А. Римского-Корсакова «Садко». Работа над этой постановкой принесла ему такой успех, каким не пользовался ни один русский художник. Эскизы декорация и костюмов были выставлены в центре Софии в витрине большого книжного магазина, чего раньше никогда не делали. Сам спектакль прошел 17 мая под шум аплодисментов, сопровождавших каждую картину. Так, в «картине “Морское дно” очень эффектно было освещение: на тюль проектировались переливы воды. Дирижер вынужден был приостановить музыку, а самый конец картины сопровождал уже гром рукоплесканий, под которые все морское царство и провалилось, как было задумано, в тартарары...» А когда в последний раз дали занавес, в зале пронесся шквал аплодисментов с криками «Браво!» «Художника, художника!», «Художника на сцену!», «Глинского!» Пришлось выйти, чего раньше никогда не было в истории театра. На сцене он вместе с Христо Поповым оказался в центре артистической цепочки, окатываемой рукоплесканиями. Потом были поздравления директора театра, режиссера, дирижера, поцелуи Константина Каренина, исполнявшего партию Садко, и Милки Ангеловой, спевшей Волхову¹⁹⁸.

Но не все заканчивалось так блестяще. Например, поставленная приглашенным из Загреба Максимилианом Фроманом «Шехеразада» с костюмами и декорациями «от Глинского» имела большой успех. Однако министерство посчитало спектакль «несколько безнравственным» и вскоре сняло с репертуара¹⁹⁹.

Последней работой Глинского в Софийском оперном театре стало оформление в 1953 г. оперы Римского-Корсакова «Царская невеста».

Но это был рассказ только о театральном художнике Глинском.

Его дарований хватало на многое.

В 1945 г. Глинский стал работать главным художником Софийского Дома офицеров (в 1946 г. он был переименован в Дом офицеров Советской Армии, а в следующем году стал называться Дом советско-болгарской дружбы, где художник проработал до 1955 г.).

В 1946 г. Николай Борисович получил как и многие русские советское гражданство, но на родину смог возвратиться только спустя десять лет через целину. В 1955 г. вместе с семьей прибыл в СССР. Вначале жил в поселке Летняя Ставка Ставропольского края. Жить в Москве, работать в Большом театре он не смог, хотя имел рекомендации. Работал учителем черчения и рисования в школе. Потом все же удалось переехать в 1956 г. в Саратов, вступить в Союз художников СССР, быть принятым на должность главного художника Саратовского театра драмы имени К. Маркса. На новом, но привычном, месте, он оформил 26 пьес. Среди них была и русская классика («Без вины виноватые», «Красавец мужчина», «Живой труп», «Женитьба»), советская драматургия («Битва в пути», «Проводы белых ночей»), произведения зарубежных авторов («Дамы и гусары») и др. Сотрудничал с другими театрами. Работал на телевидении. Участвовал в выставках. В 1986 г. передал в библиотеку Всероссийского театрального общества свою коллекцию (200 000 иллюстраций!!!) по истории костюма, собиравшуюся им 60 лет. Этот бесценный дар был и весом – около полутонны! В 1990-х гг. саратовское телевидение сняло документальный сериал «Николай Глинский»²⁰⁰.

Он не дожил до своего столетия лишь два года. Автор упомянутого фильма Татьяна Зорина, выступая на вечере воспоминаний о герое своего фильма, сказала, что самой лучшей похвалой у Глинского было слово «работник», а противоположным по смыслу – «шарлатан»²⁰¹.

Сам художник был, несомненно, великий труженик, творчество которого еще будет привлекать многих исследователей.

Воспоминания Н. Б. Глинского не только своеобразная автобиография, но кладезь информации о коллегах по ремеслу, объединившихся в 1929 г. в Общество русских художников, куда входило около 20 человек. Его первым председателем стал акварелист Иван Григорьевич Крылов, выпускник Болгарской Академии художеств, последователь Васнецова. Любопытная деталь: он был солдатским сыном участника знаменитой русско-турецкой войны 1877–1878 гг., оставшегося в Болгарии. Ко времени основания Общества Крылов уже имел девять персональных выставок. Его пейзажи с сочным, красочным колоритом пользовались успехом у ценителей. Многие его картины были куплены царем Борисом, принцессой Евдокией, музеями, министерствами, различными учреждениями, частными лицами²⁰².

Среди первых членов Общества назову несколько человек. Это: ученик Е. Е. Лансере Евгений Петрович Ващенко, учившийся в Софии в Болгарской Академии художеств, известный театральный художник; выпускник той же Академии скульптор Григорий Петрович Агаронян, уехавший в 1946 г. в Армению; учившиеся ранее в России Николай Константинович Кушнаревский и Борис Арнольдович Дауэ; выпускник Софийской Академии Иван Терентьевич Лазаренко; Дмитрий Коклин; графики Вадим Вадимович Лазаркевич и Василий Платонович Ковалевский. Потом в Общество входили и выходили из него Алексей Петрович Речинский, и график Владимир Иосифович Эгерт (Егер), карикатурист Михаил Петрович Блек, Елена Александровна Белковская, Наталья Николаевна Разгонова, Сергей Валерьевич Шамин, Христина Юрковская, Любовь Борисовна Шац, Михаил Миронович Малецкий, Николай Иванович Прокофьев, София Ефимовна Ренкевич, Александр Петрович Тимофеев, рижане Л. Либерт, Наталья Лаже, С. Степанов²⁰³.

Конечно, здесь названы далеко не все имена. Например, не включен писатель Александр Митрофанович Федоров, пробовавший себя успешно в пейзаже.

Обойдены мастера киноплаката Иван Похлебин и Алексей Андреевич Селецкий, работавшие вместе с Ковалевским, рисовавшего киноафиши для софийских синема²⁰⁴. Пропущено имя замечательного художника Евгения Петровича Ващенко, с которым у Глинского, без сомнения, были некие нелады.

В 1930 году состоялась первая выставка, проведенная в частном выставочном зале на улице Аксакова, т. е. в самом центре Софии, если кто не знает этого замечательного города. Потом были выставки в последующие годы. Одни картины сменялись другими, творчество было представлено разной техникой, стилем, веяниями и, конечно, именами. Последнее слово написано не случайно. Это не дурачество автора. Попробую объяснить: в 1945 г. (у Глинского указан 1946 год) в столице был организован очередной, как потом стало ясно, последний художественный салон Общества, распущенный вскоре властями. Вот как об этом событии пишет Глинский: «Нашу выставку посетил профессор Болгарской Академии художеств Маринов, маринист. Никто из нас не был его учеником, и его мнение о творчестве каждого участника выставки было особенно ценно. Когда уже кончилось обсуждение,

профессор вдруг сказал: “Вот я ознакомился со всеми вашими работами, и вот о чем я подумал: если не знать фамилий, то вполне допустимо счесть, что все эти вещи могли быть выполнены кем угодно – и немцем, и французом, и кем-то другим – настолько они интернациональны по духу. Даже Ростовцева, хоть он и иконописец, можно принять и за серба, и за болгарина или грека. И только вот у него – Маринов указал на меня, – сразу видно, что он русский, а не кто иной. Сколько лет он прожил в Болгарии, и учился здесь, но как был, так и остался русским”. Услышать такое суждение о себе было для меня полнейшей неожиданностью, и очень приятной. Но я все же спросил профессора: “Что же это – хорошо или плохо?” И в ответ прозвучало: “Это не просто хорошо, это – прекрасно! И желаю тебе не потерять в дальнейшем этой черты твоего творчества. Таким и оставайся до конца!”²⁰⁵

Если затронуть тему болгарского национализма в искусстве, то уже на примере Глинского видно, насколько она сложна. С одной стороны, он получал регулярные заказы из королевского дворца, на протяжении долгих лет успешно работал в театре с болгарскими коллегами, прежде всего с Христо Поповым, получал хорошие отзывы у театрального критика Л. М. Шишмановой. Только он и главный художник театра Асен Попов были признаны другим авторитетным критиком настоящими профессионалами. Но с другой, случались и неприятные «курьезы». В частности, в 1939 г. работы Глинского были вне конкуренции на конкурсе плакатов об открытии художественно-ремесленной выставки Союза дружеств болгарских художников. Однако когда обнаружилось, что предстоящий победитель – «руснак Глинский», возникло замешательство, вызванное тем, что для болгарской выставки выбраны плакаты русского. В итоге, конкурс вообще отменили!²⁰⁶

В 1943 г. Глинский с семьей приняли болгарское подданство, чтобы хотя бы несколько обезопасить себя в преддверии наступающих перемен, а если быть точнее, перед приходом Красной армии. Однако опасения художника были напрасными, его не тронули. Он писал, что были арестованы и увезены в СССР только члены Русского общевойскового союза, украинские и кубанские самостийники, «на этом репрессивные меры закончились»²⁰⁷.

Правда, на Глинского был написан донос болгарскими коммунистами, видимо, считавшими его «прислужником эксплуататорских

классов». Благодаря отличным отношениям, сложившимся с начальником Дома офицеров майором А. Ф. Мишиным, возможные осложнения не последовали. Глинский подчеркивает, что в Доме офицеров художников из эмиграции, работавших там по найму, «приняли как своих. Можно было подумать, что мы все тут старые и добрые знакомые, а не красные и белые... За два с половиной года я ни разу не слышал от советских военных – ни от начальников, ни от рядовых – ни малейшего намека на мое прошлое. Не прозвучало ни единого упрёка, даже случайного»²⁰⁸.

Но стоит вспомнить только судьбу певца Ждановского, вывезенного в СССР. Так что не все было так благозвучно.

В 1946 г. Глинский получил советский паспорт.

Одна из выставок, в оформлении которой принимал участие Глинский, называлась «Освобождение Болгарии» и была посвящена годовщине русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Для нее художник написал два панно: одно с полотна А. Н. Попова «Защита Орлиного гнезда», другое – «Встреча Красной Армии», по своим впечатлениям²⁰⁹.

Весной 1945 г. с Ростовцевым, работавшим над оформлением летнего парка Дома офицеров Красной армии (располагался в бывшем представительстве Ватикана в небольшом трехэтажном доме в стиле итальянского Возрождения, на улице Обориште, потом был переселен в четырехэтажный Студенческий дом на площади Народного собрания), приключился забавный казус: привыкший к церковной живописи, он принялся писать советские лозунги церковнославянским шрифтом, чем «ошаршил» советских художников, работавших рядом²¹⁰.

Торцовую стену в зрительном зале Дома советско-болгарской дружбы расписывал на советскую тематику тот же Ростовцев. В украшении его помещений участвовали и другие члены бывшего Общества русских художников, поставляя свои копии картин советских коллег по ремеслу²¹¹.

В конце своих воспоминаний Глинский напишет: «Всегда и везде как художник вообще и прежде всего как художник театра, как оформитель празднеств, балов и маскарадов я приносил людям главным образом, смею надеяться, удовольствие и радость. А отчасти – и пользу в прямом смысле как иллюстратор учебников, научных книг и статей. Искусство и науку я любил почти одинаково, и в какой-то мере я их

совмещал, вливая в театральные работы – декорации и костюмы свои познания в истории, в быте, в этнографии, а в иллюстрирование научных книг – свои познания естествознания.

С первых же своих трудовых шагов я неотступно придерживался принципа, который считаю стержнем профессионализма: что бы ни делал, стремился выкладываться до конца, добиваться максимального, насколько это в моих силах, результата, не давать себе послаблений...

И еще: всегда работал, без пауз, без перерывов на усталость или хандру. Человек в зрелые годы должен всегда находиться в состоянии работы. Это тоже обязательное условие профессионализма. И работа всегда найдется, если ищешь ее и не пренебрегаешь любой. Нельзя ждать работу.

Свое возвращение на Родину я воспринимаю как огромное счастье, которое не обошло меня стороной. Подарком для меня стал и необыкновенно сердечный прием, оказанный мне коллегами в Советском Союзе, где, казалось бы, я был чужим во всех отношениях.

К моему бескрайнему сожалению, лучшие годы, против моей воли, были отданы чужбине, но добрая судьба все же дала мне возможность потрудиться и для моего народа. Я всегда, где бы ни был, чувствовал себя русским»²¹².

Конечно, это рассказ художника о своем времени, своих работах. О товарищах по ремеслу он почти не пишет, да он и не ставил такую задачу. Поэтому позволю себе очертить еще несколько творческих биографий.

Прежде всего я хочу назвать художника громадного таланта Евгения Петровича Ващенко (27. I. 1887 – 20. III. 1879, София), также театрального художника, своеобразного конкурента Глинского. В России он учился у Бориса Кустодиева и Евгения Лансере. Работал с Мейерхольдом, этим революционером-пересмешником русского театра. Его первой оформительской работой в Софии стало открытое 31 января 1934 г. кабаре «Луна», выдержанное в сочетании черных и огненно-красных тонов. Потом были работы уже в «серьезных» театрах; стал декоратором и костюмером в театре Сладкарлова, затем (с 1947 г. вплоть до выхода на пенсию в 1960 г.) в государственном музыкальном театре имени Стефана Македонского. За эти годы его фамилия появлялась на софийских афишах более двухсот раз как главного художника поста-

новок этого театрального сообщества. Большинство его декораций выдержано было в модернистском стиле, столь излюбленном художниками начала XX века. Много времени он отдавал оформлению спектаклей Народного театра имени Ивана Вазова: в их числе «Маскарад», «Мария Стюарт», «Васса Железнова», «Ревизор», «Дачники», «Горячее сердце». Творчество Евгения Петровича Ващенко отмечено рядом высших наград, таких как ордена Кирилла и Мефодия, орден Народной Республики Болгарии, золотой почетный знак города Софии. 31 августа 1974 г. указом Государственного совета Народной Республики Болгарии ему было присвоено звание «Заслуженного художника»²¹³.

Недолгое время жил и рисовал, любил в Софии Николай (Георгий Николаевич Шелехов; 16. IV. 1912; Варшава – 28. XI. 1981; Монреаль), иеромонах, изограф. Купеческий сын, закончил Софийскую гимназию, потом, в 1932—1936 гг., учился в Духовной академии в Софии. 19 ноября 1932 г. рукоположен в иерейский сан архиепископом Серафимом (Соболевым). В середине 1930 гг. учился иконописи у Пимена Максимовича Софронова в монастыре Раковица (Югославия).

В 1953 г. покинул Софию и поселился в Рильском монастыре, где организовал иконописную мастерскую, выполняя заказы монастырей, храмов Болгарской Православной Церкви. В 1961 г. вернулся в Софию, открыл свою мастерскую в столице, преподавал в школе иконописи в Русском Покровском женском монастыре (с. Княжево). В 1967 г. уехал в ФРГ (Донариус). Писал иконы для иконостасов церкви преподобномученицы Евгении в Саарбрюккене (1970), кафедрального собора св. Николая в Мюнхене (1971), церкви св. Николая в Штутгарте (1972/73) и др. В 1975 г. уехал в Канаду (Монреаль), где и скончался²¹⁴.

Это, так сказать, высушенная биография для канцелярии. Немного оживляет ее романтическая история с гимназической любовью Шелехова. Вот как она представлена у Тинина, счастливого соперника в любви к Адульке, т. е. к Ариадне Михайловне Невейновой: «Еще задолго до нашей женитьбы, а именно в гимназии, где мы вместе с ней учились, за Адулькой усиленно ухаживал гимназист на два года старше ее по фамилии Шелехов. Он являлся потомком тех дворян, которые в XVIII веке осваивали Аляску... Шелехов, как и многие из нас, был романтиком, беззаветно любил Адульку, а она, как пришло время, выбрала меня в свои мужья. Красоте его любви я восхищаюсь до сих пор. Дело

в том, что после ее замужества он не захотел ей искать замену в своем сердце, не захотел, видимо, расставаться с ее образом, который сам себе придумал, и ушел в Рильский монастырь, став там прекрасным иконописцем. На вторую годовщину нашей свадьбы Шелехов подарил нам написанную им икону святой Ариадны. Причем святая, изображенная на иконе, конечно в стилизованном виде, была очень похожа на мою жену»²¹⁵.

Из тех художников, картины которых вернулись на Родину, назову еще Сергея Ивановича Петрова (18. III. 1918, Челябинск – 19. VI. 2006, София), графика, пейзажиста, портретиста, мастера натюрморта. В 1933 г. уехал с родителями в Болгарию, откуда был родом его отец. В годы войны учился в Академии художеств у профессоров Илии Петрова и Николы Маринова, Николы Ганушева. Потом настало время самостоятельного творчества, выезды на этюды. Владение техниками монотипии (вид графики), масляной живописи, акварели, где, в отличие от предыдущей, нельзя ничего исправить, уже характеризует Петрова мастером, причем обладавшего редкостным терпением, необходимым для тех, кто работает в технике монотипии. Любителям колорита его творчество придется по вкусу яркостью, чувственностью живописи, что роднит его с такими мастерами русского авангарда, как Василий Шухаев или Филипп Малявин. Среди многочисленных работ, в которых он рисовал Болгарию, Россию, есть и София, своя, неповторимая, собственная...

Картины художника, награжденного орденами Кирилла и Мефодия I и II степеней, хранятся в галереях Болгарии и России, в частных собраниях в Америке, в Европе, в Азии. Первая персональная выставка Петрова в Москве прошла в 1998 г. в Болгарском культурном центре, а в 2001 г. в его родном Челябинске. Сейчас в областном государственном музее искусств находится около 400 картин, переданных художником в дар²¹⁶.

Время ломки, смены власти, переоценки ценностей, время созидания и коррупции, получило освещение в серии художника «Звериное время», где четко вырисованы человеческие – не типы, – а пороки, страсти, превращающие людей в чудовищ. Здесь видны и боль, страдания художника, горькие итоги размышлений о природе человека, ее «превращениях-искажениях».

В последние годы жизни художника все чаще охватывала тоска по России, стране, где он родился. Его последнее «прости» было связано с Россией и отлилось в следующие строки:

*На чужбине погрузу,
Не стыдясь, поплачу.
С каждым днем растет тоска неутешимая:
Знаю, никогда не будет мне удачи
Встретиться с тобой, Россия – мать родимая.*

*На чужбине упаду
И сам опять поплачу.
С каждым днем растет тоска неотвратимая.
Далеко от Родины мой путь тернист и мрачен.
Мать моя, услышь мой вопль, родимая!*

*На чужбине упаду,
Кто обо мне заплачет?!
Сердце сжала боль-тоска невыносимая.
Как мне разрешить мою последнюю задачу?
Мать моя, ты дай мне сил, родимая!²¹⁷*

А завершить свой экскурс в мир живописи я хочу сказками.

Все может пропасть, исчезнуть, а сказки уцелеют. Их всегда помнят, любят, вспоминают, особенно если они еще и украшены волшебными картинками!

Так вот, до сих пор в Болгарии уже несколько поколений помнят чудесные рисунки русского художника Вадима Лазаркевича! Сказки с его иллюстрациями переиздаются, быстро расходятся и в 21 веке, как например «Мыльные пузыри» (текст Светослава Минкова). О самом художнике, знаменитом, даже гениальном, по утверждению Галины Минковой²¹⁸, иллюстраторе детской книги сведений, как в сказке, и много и немного. Велика частота упоминаний, но мало информации. Больше всего в памяти, потом в Интернете. Причина проста, как мир, – обыкновенная зависть коллег к популярности «белогвардейца». Именно это родовое человеческое чувство сыграло свою роль в том, что ему было

отказано в пенсии под предлогом неуплаты взносов от гонораров в Союз болгарских художников. Хотя, как объясняет сын, у отца не было постоянных заказов, жил он скромно и платить было не с чего²¹⁹.

Тем не менее я попробую эскизно набросать портрет этого удивительного человека, дарящего радость и сегодняшним детям!

Итак, будущая знаменитость родилась на Украине в семье генерала, Вадима Константиновича Лазаркевича, автора нескольких учебников по артиллерии, использовавшихся даже в годы Второй мировой войны. Со своей женой Екатериной Петровной, выпускницей киевской музыкальной консерватории, имели двоих сыновей – Вадима и Алексея и дочку Милицу. Следуя семейной традиции, Вадим пошел по военной линии. Однако по окончании кадетского корпуса традиционного продолжения военного обучения не получилось. Родители, видя явные способности сына к рисованию, не возражали против учебы Вадима в Академии художеств в северной столице. Там он успел проучиться два года и ушел на германский фронт, где воевали отец и брат. Там с 1915 по 1917 гг. командовал батареей в чине поручика. Пострадал от боевых газов, что сказалося потом на его здоровье. Потом было бег от большевиков. В Новочеркасске Вадим Константинович, Вадим и Алексей последний раз видели Екатерину Петровну и Милицу, оставшихся в городе. Мужчины продолжили вместе с отступавшей армией свой тяжкий путь. Потом была эвакуация, Черное море и Болгария, куда они прибыли в декабре 1920 г. и нашли пристанище в античном Несебре. Первое время зарабатывали тем, что рисовали вывески на магазины, красили лодки и фаэтоны. Но, видимо, эта временная работа не устраивала никого. Поэтому сыновья уехали в Софию. Отец остался, открыл фотоателье, стал весьма популярен. Очарованный Несебром с его древностями, он снимал его достопримечательности, участвовал в археологических раскопках. В Софии он побывал только раз, в 1937 г., но она ему не понравилась и он вернулся к себе²²⁰.

Но к тому времени Вадим уже прижился в Софии. В 1921 г. стал сотрудничать в издательстве «Паскалев»²²¹.

Имя его приобретало известность. Стал одним из первых и лучших иллюстраторов детской книги. Чтобы представить его объем работы, скажу, что Лазаркевич проиллюстрировал 36 детских периодических изданий и свыше 200 книг, в основном болгарских авторов.

Его талант не был «подобен флюсу», Вадим Лазаркевич мог делать все – от иллюстрации изданного в 1930-х гг. учебника Хр. Спасовски и Т. Близнакова по религиозному обучению и воспитанию до обложки книги Любена Антонова «Лик Македонии», изданной в 1943 г. Можно вспомнить здесь любимый детский журнал «Детская радость», выходявший с 1910 г. по 1947 г., и одного из его редакторов, а именно Рана Босилека (настоящее имя – Генчо Станчев Негенцов из всему миру известного Габрово!), открывшего Вадима Лазаркевича и привлекшего к себе в журнал. Писатель Георги Мишев подчеркивал, что русский художник был «блестящим дизайнером журнала», украсившим журнал «оригинальными и изящными иллюстрациями, с чудесными заставками... с оригинальными колонцифрами для каждой страницы»²²².

Вадим Лазаркевич известен и своими иллюстрациями не только для детей. Он иллюстрировал рассказы Ивана Вазова, Льва Толстого, Джека Лондона. Оставил свой след в болгарском эротическом изобразительном искусстве²²³.

Можно здесь и вспомнить и грустную историю с дедом Морозом. Вадим Лазаркевич был автором последней серии открыток с болгарским «Дядо Коледа». После 1944 г. новые власти уничтожили ее почти полностью как наследие буржуазного прошлого. Его место на открытках занял советский Дед Мороз²²⁴.

И в завершение о сыне – Вадиме Лазаркевиче, младшем, который пошел по стопам своего знаменитого отца. В 1959 г. он закончил в Софии Художественную академию по классу графики. Однако, будучи из «неблагонадежной» семьи, Вадим-младший не «вписался» в Союз болгарских художников. Долгие годы талантливый художник был вынужден заниматься иллюстрированием учебников и диапозитивами²²⁵.

Впрочем, сын потом писал, что многие книги, иллюстрированные отцом, он перевел на диапозитивы, продолжив им жизнь²²⁶.

Не бросал он и любимой графики: уже его первые работы были одобрительно восприняты столичной критикой. Известны его графические работы «Зимняя София», «Рыбаки» и др., которые, по утверждению Галины Минковой, сделали бы честь любой галерее. Упомяну, что его сестра Екатерина, талантливая художница, долгое время работала в литографии «Балкан», потом в изданиях БТА. Внучка Вадима, старшего, Цения избрала профессию дизайнера²²⁷.

И опять об отце. Детские книги с его рисунками и сейчас переиздаются в Болгарии, и опять детские руки перелистывают страницы сказок, украшенных волшебными рисунками руснака Лазаркевича.

В постреволюционное время, пожалуй, самым известным здесь был выпускник Художественной академии в Софии Н. Е. Ростовцев (1898–1988, София), фресками которого украшены многие церкви. После войны он был исключен из Союза художников Болгарии, как «не имеющий особых заслуг» в болгарском искусстве (читай: социалистическом! – В. К.). В своей апелляции оскорбленный Н. Е. Ростовцев писал: «Я иностранец, я русский без всяких связей... но честно служил искусству и создал себе достойное имя в области церковной живописи. Верю, что в будущем беспристрастный историк, рассматривая современную болгарскую живопись, отметит мои усилия и мои скромные заслуги перед болгарским искусством и художественной культурой». Однако в Народной Республике Болгарии он так и не получил официального признания. Тем не менее художник остался верным своему таланту мастера стенописи, о чем, в частности, свидетельствуют фрески: церкви Успения Богородицы на центральном софийском кладбище (1969), кафедрального храма св. Недели в Софии (1973), алтаря в церкви св. Седмочисленцев в Софии (1975), часовни св. Климента Охридского в Софийской Духовной Академии (1978). Следует назвать здесь и русскую церковь св. Николая Чудотворца (архитектор М. Т. Преображенский, первый камень заложен в 1907 г., расписана русскими художниками под руководством В. Т. Перминова, освящена в 1914 г.), фрески крипты которой с изображениями преп. Иоанна Рыльского и преп. Серафима Саровского также принадлежит кисти Н. Е. Ростовцева, равно как и заново выполненная композиция Воскресения Христова в северном нефе, а также две иконы – св. Николая Чудотворца и преп. Иоанна Рыльского в южном нефе. Есть у него и портреты, пейзажи. С 1961 по 1969 т. е. до пенсии – художник-реставратор в Церковном историко-археологическом музее²²⁸.

Добавлю, что в 1957–1959 гг. группа художников под руководством Ростовцева вторично расписали стены церкви св. Николая монастыря Рождества Христова, что на Шипке, этом святом месте для русских и болгар.

Из русских художников упомяну Е. Б. Дункеля, картины которого на выставке в 1922 г. в Пловдиве были раскуплены в первые же дни²²⁹.

Отмечу мастера с пышной фамилией Голубев-Багрянородный (1890, Пенза – 1934, Берлин), живописца, графика, поэта. Леонид Николаевич Голубев в 1917 – 1919 гг. под псевдонимом Багрянородный выпустил несколько футуристических поэтических сборников «Мое хотите» (Тифлис, 1917), «Моя правда» (Тифлис, 1918), «Ожерелье плевков» (Ростов на Дону, 1919). Эмигрировал вместе с Добровольческой армией. В 1920–1922 гг. работал на Кипре. В 1922 г. поселился в Берлине. Создатель галереи карандашных портретов деятелей русской эмиграции (Ив. Лукаш, Д. Ратгауз, А. Н. Толстой, Ф. Степун, Вл. Хода-севич, Вяч. Иванов, И. Северянин, Т. Карсавина и др.)²³⁰.

Кстати, упомянутый здесь Даниил Максимович Ратгауз был автором текста гимна в честь Февральской революции:

*Ликуй, народная стихия!
Сбылись заветные мечты:
Россия, светлая Россия,
Теперь навек свободна ты!
Сияй, священная пора
Свободы, правды и добра!
Затихла боль горевшей раны,
Умолк зверей зловещий вой,
Во прах повержены тираны,
И нет сильнее Руси Святой!
Сияй, священная пора
Свободы, правды и добра!*

А потом «народная стихия» устроила Октябрь, правда, Февраль был не лучше...

Возвращаясь к Голубеву-Багрянородному, скажу, что он участвовал в постановке в Народной опере «Князя Игоря» и «Хованщины» в качестве художника по костюмам²³¹.

Видимо, в Болгарии он не чувствовал Европы, поэтому и уехал в европейский Берлин, где «зарабатывал тем, что ходил по пивным и за марку, а то и за половину ее, а то и за коньяк и кружку пива – рисовал портреты посетителей... при этом не терял своего благодушия, никогда не унывал, шутил»²³².

А завершить главу я хотел бы строчками из стихотворения Александра Городницкого:

*С годами живопись становится нужнее, —
Все остальное ускользает и течет.
Стареет сцена и театры вместе с нею,
Кино и музыка иные, что ни год.
Одна лишь живопись внушает нам надежду,
Что неизменными останутся всегда
И эти складки у пророка на одежде,
И эта серая в промоинах вода,
И мироздания распавшиеся звенья
Соединяются в музейной тишине,
Где продлеваются летящие мгновенья,
Запечатленные на сером полотне.*

НЕМНОГО О ПОЛИТИКЕ: В «ОЖИДАНИИ ПОЕЗДА НА РОССИЮ» – МЛАДОРОССЫ

А в ожидании обеда или после него, отдыхая в своем «сутерене» или мансарде, где обитало большинство русских²³³, можно было почитать что-нибудь «газетно-журнальное».

В этой сфере господствовала София. У любителей новостей, прогнозов, обзоров, фельетонов, чужих мыслей и иного информационного хлама был большой выбор: «Бюллетень» (изд. РОВС); «Вестник общества галлиполийцев», «Вольный Дон», «Галлиполийский бюллетень», «За Россию», «Зарубежный клич», «Информационный бюллетень», «Исход к Востоку», «Казачи за границей», «Казакья», «Казачьи думы», «Компас», «Оккультизм и йога», «Потешный» (НОРР), «Родина», «Россия», «Русская мысль», «Русские сборники», «Русский кооператор», «Русский сокол в Болгарии», «Вестник земледельца», «Вопль», «Голос», «Голос России», «Голос труда», «За Россию», «Казачье слово», «Казачьи думы», «Молодое слово», «На Родину», «Наша газета», «Наша жизнь», «Новая Россия», «Русская жизнь», «Русская правда», «Русское дело», «Русь», «Свободная речь», «Славянское эхо», «Станица», «Труд» и др.²³⁴

Пожалуй, одной из самых интересных была газета «Молодое слово», выходявшая в Софии с 1931 по 1937 гг. Это издание было задумано как чисто литературно-эстетическое. Однако русскую молодежь больше интересовали вопросы политические, нежели «чистое искусство». После выхода трех номеров газета перестроилась, став рупором младоросской пропаганды в этой славянской стране²³⁵.

Эти младороссы были весьма популярны в эмигрантском мире уже своими лозунгами: «Ни белые, ни красные, а русские», «Царь и Советы» и пр. Век их организации «Молодая Россия» был сравнительно короткий, но богатство идей, мыслей, размышлений поражают. Русские, поляки, чехи, евреи, ассирийцы, украинцы, армяне, грузины и представители многих других народов «ходили» в младороссах, живших в странах русского рассеяния – от Аргентины до Австралии,

от Софии до Дамаска, от Китая до Канады. И одна из основных тем, не сходящих со страниц многочисленной младоросской прессы, была посвящена будущему обустройству России.

Вся политическая доктрина младороссов была заключена в формуле «Все национальное – наше».

Официальные документы дают следующую картину. «Младоросское движение есть совокупность лиц и организаций, сочувствующих, содействующих или служащих установлению в России нового строя на началах национализма, социальности и монархизма: а) Младоросский национализм есть любовь к Российской Имперской Нации, состоящей из многочисленных народов, имеющих равные права на самобытное развитие... ведущая роль по укреплению и защите государства принадлежит народам русским... Через служение нации осуществляется и всечеловеческий идеал международной справедливости и мирного сотрудничества народов, б) Младоросская социальность есть стремление к осуществлению в политическом, социальном, экономическом и бытовом строе национальной жизни начал справедливости в формах, соответствующих той правде, к которой на протяжении своей истории стремилась Российская нация. Младоросская социальность находит свое осуществление в проведении в жизнь младоросского социализма... исключает классовую борьбу... классовые и социальные привилегии и эксплуатацию человека человеком с построенным на ней капитализмом. Он признает частную собственность как социальную функцию и принцип национальной плановости, утверждает примат духовного начала над материальным и свободу совести, в) Младоросский монархизм проистекает из веры в тот нравственный идеал, который лежит в основе русской культуры и русской государственности; он выражается в беззаветной преданности Природному Российскому Императору, олицетворяющему Нацию и служение Ей... Верховная власть Царя, в отличие от абсолютной, ограничена нравственным идеалом, служение которому объединяет Царя с народом в соборном сотрудничестве... Младоросская Партия. Те, из входящих в Движение лиц, которые в своей политической деятельности добровольно объединятся, подчиняя ее водительству и руководству младоросской иерархии, составляют Младоросскую Партию. Партия построена на единоначалии, иерархичности и сотрудничестве.

Орден Младороссов. Те из членов партии, которые рассматривают задачи Младоросского Движения как главную цель своей жизни и добровольно согласуют с этой целью не только свою политическую работу, но и свою общественную деятельность и личную жизнь, объединяются в Орден Младороссов... Младоросский Орден является ядром Партии и Движения»²³⁶.

В дальнейшем орденская тема получила свое развитие при проектировании устройства будущей России. В 1938 г. один из младоросских мечтателей писал в «Бодрости» следующее: «Главная роль во внутрирусском национальном созидании выпадет на долю новой национальной элиты... крепко спаянного и беззаветно-жертвенного отбора. Задача и смысл такого отбора... не столько административное управление, сколько духовное направление жизни страны. И, разумеется, нет лучшего способа духовного водительства, как личный пример. Эти люди, претендуя на священное звание лучших русских людей, должны стать как бы иноками в миру, сделать из служения Родине единственную цель своей жизни, словом, образовать Настоящий ОРДЕН, ОРДЕН СЛУЖЕНИЯ РОССИИ.

Особая этическая устремленность национальной жизни. Признание высших общечеловеческих духовных ценностей – Абсолютной Правды и Абсолютного Добра. Служение этим ценностям внутри страны и мессианский пафос их распространения вовне. Монархизм, как живое олицетворение духовного начала. Воспитание в массах через элиту целостного национального мировоззрения (*Чем интеллигент отличается от простолюдина? У первого впереди – слово, у второго – дело. Правда, довольно часто встречается их синтез: «Слово и Дело», известное еще с конца XVI в. – В. К.*) Принципиальное и фактическое преодоление присутствующего 19 веку антагонизма между «обществом» и государством путем соучастия того и другого в устройении жизни нации (*Здесь автор не хочет признаваться в том, что «соучастие» было блистательно показано в 1917 году. – В. К.*). Наконец, облагорожение самоценной человеческой личности путем, елико возможно, непринужденного ее привлечения к служению Общему Делу, с оставлением за ней священных неотъемлемых прав, как например, свобода совести.

Идеологическая работа внутри партии лежала на политруках и пропагандистах-организаторах, в чьи обязанности входило разъясне-

ние младоросской политграмоты, составленной в форме кратких вопросов и ответов. Ее авторы, собрав в ней практически все «проклятые» проблемы, волновавшие русскую молодежь, стремились убедить ее, что лишь русский путь, только создание нового русского мира, – построенного на принципах Союзной империи, национальной плановости и монархии трудящихся, – является единственным средством возрождения новой России, в которой сливаются восточная и западная культуры с их историческими традициями и современным бытием.

В чем же младороссы видели долг перед своей родиной? В отличие от непредрепшенцев с их кредо – ждать у моря погоды и рассказывать сказки о старой и новой России, от новопоколенцев, выращивающих в своих рядах мстителей, террористов, от младороссов требовалось одно – оставаться русским человеком и верить своему начальству, которое не пошлет тебя на смерть и станет учить уважать русских людей с их бесконечным смирением и одновременно с их энтузиазмом строительства нового человека.

Но лирико-героическая поэтика замыслов и мечтаний плохо и тяжело сочеталась с прозой жизни. В анкете журнала РОВСа «Часовой» полковник Богданович – глава юношеской национальной организации русских разведчиков – писал: «“Отцы” с головой ушли в прошлое, культ которого разработан в эмиграции изумительно и по своей сложности оставляет мало времени для других вещей. Но без культа будущего обрывается преемственность, и это прошлое обречено на музейное существование. Можно ли гробы прошлого одевать в мраморные памятники и стоять при них застывшими почетными часовыми, в то время, когда будущее – дети, раздетые и голодные, дичают, без руководства, заботы и ласки?»²³⁷

Не сказал бы, что эмиграция не заботилась о своих детях: делалось все возможное для их учебы, воспитания любви и гордости Россией, ее историей, а дальше...? А дальше было будущее, в котором молодежь выбирала свой путь, позволяющей ей считать себя русской.

Для одних русскость связывалась с сохранением своего имени, гордости своим родом, своими предками, с устройством своей жизни, в которой нет места политическим разговором, которых они наслушались в дурное время. Главное – жить без затей, искать хорошую службу и не давать себя ввязывать в различные политические аферы.

Многие из них оставались долгое время апатридами, т. е. лицами, не желавшими принимать гражданство той страны, где они обосновались. Хотя... русский обыватель тоже не был лишен патриотизма. Достаточно вспомнить Вторую мировую войну, когда достигший определенного успеха в жизни, он вступал в ряды Сопротивления или записывался в Русский охранный корпус для борьбы с большевиками, отнявшими у него родину.

Для других русскость связывалась с романтико-героическим служением России, делу ее освобождения. Так, в программе Союза русской национальной молодежи ставились задачи объединения «детей» для создания «сильного телом и духом кадра, готового к жертвенному служению Родине и восстановлению ее былого могущества и величия». В лозунговой форме прокламировались традиционные ценности: православие, народность, монархия (но уже не самодержавие!!!). От молодежи требовалось «посильное», но в то же время «активное участие» в некоем «русском национальном движении», которое, что весьма важно, не предreshало будущей формы русской государственности²³⁸.

Иначе говоря, влияние «отцов» Феврала, его идей было достаточно сильным среди юношей и девушек, недавно вырвавшихся из революционной России. Примерно те же задачи имела популярная организация «Русский сокол» с ее целью гармонического развития духа и тела. Особые задачи она видела в борьбе с денационализацией, в подготовке борцов за национальные идеалы. Была даже звонкая, но, в сущности, пустая фраза о необходимости работы «над национальным и моральным оздоровлением русского народа» и борьбы с «духовным маразмом, который принесен на Родину безбожием, социализмом и интернациональными силами»²³⁹.

Весьма серьезной организацией был и конкурирующий с младороссами Национально-трудовой союз нового поколения (далее – НТСНП), созданный в 1930 г. в Белграде. В его программе были записаны положения, предусматривавшие ниспровержение коммунистической власти, как режима террора, произвола и нищеты: возвращение стране исторического имени «Россия», защита территориальной целостности Российского государства, свобода и право населяющих его народов на национально-культурную самобытность, освобождение заключенных, установление свободы вероисповеда-

ния, политические свободы, законность, право на труд, свобода труда и равенство возможностей для всех граждан, утверждение права частной собственности, «оправданной трудом и ограниченной интересами нации и государства», создание строя, основанного на началах трудового солидаризма и делового сотрудничества, «недопущение» классовой борьбы²⁴⁰. При этом члены НТСНП считали младороссов «большевизанами», для которых характерно увлеченность успехами советского строительства, «доходящее у некоторых лиц и группировок до прития политики Сталина и признания ее способной оздоровить и укрепить Россию и весь мир»²⁴¹.

Однако замечу, что для младороссов идея борьбы заключалась прежде всего в утверждении тезиса «Лицом к России».

Мертвечина, бездарность, самодовольная ограниченность стариков-монархистов с их арифметическими выкладками о времени падения большевизма вынуждала многих идти на разрыв с таким монархизмом при сохранении его идеалов.

Так, А. С. Штейгер писал З. Н. Гишпиус 9 июля 1927 г.: «Как ни странно, но в подобном моем положении оказались еще многие, теперь объединившиеся в клуб монархический, но среди монархистов имеющий репутацию сменовеховской ячейки. Нам кажется, что у монархий и монархов никогда не было больших врагов, чем монархисты, т. к. к сожалению, их единственное занятие и цель состоит в опошлении и выставлении в юмористическом виде всего того, что должно бы было быть для них свято и высоко. Это относится ко всем правым, а наши правые эмигрантские непереносимы еще своей озлобленной ослепленностью и полным отсутствием элементарного национализма и любви к России, для них несуществующей, замененной национализмом “зарубежным”, эмигрантским. На днях должен появиться в печати наш первый сборник... (*«К молодой России...»* – В. К.) Мы смотрим, т. е. стараемся смотреть на вещи трезво и прямо, не впадая в фактопоклонство, желая, в общем, чтоб (помните Ваше стихотворение) было ультрафиолетово (“Что мне зеленое, белое, алое?/Я хочу, чтоб было ультра-фиолетово...”)²⁴².

«Ультрафиолетовая» русская монархия – это нечто новое, странное и смешное, не так ли? Однако главное – есть биение мысли, даже если она и «хромоножка».

Итак: новая Россия должна быть монархией.

При этом все историческое бытие Российского царства связано именно с монархической формой правления, с именами тех, под чьим главенством «азиатское страшилище» расширяло страну, принимало в русские пределы новые народы и спасало не раз Европу.

Николай II был расстрелян, но... «император умер. Да здравствует император!» В эмиграции им стал великий князь Кирилл Владимирович. Монарх без страны, но со своим Двором.

Монарх без подданных, считавший однако русский народ своим, уже принадлежал к новому – если можно так выразиться – поколению российских «самодержцев», признававших то, что случилось с его страной *de facto*, но отнюдь не *de jure*. И конечно, русским монархистам должно быть было завидно и немного грустно, когда они видели иное отношение к монархии у болгар, нежели у своих отцов, предавших русскую монархию

У Иваана Тинина есть несколько ярких строк о любви и уважении студенчества к своему царю Борису. Вспоминая день студентов – 9 декабря, день святого Климента Охридского, когда после монаршего поздравления студенты на руках выносили своего царя из Народной оперы, где проходило торжественное собрание, И. Тинин писал: «Царь был консолидирующей силой для нас. При нем никто не смел себя вызывающе вести. Но когда он уезжал с торжественной части, то тут начиналось что-то несусветное. Студенты, как и общество, делились на коммунистов, анархистов, монархистов, социалистов, фашистов. Так вот, коммунисты били анархистов, социалисты – фашистов и т. д. Короче говоря, колотили друг друга именно те, которые на руках выносили царя из оперы».

Добавлю еще несколько строк: «Его смерть (23 августа 1943 г. – В. К.) стала трагедией для всей Болгарии. Несколько дней подряд шли в храм толпы людей, чтобы проститься с действительно любимым царем... По всей Софии стояли черные пирамиды, на которых горел огонь»²⁴³.

Возвращаясь к младороссам, скажу, что для них Кирилл Владимирович был отнюдь не символом ушедшего, а олицетворением будущей русской верховной власти. Само новое время и перемены в мире подсказывали ему строить политику, которая вбирала бы в себя традиционные ценности и в то же время учитывала изменения

в строе мыслей молодежи, искавшей ответа на «проклятые» вопросы и больше не верившей своим «отцам», чьи дела привели ее в эмиграцию, зачастую на задворки европейской цивилизации, например, в Бизерту.

Однако, пожалуй, самым интересным и скандальным было обращение Кирилла Владимировича к России в конце 20-х гг.: «НЕ ОТВЕРГАЯ СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЫ НАРОДНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА, Я ОБЕСПЕЧУ СВОБОДНОЕ ИЗБРАНИЕ В СОВЕТЫ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ВСЕХ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ СЛОЕВ НАСЕЛЕНИЯ, А РАВНО ЧЛЕНОВ ПРОФСОЮЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ И СПЕЦИАЛИСТОВ, ВЫДВИНУВШИХСЯ СВОИМ ЗНАНИЕМ И ОПЫТОМ В ДЕЛАХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ. СОВЕТЫ СЕЛЬСКИЕ, ВОЛОСТНЫЕ, УЕЗДНЫЕ, ГУБЕРНСКИЕ И ОБЛАСТНЫЕ ИЛИ НАЦИОНАЛЬНЫЕ, УВЕНЧАННЫЕ ПЕРИОДИЧЕСКИ СОЗЫВАЕМЫМИ СЪЕЗДАМИ СОВЕТОВ – ВОТ, ЧТО СПОСОБНО ПРИБЛИЗИТЬ РУССКОГО ЦАРЯ К НАРОДУ И СДЕЛАТЬ НЕВОЗМОЖНЫМ КАКОЕ-ЛИБО СРЕДОСТЕНИЕ В ВИДЕ ВСЕСИЛЬНОГО ЧИНОВНИЧЕСТВА ИЛИ ЖЕ ИНОГО, ПОЛЗУЮЩЕГОСЯ ОСОБЫМИ ПРЕИМУЩЕСТВАМИ СОСЛОВИЯ...

Мы хотим, чтобы все знали, что именно ДЛЯ НАС РОССИЯ – ПРЕЖДЕ ВСЕГО И ОТ НЕЕ МЫ НЕ ОТКАЖЕМСЯ, КАКОВ БЫ НИ БЫЛ ЕЕ ВНЕШНИЙ ОБЛИК. Наше ПЕРВОЕ, основное стремление – СЛУЖИТЬ РОССИИ; и наше ПРАВО и наш ДОЛГ – РАБОТАТЬ НА ЕЕ БЛАГО при всяком режиме»²⁴⁴. Комментарии излишни.

Младороссы имели свою трактовку феноменов человеческого жития и бытия. По их утверждению, «национализм есть сознательная приверженность к нации, обязывающее к служению ей... Нация есть объединение личностей, связанных общностью исторической судьбы. Это есть духовный организм, образующийся в силу общности, как духовной направленности, так и внешних условий жизни (органичность и природность). С младоросской точки зрения, нация отличается от народа тем, что в ней признак происхождения (крови) играет второстепенную роль. Нация может быть сплавом многих народов, но обладает единой синтезирующей культурой. Нация зарождается в момент осознания ее членами этой культуры и умирает, когда оказывается неспособной служить своему идеалу»²⁴⁵.

В определенной степени взгляды младороссов были близки мировоззрению евразийцев. Но... Одно из основных различий обуславливалось несхожестью трактовок российской истории, прежде всего неприятием глобального влияния азиатского фактора на становление российской государственности. Тем не менее младороссы не теряли надежды, что «евразийцы сумеют преодолеть в себе те “уклоны”, которые могли бы лишить их национальных корней и что в будущем они разглядят за наследием Чингизхана и наследие Киева, Москвы и даже Петровой столицы. Надо думать, что самое понятие “евразийство” не будет больше искажаться пан-азиатскими устремлениями, что центр тяжести не будет переноситься с некоторой искусственностью на наши туранские истоки и что десять трудных веков необходимой и славной русской истории не будет отрицаться огулом»²⁴⁶.

В Советской России интеллигенция при власти воспевала СССР, в то время как за ее границами младороссы составляли проекты «Союзной Империи» – новейшей формы государственного объединения российских народов, объединенных «под скипетром общих Императоров («всероссийских», по старой формуле, – «всесоюзных», по новой формуле)». Лидер младороссов А. Л. Казем-Бек подчеркивал, что будущее за многонациональными государствами, своеобразными наднациональными империями. Соответственно сама имперская идея – «общее достояние народов Союзной Империи». При этом цель и суть русского национализма в том, чтобы «оградить имперскую идею и дать ей очиститься и вырасти в новую, подлинно вселенскую силу. На этой базе и должна строиться Империя Союзных Народов (по сути этим занимались и большевики! – В. К.). Их сознание и их совесть – их национализм – должны жить и дышать круговой порукой под сенью... империи. Военный и таможенный союз самостоятельных национальных государств уже достаточен, чтобы Союз Народов был не эфемерной Лигой Наций, а мощным и сложным органическим целым»... имперской элитой будет тот отбор людей дела и воли (т. е. младороссы. – В. К.)... которые в будущем послужат социальной и национальной (конечно, многонациональной) базой для новой Имперской Монархии»²⁴⁷.

Правоту своих утверждений об эволюции большевизма младороссы усматривали в призывах ЦК комсомола обогнать Рур, Силезию,

Пенсильванию, Канаду, Данию, Аргентину, то есть превращения социалистического соревнования в национальное²⁴⁸. Конечно, это была чистейшая демагогия, но она хорошо укладывалась в их теорию.

В то же время если понимать суть «национализма» так, как его воспринимали младороссы, то здесь нет никаких поводов для усмешек. Нет причин для иронии над их восторгами от фильма «Александр Невский», от слов князя отпускаемым на волю немецким кнехтам: «Идите и скажите всем в чужих краях, что Русь жива. Пусть без страха жалуют нам в гости. Но если кто с мечом к нам пойдет – от меча и погибнет». Младороссы верили, что эти прекрасные слова «проникают в сердце советского человека, горячо любящего свою социалистическую родину»²⁴⁹. И тот же национализм у младороссов неплохо уживался с патриотизмом. При этом следует иметь в виду несколько установочных моментов.

Первое – русский национализм не следует трактовать в узконациональных рамках. Даже в рядах националистов-младороссов было немало представителей самых различных «племен» – от ассирийцев до якутов. Что же служило критерием для младоросского определения «русского национализма»? Тезис о ведущей роли русского народа? Верно, но не совсем. Думается, что здесь надо говорить несколько шире, а именно, о естественном и органическом мировосприятии жизни в России всеми населяющими ее людьми. Причем государствообразующим в силу историко-культурного бытия является русское «племя», свободное от расовых предубеждений.

Второе – судя по всему, младороссами были Чкалов и Рихтер, Стаханов и братья Старостины, Ботвинник и Карацупа. Более того, идя к (абсурдному!?) абсолюту, самым славным младороссом можно назвать Сталина. Отсюда еще один вывод: не национальность, а заслуги перед Отечеством – критерий для приобщения к младороссам.

Рассуждения и размышления в этой сфере были весьма популярны не только в младоросской среде, но и пользовались успехом в различных странах, прежде всего тех, где национализм был востребован властями и правящей идеологией. Прежде всего это государства балканского региона. Так, 26 апреля 1933 г. в Софии был организован партией антикоммуниста А. Цанкова доклад в переполненном зале члена Главного Совета Союза Младороссов И. А. Стоянова на тему

«Национализм в сегодняшней России»²⁵⁰. Можно с достаточной долей уверенности предположить, что содержание его выступления во многом перекликалось с опубликованным уже материалом С. В. Дмитриевского, бывшего управделами Наркоминдела, сбежавшего на Запад.

В 1933 г., выступая по *Русскому вопросу* (курсив мой. – В. К.), он утверждал: «Именно из гонений на все русское вырос сейчас и крепнет в русских душах самый острый, самый яркий национализм. Русские наконец-то ощутили себя нацией. Это ощущение – начало всего. Из него рождается национальная связанность и сплоченность. Каждый начинает смотреть поверх партий и классов – и во главу угла ставить интересы расы, кровного братства. Отсюда – национальная гордость... Отсюда – энергия и героизм русских в строительстве наших дней. Отсюда же – стремление к собственному освобождению, к отвоеванию своих прав первородства (*среди других народов?! – В. К.*). Пробуждается великодержавный инстинкт, углубляемый и проясняемый изучением истории, который говорит: – “Вы, русские, и только вы – это раса и кровь основателей, создателей русского государства, охватившего шестую часть земли; создателей великой культуры, завоевавшей все эти огромные пространства. Земля это ваша, государство это ваше – и в нем вы должны играть роль не униженных рабов, не рабочего скота только, но владык. В этом ваше обязательство перед кровью всех прошлых поколений нашей расы. В этом ваш долг перед будущими поколениями русских”. Голос жизни и истории проникает всюду – даже в души самых заскорузлых коммунистов, если только они русские по крови. И он повелительно диктует основную задачу момента, которой покрывается все: **за восстановление гегемонии Русской нации в государстве Российском** ... требование гегемонии русских это есть требование только равноправия – соответственно удельному весу и исторической роли отдельных национальностей России... Нелепо думать, что гегемония Русской нации должна привести к порабощению или хотя бы даже умалению прав других национальностей России (*почему же обязательно «нелепо», опыт был по отношению к тем же полякам. – В. К.*). В этом нет надобности ни формально, ни по существу, поскольку Русская нация и сама по себе, и тем более с родственными ей по крови народами составляет подавляющее большинство населения России (*большинство отнюдь не означает единство. – В. К.*). Что

за кровь создала русскую нацию? – Кровь славяно-германских племен, смешанная с монголо-тюркской. Следовательно, везде и всюду в нашей стране подавляющая масса ее населения в большей или меньшей степени близка нам и кровью своей и культурой. Вместе с тем не надо забывать, что процесс образования Русской нации... начатый тысячелетие назад, не кончился еще сегодня. Русская нация не есть еще нечто окончательно кристаллизировавшееся, застывшее: она продолжает расти. Процесс роста облегчат процессы ассимиляции родственных нам народов. Подчеркнем еще: нацией насильников русские никогда не были. За это достаточно говорит вся история русской **народной** колонизации... »²⁵¹

В Болгарии с национализмом была своя связь, тесно связанная с великой историей, с завоеваниями и утратами, подъемами и спадами, чувством гордости за свой народ, стремлением к его объединению... Как всегда, мешали враги. А кто они были? В одной из болгарских строевых песен были примерно такие слова: кто наши самые мерзкие враги? Это турки, сербы, греки, румыны.

То есть Болгария была окружена неприятелями со всех сторон. И, как представляется, многим болгарам были по сердцу идеи младоросов. И надо полагать, что болгарские националисты находили здесь много общего, только надо было сменить «Россию» на «Болгарию», «русскую нацию» на «болгарскую», «русского» на «болгарина»!

Завершая свой экскурс в мир младоросской мысли, в сферу национализма, скажу, что «Молодая Россия» сошла с политической сцены в начале 1940-х гг., однако ее теоретические построения, смелые, до абсурда, прорывы в интерпретацию событий в межвоенной Европе, в СССР не теряют своей привлекательности для некоторых «новых строителей».

ПОЭЗИЯ В МОЕМ СЕРДЦЕ

В Софии жили, спорили, любили, ненавидели, уживались писатели, поэты, даже философы, размышлявшие на тему связи географии с историей, я говорю об евразийцах. «Тонко понимавшие», что Париж лучше Софии, они сравнительно быстро уезжали.

Тем не менее некоторые предпочитали славянскую столицу мировым европейским центрам.

Кто они были?

Для начала стихи:

СЕРДЦЕ ПОЭТА

*Колокол – сердце поэта,
Колокол наш вечевой.
Не пропадет без ответа
Звон его властно-живой.*

*Всем, кто неправдой унижен,
Всем, кто сильнейшим обижен,
Голос дарует он свой.*

...

*В дни треволнений народных,
В дни неудач и утрат
В звуках его благородных
Мир и надежда звучат:*

*Весть, что погибнут обманы,
Знак, что исчезнут туманы,
Снова лучи заблестят.*

...

Эти поэтические строки принадлежат сыну бывшего крепостного Александру Митрофановичу Федорову (1868, Саратов – 1949, София), о котором его друг болгарский писатель Стилиян Чилингиров сказал

как-то: «Не было бы счастья, да несчастье помогло», имея в виду революцию, изгнавшую многих, в том числе и Александра Федорова, из пределов России.

Позволю себе короткую зарисовку портрета этого замечательного русского человека, однажды даже пытавшегося с помощью револьвера свести счеты с жизнью, когда он был отчислен из реального училища за публикацию стихов в газете «Саратовский дневник».

Как и многие талантливые провинциалы, он, выйдя из больницы, уезжает в Москву, в «большую литературу». Но все сразу не получилось. Видимо, из-за безденежья, он вынужден зарабатывать частными уроками. Потом его увлекла театральная стихия. В двадцать лет он начинает выступать на театральных подмостках, играя классику. Меняет стремительно города: из континентальной Уфы переезжает в морскую Одессу, где сотрудничает в газетах, отличавшихся, к слову сказать, провинциальным гиперболизмом в описании событий.

Его первая юношеская любовь к поэтическому слову только крепнет: в 1894, 1898, 1903 гг. у него выходят три книги «Стихотворений». Вторая из них заслужила даже благосклонную оценку Ивана Алексеевича Бунина²⁵².

В 1907 г. Александр Митрофанович напечатал еще одну поэтическую книжку «Сонетов», о которых Александр Блок отозвался весьма нелицеприятно, заметив, что «А. Федорову нет никаких оснований писать сонеты; лучшие строки – или рабское или плохое подражание Бунину»²⁵³.

Однако Федоров «бомбардировал» публику не только стихотворениями с жалобами на зло, усталость, слабость, с надеждами на победу добра и пр., но и романами, пьесами. Именно они принесли ему гораздо большую популярность.

В 1898 г. он в «Живописном обозрении» напечатал роман «Степь сказалась» о расхищении исконных земель башкир. Честь делает ему и устройство в Уфимской и Самарской губерниях столовых для голодающих²⁵⁴.

Возвращаясь к литературе, отмечу что творчество Федорова было отмечено Пушкинской премией, вручаемой за изданные на русском языке «оригинальные произведения изящной словесности в прозе и поэзии». В 1911—1913 гг. вышло в свет семитомное собрание его сочинений.

Один штрих из частной жизни. Пользовался успехом у дам. В частности, ему было посвящено одно из первых стихотворений Ани Горенко, будущей знаменитой поэтессы Анны Ахматовой:

*Над черною бездной с тобою я шла,
Мерцая, зарницы сверкали.
В тот вечер я клад неоценный нашла
В загадочно-трепетной дали.
И песня любви нашей чистой была
Прозрачнее лунного света,
А черная бездна, проснувшись, ждала
В молчании страсти обета.
Ты нежно-тревожно меня целовал,
Сверкающей грезой полный,
Над бездною ветер, шума завывал...
И крест над могилой забытой стоял,
Белея, как призрак безмолвный.*

Правда, потом, как подчеркивает в своем исследовании Михаил Кралин, у Анны «романическое» настроение постепенно уходило, хотя бы по той причине, что как она писала в 1906 г. такие строки: «Летом Федоров опять целовал меня, клялся, что любит, и от него опять пахло обедом»²⁵⁵.

Естественно, что такого девушки, особенно поэтессы, не жалуют. Добавлю, что среди его близких знакомых, друзей были такие разные литераторы, как Иван Бунин, Константин Бальмонт, Максим Горький, Александр Куприн, Владимир Немирович-Данченко.

В канун 1920 г. он прибыл морем в Болгарию без семьи, оставшейся в советской России. Как пишет болгарская исследовательница Лиляна Владева, знающая все или почти все о литературной деятельности русских в эмиграции, Федоров не думал избирать Софию постоянным местом жительства²⁵⁶.

Он стремился в Париж, куда уезжал его близкий товарищ по литературе Иван Бунин, которому он подражал в своих стихах. А тогда, в Софии, Федоров радушно встречал приехавшего месяцем позже Ивана Алексеевича с Верой Николаевной Муромцевой, знакомил его с элитой болгарской интеллигенции.

Кстати, кратковременное пребывание зимой 1920 г. в болгарской столице запомнилось, надо думать, будущему нобелевскому лауреату, ограбленному в отеле «Континенталь». Сам Иван Алексеевич так писал об этом: «За несколько дней до нашего отъезда из Софии я был, в числе некоторых прочих, приглашен в гости, на вечернюю пирушку к одному видному болгарскому поэту, содержавшему трактир, и там просидел почти до рассвета, – ни хозяин, ни военный болгарский министр, бывший в числе приглашенных, ни за что не отпускали меня домой, министр даже кричал на меня в избытке дружеских чувств:

– Арестую, если вздумаете уходить!

Так и вернулся я домой, – только на рассвете и не совсем трезвый, – а вернувшись, тотчас заснул мертвым сном и только часов в одиннадцать дня вскочил с постели, с ужасом вспомнив, что приглашен на какую-то политическую лекцию Рысса [Петр Яковлевич Рысс – журналист, член партии Народной свободы. – *В. К.*], человека очень обидчивого, и что лекция эта должна была начаться в девять утра, – в Софии публичные лекции, доклады часто бывали по утрам. Желая поделиться с женой своим горем, я перебежал из своего номера в ее, как раз напротив моего, минут через десять вернулся в свой – и едва устоял на ногах: чемодан, в котором хранилось все наше достояние, был раскрыт и ограблен до тла, – на полу было разбросано только то, что не имело никакой ценности, – так что мы оказались уже вполне нищими, в положении совершенно отчаянном. Замки чемодана были редкие, подобрать к ним ключи невозможно, но я, проснувшись, сам отпер чемодан, чтобы взять из него золотой хронометр, посмотреть, который час, – и благоразумно не взял его вчера с собой, зная, что мне придется возвращаться с вечера у поэта поздно, по темной и пустынной Софии, – и, посмотрев, бросил чемодан не запертым, а хронометр положил на ночной столик у постели, с которого, разумеется, исчез и он, однако, судьба оказалась ко мне удивительно великодушна: взяла с меня большую взятку, но зато спасла меня от верной смерти, – почти тотчас после того, как я обнаружил свою полную нищету, кто-то, уж не помню, кто именно, принес нам страшную весть о том, что случилось там [театр «Одеон», 1 марта 1920 г. – *В. К.*], где должен был читать Рысс: меньше, чем за минуту перед его появлением на эстраде, под ней взорвалась какая-то “адская машина”, и несколько человек, сидевших

в первом ряду перед эстрадой, – в котором, вероятно, сидел бы и я, – было убито наповал.

Кто обокрал нас, было вполне ясно не только нам, но и всякому из наших сожителей по отелю: коридорным в отеле был русский “большевичок”, как все его знали, желтоволосый малый в грязной косоворотке и поганом сюртучишке, горничной – его возлюбленная, молчаливая девка, похожая на самую дешевую проститутку в одесском порту, “личность мистериозная”, как назвал ее болгарский сыщик, посланный арестовать и ее, и коридорного болгарской полицией, но французы тотчас вмешались в дело и приказали его прекратить: нижний этаж отеля занимали французские зуавы, среди которых мог оказаться вор)²⁵⁷.

Правда, болгарское правительство постаралось как-то помочь писателю, выдав ему бесплатный билет до Белграда, откуда он, благодаря помощи Марии Самойловны Цетлиной, продолжил путь в Париж²⁵⁸.

Стоит добавить, что еще до его отъезда Академический совет Софийского университета по предложению профессора Бояна Пенева, знатока творчества русского писателя, дал 27 марта 1920 г. согласие на прием Ивана Бунина в качестве лектора по новой русской литературе²⁵⁹. 1 апреля Совет министров утвердил Бунина вместе с Никодимом Кондаковым, Завьяловым, Попруженко и Мочульским в должности преподавателя²⁶⁰.

Но София его не вдохновляла, скажу коротко. Он не вернулся в Софию, как обещал так много сделавшему для него Б. Пенеvu, ни в мае, ни осенью²⁶¹.

Только Париж и Бунин были равновелики, возможно, так чувствовал подсознательно творец «Темных аллея».

И все же София не забывала его. Во время мирового экономического кризиса, когда Бунин попал в жесткие материальные тиски, деньги ему прислали «Фаныч» с журналистом Викторoвым-Топоровым. «Если бы не Федоров, – пишет Ст. Чилингиров, – собравший здесь средства, Бунин давно бы умер от голода в Париже»²⁶².

Возвращаясь к Федорову, скажу, что его решение все же остаться на болгарской земле было вызвано тремя основными причинами.

Первая, женитьба на Невене Желеzовой, ставшей второй супругой писателя (его первая жена Лидия Карловна была расстреляна в 1937 г., сын Виктор погиб в лагере после Великой Отечественной войны)²⁶³.

Вторая, это сама славянская страна, история которой тысячами нитей связана с Россией.

Третья, совет болгарского классика Ивана Вазова.

Была еще и четвертая причина, о которой написал сам Александр Митрофанович, проживавший на ул. Чепино, 19: «Я увидел к себе настоящее внимание и участие. Я встретил друзей, бережно, заботливо и деликатно относящихся к необъятной русской печали, к бесконечному горю и терзаниям»²⁶⁴.

Все это обусловило сравнительно быстрое вращение «Фаныча», как называл своего друга Чириков, в новую жизнь. Он преподавал родной язык и родную литературу в одной из софийских гимназий (3-я мужская). Занимался литературной работой, в переводе на обычный язык – писал стихи, прозаические произведения, статьи, очерки и пр. Русский язык с ним был всегда!

В одном из своих неопубликованных стихотворений, именно, «На чужбине», написанном в Софии 5 апреля 1924 г., он низал строки:

*В комнатке, похожей на каюту,
Я живу среди моих картин.
Радуюсь и этому приюту
И тому, что здесь я не один.
Святят мне двух милых дочек взоры,
Ласково звучат их голоса.
А в окно глядят чужие горы
И чужие блещут небеса.
Хочется забыть, что на чужбине,
Но забвенью сильным не дано.
Средь людей томлюсь я, как в пустыне,
Пью в глухом отчаяньи вино.
Днем от всех тоску мою я прячу,
Прячу даже часто от себя,
Но во сне так неутешно плачу,
Так молюсь, терзаясь и скорбя,
И святые детские улыбки
Горше муки сердцу моему,
Как лучи свободы по ошибке
В душную попавшие тюрьму»²⁶⁵.*

Ему принадлежит и публикация в 1924 г. замечательного сборника «Антология болгарской поэзии», где были представлены стихи таких великанов, как Димчо Дебелянов, Николай Лиливев, Емануил Попдимитров. Предисловие к этой книге написал его товарищ по творческому цеху и жизни Стилиян Чилингиров, по мнению которого, перевод Федорова «один из наилучших, когда бы и на какой бы язык он ни делался».

Вот одно из стихотворений, написанного П. Яворовым, в котором поэт обращается к матери:

«ОЙ, НЕ ПЫТАЙ МЕНЯ, РОДНАЯ»

*Ой, не пытай меня, родная
Чем так жестоко ранен я.
Куда девалась мощь стальная,
Какая кровь сосет змея.*

*Но дай, родная, дай мне руку,
На раны сердце положи.
Про то, что вынесла сквозь муку
От дней былого, – расскажи.*

*Скажи, как плакала когда-то,
Коль оклеветана любовь,
И как сердца пылали свято,
Заплакать также я готов.*

*На что тогда мы возлагали
Надежды глупые? Ответь.
Дабы, как в вечныя скрижали,
Я в глупость веровал и впредь.*

Кстати, эта книга привлекла не только внимание «царь-девицы» Марины Цветаевой, но и вдохновила ее на переделку некоторых представленных в ней стихов. Вот несколько образчиков ее творчества.

СЕМЬЯ (ДРЕВО)

*Его ветви рвутся к небу,
Корни вьются в сыру землю.
Его ветви – милы-снохи,
Сыновья его – коренья,
А вершины – милы внуки*

Несчастливая в замужестве молодая женщина. Ожерелье, сдавившее шею – это ее первый милый, а запястья, сковавшие руки – «дети мои, малые дети»...

Три раны: от турецкой сабли, от винтовки тонкой, от девичьих зубок...²⁶⁶

А теперь опять Федоров. Добавлю, что Стилиян Чилингиров посвятил свое стихотворение «Псалом» и роман «Хлеб наш насущный» Александру Митрофановичу, высоко ценившему культуру Болгарии, талант ее поэтов, таких, как Пенчо Славейков, Иван Вазов, Пейо Яворов. Более того, Чилингиров всегда был для Федорова тем человеком, к которому Александр Митрофанович обращался за помощью, если быть точнее, – за деньгами, с ними у писателя всегда были проблемы, то задерживали зарплату, то затягивали продление контракта.

Федоров неоднократно ездил по Болгарии с курсом лекций о России и ее литературе. Часто его в этих поездках сопровождал Евгений Чириков, поэтому их в шутливо-уважительно называли «Кириллом и Мефодием». «Фаныч» много публикуется в болгарской прессе (в переводах Чилингирова): здесь и стихи о Болгарии и очерки о ее монастырях, о деятелях болгарского искусства, в частности, о скульпторе Андрее Николове. Он единодушно избран председателем Союза русских писателей и журналистов²⁶⁷.

Казалось бы, жить и радоваться. Однако на исходе жизни Александра Митрофановича мучают мысли о смысле прожитых дней. «Порой, – писал он, – меня одолевает отвращение к самому себе. Куда стремлюсь я? Впечатления ли собираю или множу собствен-

ные страдания?» Томила грусть, ностальгия. «Как река с насильственно измененным руслом несет в своих водах песок, щебень, камень, так и человек, выброшенный роковыми обстоятельствами из привычной жизни, обречен нести в душе своей горечь и печаль, тоску и страдание»²⁶⁸.

Этот мотив грусти, тоски характерен и для многих его поэтических опытов. Так, в стихах «На чужой стороне» есть такие строчки:

...

*Я гость на чужой стороне,
Все больше камней под корнями,
Все суше и в сердце на дне,
И как бы меня ни любили,
И как бы ни верили мне,
Я заживо(?) стиснут в могиле,
Я гость на чужой стороне.
Не вольный я гость, не минутный,
За что – никогда не пойму,
Судьбой осужден, бесприютный,
Уйти в неизвестность и тьму,
Увижу ль народ мой ожившим,
Иль он захлебнется в волне?
Как горько отчизну любившим,
Есть хлеб на чужой стороне»²⁶⁹.*

...

Здесь, конечно, есть гиперболизм, но все же можно понять его настроение: Россия стала СССР, сын пропал, на Родине его не знают (только в 1981 г. в Уфе была издана книга «Степь сказалась»), а прошлые заслуги не в счет. Хотя он мог бы с полным правом гордиться тем, что он сделал в русской и болгарской литературе как поэт, писатель, блестящий переводчик.

В 1980 г. его приемная дочь Лиляна Шульц привезла архив отца в Москву. Можно сказать, что «поэт добра и красоты», как называли его русские эмигранты, вновь вернулся на Родину. И может быть,

там следует поискать будущим исследователям творчества Федорова страницы романа о времени, в котором он жил, чувствовал, творил?

И напоследок слово дочери: «... у Александра Митрофановича было много жизненных сил, чтобы не опуститься, не спрятаться от жизни, и подобно другим русским эмигрантам, тем, которых сам он сравнивал с перелетными птицами, летающими по всему миру, восхищать и радовать людей красотой своего творчества, не осознавая порой, что, как и многое другое, оно – его творчество – исполняет великую миссию утверждения красоты и правды, радости и добра»²⁷⁰.

Такой «перелетной птицей» был и его друг Евгений Николаевич Чириков, прибывший в Болгарию в апреле 1921 г. Болгарский историк Людмил Спасов пишет о нем как о человеке «широкой русской души», что особенно лестно слышать от болгарина.

В чем «широта», можно задаться вопросом?

В легкости общения, в бесчисленных и самых разнообразных знакомствах – от директора Софийского банка С. Милошева до хозяина известного ресторана «Альказар», от профессора Д. Мишайкова, чей дом стал своим для Чирикова, до видного политика и государственного деятеля Ст. Данева, от лидера Добруджанского освободительного движения П. Вичева до издателей Паскалева и Станчева²⁷¹.

Тем не менее, и «широте» нужны деньги, а их не хватало. Писательство не приносило дохода. Тот же Федоров зарабатывал преподаванием в гимназиях.

В письме к Александру Ивановичу Куприну Чириков в 1921 г., т. е. в год приезда, невесело писал, что здесь «невозможно заработать литературой... Привыкли к бесплатному литературному труду... Привыкли слушать лекции бесплатно... Не у кого занять... Вынужден просить даже свой заработанный гонорар» и пр.²⁷² Поэтому немудрено, что в 1922 г. Чириков с семьей уехал в Прагу.

А теперь еще об одной «перелетной птице», о Константине Дмитриевиче Бальмонте, поэте страстном, эффектным, звучном! Вот, например, его

КИНЖАЛЬНЫЕ СЛОВА

I will speak daggers.

Hamlet

*Я устал от нежных снов,
От восторгов этих цельных,
Гармонических пиров
И напевов колыбельных.
Я хочу порвать лазурь
Успокоенных мечтаний.
Я хочу горящих зданий,
Я хочу кричащих бурь!*

*Упоение покоя —
Усыпление ума.
Пусть же вспыхнет море зноя,
Пусть же в сердце дрогнет тьма.
Я хочу иных бряцаний
Для моих иных пиров.
Я хочу кинжальных слов
И предсмертных восклицаний!*

Александр Блок, скупой на пародии, тем не менее написал на него весьма любопытную вещицу:

«Я бандит, Я бандит! Поднося мне яду склянку, говорила мексиканка – У тебя печальный вид. Верно ты ходил в пампасы – загрязненные пампасы – стыд!.. Увлеченный, упоенный, озираясь, упиваясь, с мексиканкой обнимаясь, я – веселый, целовал мексиканские подола, взор метал из-под сонных вежд, но страстных, воспаленных, но прекрасных. Сдвинул на ухо сомбреро (приближался кабальеро), стал искать рукоять – шпаги, саблю и кинжала – не нашел – мексиканка убежала в озаренный тихий дол. Я ж, совсем подобен трупу, к утру прибыл в Гваделупу и почил в сладкой дреме, и в истоме, в старом доме, на соломе, набираясь новых сил. И во сне меня фламинго в Сан Доминго пригласил».

В свою очередь его счастливый соперник Игорь Северянин посчитал нужным также написать следующие строчки:

БАЛЬМОНТ

*Его стихи – сама стихия.
Себе бессмертье предреши,
Свершает взлеты огневые
Его стихийная душа.*

*Он весь поэт, поэт великий.
В нем голоса всего и всех.
Неуловимый лик столикий
Отображает свет и грех.*

*Он ощущает каждый атом,
И славословит солнце он.
То серафимом, то пиратом
Является хамелеон.*

*Но вместе с тем, он весь из дюжин
Томов составленных своих,
Мне не желанен и не нужен:
Я не люблю Бальмонта стих.*

*Есть что-то приторное в книгах
Его, что слаще голубей...
И Фофанов в своих веригах,
В своих лохмотьях – мне любей!*

Что еще сказать о Бальмонте? Он всегда старался удивлять, восхищать, поражать! От любовных стрел он легко переходил к политико-сатирическому. От подчеркнутого великолепия стихов – к «скудной прозе» жизни, где также блистал остроумием.

Софию он увидел в мае 1929 г., когда приехал туда с супругой по приглашению Н. Т. Балабанова, начальника отдела культуры Министерства народного просвещения. Работавший над переводами болгарских песен, он выпустил в 1930 г. две книги.

Первую он назвал не навевающим академическую скуку словом «антология», а «Золотой сноп болгарской поэзии», оставшись верным себе, своему стилю.

Представлю «один из колосков» болгарской народной поэзии:

СОЛНЦЕ БЛИСТАЕТ

*Солнце блистает
В блеске заходит.
Мой ненаглядный
Выводит коня.
Вот среброкованной
Звякнул уздою,
Вот златошитое
Светит седло.
И сел на коня он
Чтоб выехать первым
Навстречу к желанной,
К вечерной звезде.*

Вторая была названа «Соучастие душ».

Обе вышли в Софии, где у него от поездки осталось много добрых знакомых, почитателей, друзей. Одним из них стал болгарский поэт Емануил Попдимитров, написавший, кстати, предисловие к «Золотому снопу...»²⁷³. По сведениям Лиляны Владевой, семья Бальмонтов намеревалась остаться в Болгарии на продолжительное время, но, несмотря на усилия того же Емануила Попдимитрова, это не удалось²⁷⁴.

У меня нет никаких оснований не верить Лиляне Владевой. Вопрос только в причине, по которой Бальмонту не удалось закрепиться в Болгарии? Ведь его хорошо знали, часто переводили такие болгарские поэты, как Стилиян Чилингиров, Гео Милев, Никола Ракитин. Один из возможных ответов следует искать в эскападах русского поэта, когда он в свое время жестоко, грубо и неприлично напал на «Николая Последнего», писал стихотворение «Наш царь – Мукден, наш царь – Цусима». Искать в том, что среди русских монархистов в Болгарии были его влиятельные противники? Но это только гипотеза и довольно шаткая,

признаюсь. А пока следует удовольствоваться тем, что Бальмонт и в Болгарии, в Софии, своими стихами очаровывал, зачаровывал, увлекал в волшебный мир поэзии.

В 1930 г. в Болгарию на короткое время приезжал и «король поэтов» Игорь Северянин, завоевавший в 1918 г. этот почетный титул на поэтическом вечере, причем, тайным голосованием! К этому времени в его стихах больше простоты и меньше «эго-футуризма». Я напомним здесь его одно из самых, самых грустно-изумительных стихотворений времени без родины:

КЛАССИЧЕСКИЕ РОЗЫ

Как хороши, как свежи были розы
В моем саду! Как взор прельщали мой!
Как я молил весенние морозы
Не трогать их холодной рукой!

Мятлев, 1843.

*В те времена, когда роились грезы
В сердцах людей, прозрачны и ясны,
Как хороши, как свежи были розы
Моей любви, и славы, и весны!
Прошли лета, и всюду льются слезы...
Нет ни страны, ни тех, кто жил в стране...
Как хороши, как свежи были розы
Воспоминаний о минувшем дне!
Но дни идут – уже стихают грозы.
Вернуться в дом Россия ищет троп...
Как хороши, как свежи будут розы,
Моей страной мне брошенные в гроб!*

«... Странной и новой кажется его теперешняя и привлекательная манера чтения... Лирика же покоряет аудиторию», – подчеркивал один из болгарских газетных критиков²⁷⁵.

Встреча с болгарской землей, ее историей, борьбой народа за свободу и независимость не стала одноразовым воспоминанием. «Король поэтов» переводит Х. Ботева. Пишет стихи, навеянные поездкой в Болгарию. Приведу одно из его стихотворений:

ХРИСТО БОТЕВ

*О многом мог бы рассказать Дунай:
Хотя б о том, как на пути к немецкой
Земле австрийский пароход "Радецкий"
Был полонен одной из смелых стай.*

*Попробуй в простолоудине узнай
Борца за независимость, в чьей детской
Душе взметнулся пламень молодецкий:
Мечта поэта, крылья распластай!*

*Так из Румынии, страны напротив,
Водитель чет, отважный Христо Ботев
Свою дружину сгрудил в Козлодуй,*

*И, на Врачанском окружен Балкане
Турецкою ордой, на поле брани
Сражен, воззвал он к смерти: "Околдуй!"*

Что еще сказать? Напоследок приведу стихотворение поэта о себе самом:

ИГОРЬ СЕВЕРЯНИН

*Он тем хорош, что он совсем не то,
Что думает о нем толпа пустая,
Стихов принципиально не читая,
Раз нет в них ананасов и авто.*

*Фокстрот, кинематограф и лото —
Вот, вот куда людская мчится стая!
А между тем душа его простая,
Как день весны. Но это знает кто?*

*Благословляя мир, проклятье войнам
Он шлет в стихе, признания достойном,
Слегка скорбя, подчас слегка шутя*

*Над всею первенствующей планетой...
Он — в каждой песне, им от сердца спетой,
Иронизирующее дитя.*

Поэзией жил и замечательный перелagатель стихов Сергей Пинус (настоящее имя Сергей Александрович Серапин; 1875, Вельск, Вологодская губерния – 1927, София). Родом из поморов, он большую часть своей жизни провел на Дону. Учителствовал в Усть-Медведицком Платоновском реальном училище. Печатался во многих журналах. Стал известен как поэт-переводчик. В 1914 г. в Санкт-Петербурге была издана подготовленная им двухтомная антология «Французские поэты. Характеристики и переводы». В годы гражданской войны был вторым редактором казачьей газеты «Сполох». Потом была Турция, а затем Болгария. В Софии он опять занялся знакомым делом – редактировал журнал «Казачьи думы» и газету «Русь»²⁷⁶.

Через много лет поэт и писатель Н. А. Келин в своем романе «Казачья исповедь» писал о нем: «Человек небольшого роста, совершенно лысый, с продолговатым, задумчивым лицом философа и небольшой рыжеватой бородкой, втихомолку он выпивал и страстно увлекался поэзией»²⁷⁷.

Свои переводы болгарских и украинских поэтов он записывал, случалось, на оборотках статей для «Руси». Но перелagал он не только славян, но и европейцев – немцев, французов.

Приведу здесь его три прекрасных перевода изумительных стихотворений.

Кристина де Пизан
(ок. 1364 – ок. 1430)

БАЛЛАДА

*Одна живу, одной и быть хочу,
Одна, никто не мой, и я ничья;
Одна страданьям дань свою плачу,
Одна, ни с кем страданий не деля.
Одна, свой дом мечтами населяя,
Одна в тиши, в глуши, главу склоняя,
Одна живу, – нет близких у меня.*

*Одна в окно я взорами лечу,
Одна смотрю на пестрые поля;
Одна немой язык скорбей учу;
Одна, слезами скорбь свою целая,
Одна живу, знакомых удаляя,
Одна, друзей усопших лишь маня,
Одна живу, – нет близких у меня.*

*Одна молюсь и утра я лечу,
Одна и мрак ночей встречаю я;
Одна, и без надежд припасть к плечу,
Одна пью безнадежность бытия;
Одна, мечту и мысль от всех тая,
Одна, свое бывшее хороня,
Одна живу, – нет близких у меня.*

*Принц! Так идет, уходит жизнь моя.
Одна, я – рокот слезного ручья.
Одна, воспоминанья лишь храня,
Одна живу, – нет близких у меня.*

Св. Тереза Авильская
(1515 – 1582)

* * *

*Я живу, но уповаю я на жизнь
Столь высокую, что, устремляясь к раю,
Оттого, что медлит смерть, я умираю.*

*Лишь в Спасителе живу я, в Боге сил;
С Ним лишь связана любовью, тайной плена.
Да, Он – пленник мой, но Он из плена тлена
Мое сердце навсегда освободил.
Пленник мой? Возможно ль? Да! Он победил.
От любви к Нему всем сердцем я сгораю.
Оттого, что смерть так медлит, умираю.*

*О, как жизнь долга, – и осени и весны!
О, как длительно изгнание земное!
Вы, мечты мои о сладостном покое
Там, где кончится скитаний путь несносный!
О, в тюрьме земной так дни и годы косны,
Что на смену их со скорбью я взираю.
Оттого, что медлит смерть, я умираю.*

*О, как горестно, как тяжело ожиданье!
Не вполне Тобой владею я, Господь.
Как мне узы, как мне цепи побороть?
Ты, Спаситель, сократи мое страданье!
Мой Возлюбленный! Приблизь, ускорь свиданье!
Лишь надежд убрусом слезы утираю,
Оттого, что медлит смерть, я умираю.*

*Мир прекрасен, но чужбина здесь повсюду.
Только мыслию живу я, – что умру.
И я знаю: только смертному одру
Жизнью подлинной обязана я буду.*

*Дай скорее совершиться, Боже, чуду!
Возврати меня навек родному краю!
Оттого, что медлит смерть, я умираю.*

*Жизнь, кончиной успокой же мою муку.
Жизнь, смотри же, как любовь меня терзает,
Как мечта моя стремится и дерзает.
Ты не дли, о Жизнь, безмерную разлуку.
Жизнь, позволь же протянуть мне смерти руку.
Только к ней свои объятья простираю.
Оттого, что медлит смерть, я умираю.*

*Жизнь мне истинная только там, где Он,
Где пресветлое сияет Славы Слово,
Там, где жизни ключ, у Господа живого,
Там, где дивно исполнение времен.
Тщетно выйти из телесных жду пелен.
Жаждой смерти тщетно жизнь преобораю.
Оттого, что медлит смерть, я умираю.*

И теперь болгарское имя
Стилиян Чилингиров
(1881 – 1962)

ЗАВЕТ СВ. КИРИЛЛА И МЕФОДИЯ

*Без света нету дня, нет жизни без письмен,
А только сон и мрак, – злой дух лишь к тьме привык,
И трижды тот народ блажен и вознесен,
Чью будущность хранит навек родной язык.*

*Где виснет ночь еще и где владеет тьма,
Блудит и правый там в беспутьи, будто пьян;
Там гибнут Божий дух и царствие ума,
Там исчезает род, навеки, безымян.*

*И, братья, потому мы вам даем завет:
Родную письменность в наречии родном.
Чтоб славны были вы, вам завещаем свет,
— Дабы болгарский ум не сгинул в мраке злом.*

*Так думали они, склонившись челом
К рукописанию, за знаком знак святой
Чертя с любовью на говоре родном, —
И сами словеса нанизывались в строй.*

*Прошли века с поры тех вековечных строк...
Пусть было много бед и будет впереди;
Но дух народный наш не сломит худший рок,
Затем, что те слова живут у нас в груди.*

И может быть, настанет еще время, когда будут изданы софийские стихи Сергея Пинуса, и мы будем наслаждаться прекрасной поэзией.

А их великое множество. В его списке болгарских поэтов для перевода около 50 фамилий!²⁷⁸

Назову лишь некоторые: Ст. Чилингиров, Л. Стоянов, Н. Раkitин, П. Яворов, К. Христов, П. Р. Славейков, И. Вазов, Д. Дебелянов, Хр. Ботев, В. Тинтеров.

И я не удержусь в желании продлить очарование болгарских стихов, переведенных Сергеем Александровичем Серапиным.

Вначале одно стихотворение Венко Тинтерова, о котором переводчик писал, что в его творениях «как у Яворова, глубокая искренность и непосредственность скорбных настроений соединяются... с художническим стремлением к безупречной форме... его самоотречение, его самообреченность подкупают своей кротостью и простотой. Он далек от всякого протеста, он чужд позы и шума. Он страдает смиренно...»²⁷⁹

Теперь сами стихи:

*Молитесь за нас по всякой вере!..
Обречены холодным глубинам,
Беспомощно к той близимся мы сфере,
Где Бог уже внимать не будет нам.*

*Ночь заперла свои надолго двери...
— Иль умер Пан, и мир отдался снам,
И нам грозят последние потери?
Молитесь за нас по всем странам!*

*Затишье медлит мертвое так странно!
И завтра нам взойдет ли солнце рано;
Чтоб нас согреть?*

*Горит в душе мечта,
Мы бодрствуем, глаза у нас раскрыты.
Мы ждем. Но вокруг глухая ночь пуста...
Молитесь за нас — сердца разбиты!²⁸⁰*

Теперь несколько строк из стихотворения Христо Ботева, которого все мы знаем как пламенного революционера-романтика, героя Апрельского 1876 г. восстания.

МОЕЙ ПЕРВОЙ МИЛОЙ

*Я песен любви не желаю, —
Мне в грудь не вливай ты отравы.
Я юности, юный, не знаю,
И чужды любви мне забавы;
Мне вреден огонь ее, страшен:
Затоптан он мной и погашен.*

*Забудь уж то время и миги,
Когда я за взор твой единый
Лил слезы, и рабства вериги
Влачил. О, забыл я години,
Когда я в мечтаниях рая
Тобой жил, весь мир презирая²⁸¹.*

....

Теперь легендарный классик Иван Вазов. Представляю восемь заключительных строк из славнейшего стихотворения «Шумит Марица!»:

...

*Песнь грозная трубы,
Песнь бури и судьбы
Взлетает, как орлица...
Гимн нашего утра,
Призыв на бой неравный
Призыв на подвиг славный,
Народа зов державный —
— Из тысяч уст ура!*²⁸²

И еще две строчки из стихотворения «Шипка», в котором прославлен подвиг болгарских дружин, державших Шипкинский проход в боях с турками.

В нем залог нашей жизни, в нем залог нам силы.

Шипка! Это имя – наши Фермопилы!²⁸³

...

Из занимающихся рифмоплетством назову Столицу Любовь Никитичну (1884–1934), воспевавшую языческую Русь.

Поэтесса, драматург, литературовед Любовь Никитична Столица (в девичестве Ершова; Столица – по мужу) (17. VI. 1884, Москва – 12. II. 1934, София) родилась в Москве. Окончила в 1902 г. с золотой медалью расположенную в Большом Казенном переулке, что близ Курского вокзала, знаменитую Елизаветинскую гимназию (ныне известная школа № 330). Тогда же поступила на Высшие женские курсы на историко-филологическое отделение. В 1906 г. на страницах роскошного журнала «Золотое руно» появились первые стихи молоденькой поэтессы. Ее можно было прочесть и в «Русской мысли» и в «Ниве», и в «Северных записках», и даже в скучных в «Биржевых ведомостях». Была одной из первых русских суфражисток XX века. Так, в журнале «Современная

женщина» опубликовала статью «Новая Ева» о разных типах раскрепощенной женщины, выступающей за равноправие с мужчинами во всех сферах жизни. Этой теме был посвящен ее роман в стихах «Елена Деева» (1916), в котором его героиня, познав все соблазны города, разочарованная в жизни и в любви, отправляется на германский фронт, переодевшись в мужскую одежду²⁸⁴.

Воспевала старую Русь, деревню. Недаром Владислав Ходасевич оставил о ней две шутливые, совершенно в пушкинском сказочном стиле, строчки:

*Знать, Столица та была
Недалеко от села.*

Некоторое представление о ее творчестве московского периода может дать стихотворение «Пасхальная», посвященное С. Т. Коненкову. Итак:

*Голубые – в поднебесье – купола
Зачинают всеми звездами блеснуть,
Золотые – в тишине – колокола
Зачинают с перезвонами гудеть.
И расходится по зелени лугов
Бирюзовая студеная вода,
Песни девичьих высоких голосов
И овечьи, и гусиные стада.
Зачинаю в хороводе я ходить,
Плат мой – белый, синий, синий сарафан.
Зачинает меня юнош мой любить.
Ликом светел, духом буен, силой пьян.
На лице моем святая простота
Рассветает жарким розовым лучом,
А по телу молодая могота
Разливается лазоревым ручьем!²⁸⁵*

Ее литературный салон в Москве посещали многие из артистическо-литературного мира.

«Гостиная у нее, – рассказывал поэт Д. Н. Семеновский, – была обставлена на боярский лад, а в углах стояли на подставках настоящие снопы с приставленными к ним цепами». Его строки дополняют воспоминания художницы Н. А. Серпинской о литературных вечерах под названием «Золотая гроздь», проводившихся в 1915—1916 гг. на квартире Любови Столицы и ее мужа. Там можно было встретить поэтесс Софью Парнок, Аду Чумаченко, актрис Веру Юреневу и Веру Холодную ... «Хозяйка дома – хмельная и “дерзкая”, – пишет Серпинская, – с вакхическим выражением крупного лица с орлиным властным носом, с серыми пристальными глазами, в круглом декольте с красной розой, с античной перевязью на голове “Она как демон, она как львица...” с точки зрения комильфотной элегантности выглядела и держалась вульгарно, крикливо [...] Вели себя все, начиная с хозяйки [...] – весело, шумно, непринужденно»²⁸⁶.

В январе 1917 г. в Камерном театре шла пьеса Л. Столицы «Голубой ковер».

О ней Сергей Есенин в 1915 г. написал следующие строки:

*Любовь Столица, Любовь Столица,
О ком я думал, о ком гадал.
Она как демон, она как львица.
Но лик невинен и горько ал.*

В первый революционный постоктябрьский сезон 1917/18 г. написала 12 миниатюр для театра-кабаре Никиты Балиева «Летучая мышь»!

Потом, в октябре 1918 г., будет прощание с родными московскими улицами и отъезд на Юг России. На исходе 1920 г. она покидает родину, отплывая от черноморских берегов Ялты. После довольно длительной остановки в Салониках Любовь с сентября 1921 г. начинает жить и творить в славянской Софии (ее последняя квартира располагалась на бульваре Евлоги Георгиев, № 37, сейчас № 66). О приютившей ее славянской земле Любовь Столица трогательно пишет в стихотворении «Две Родины»:

...

*О Болгария! Моя вторая родина!
Край, столь редкостный, где чтят и любят Русь.*

*Край золотистых лоз, и роз, и кукуруз...
Облегчен мне путь изгнания, здесь пройденный
Делом братских рук и словом братских уст.
То забуду ли, коль – Бог даст – вспять вернуться?!
София, июль 1930²⁸⁷.*

Исследователь ее творчества Кирилл Момчилов среди наиболее значительных ее произведений, написанных в Болгарии, называет поэму «Лазарь чудный» (1922), комедии «Два Али» (1926) и «Рогожскую чаровницу» (1928), беженскую эпопею «Голос незримого» (1932). Неизданными остались поэма «Зоя и Авенир», стихотворные сборники «Спас» и «Лазоревый остров», драмы, скетчи²⁸⁸.

«Если попытаться вобрать творческое наследие Любви Столицы, – продолжает Кирилл Момчилов, – в одно предложение, то оно будет звучать так: образ старой России, изваянный в мелодических стихах, которые похожи на русские фольклорные записи. А в ее стихах о Москве, о русских обрядах и праздниках мы улавливаем ностальгические мотивы о времени, которое никогда не вернется назад»²⁸⁹.

За день до своей смерти от сердечного приступа она была на студенческом балу, где игралась ее одноактная пьеса «Московские невесты», Причем она не только была ее режиссером, но и играла одну из ролей²⁹⁰.

Ее собрат по поэтическому цеху Александр Федоров написал о ней следующие строки: «И как человек, она была блаженной, доброй, отзывчивой и, что особенно интересно, была похожа на свои произведения, русской в каждом слове, в каждом движении, в улыбке и во взгляде. И религиозной по-русски, простонародной, свято верила в русский народ и в возрождение России»²⁹¹.

Некоторые ее стихотворения положены на музыку А. Т. Гречаниновым и Р. М. Глиэром.

Добавлю, что кроме поэтических занятий, выступала с лекциями по стране, например, «Женщина и современный мировой кризис», «Душевная трагедия современной молодежи и ее будущие задачи»²⁹², весьма актуальными и для нашего «смутного времени».

Теперь еще об одной русской по красоте и талантам женщине, тесно связанной со Словом. Речь пойдет о Вере Пушкаревой, которая

писала «Фанычу» следующие слова: «Дорогой Александр Митрофанович, ждем Вас... к нам (ул. Волковича, д. 21) на чай между 4 и 6-ю часами. Отныне каждый вторник в эти часы будет кипеть самовар, напоминая родину»²⁹³.

Это обычная открытка от женщины с необычной судьбой.

Она родилась 9 марта 1875 г. в небогатой дворянской семье. В 13 лет в жизни ее семьи случилась трагедия: во время домашнего спектакля, в котором и она принимала участие, вспыхнул пожар, погибли сестра и ее приятельница. После этого слово театр долгое время не произносилось в доме. Театр был, казалось, прочно забыт. Жизнь шла вместе с учением: Смольный институт, Педагогические курсы, Высшие женские Бестужевские курсы. На последних полюбила преподавателя Нестора Котляревского и вышла за него замуж. Уже в новой для себя жизни Вера вновь отдается театру²⁹⁴.

Муж, простодушно признававшийся в том, что «ничего в театральном деле не смыслит и терпеть не может этого искусства»²⁹⁵, для любимой был готов на все!

С согласия мужа она учится в театральной школе при Императорских драматических театрах под руководством великого актера Владимира Николаевича Давыдова. Вместе с ней тогда учились и будущие корифеи болгарской сцены Кръстю Сарафов и Христо Ганчев. В 1898 г. Вера стала актрисой знаменитого Александринского театра, в просторечии, Александринки. Там она выступала на первых ролях практически полных два десятка лет²⁹⁶.

Александр Митрофанович Федоров писал о ней, что ее амплуа были героические роли: «прекрасная внешность, благородство манер, красивый, глубокий голос, как и врожденная культура... любовь к искусству – создали успех Вере Васильевне на императорской сцене». В ее салоне на Кирочной улице бывали Президент Российской Академии наук великий князь Константин Константинович, члены Государственной думы И. И. Петрункевич, Ф. И. Родичев, В. А. Маклаков, литераторы Бунин, Куприн, Бальмонт, художники Сомов, Бакст и другие. Бывавший там также и Илья Репин рисовал ее портрет²⁹⁷.

Она была знакома с К. С. Станиславским, вела переписку с ним по театральным вопросам, советовалась с ним о своих ролях²⁹⁸.

В 1911 г. стала одной из основательниц Общества «Народные университеты», где в течение пяти лет читала курс по «художественному и выразительному чтению»²⁹⁹.

Ее знакомая Н. Дурылина вспоминала, что каждое Рождество она собирала в свой дом полсотни ребятишек из бедных семейств, раздавала подарки, снабжала теплой одеждой. В 1912 г. во время первой Балканской войны Вера устроила для болгарских солдат сбор подарков, которые передала через полномочного представителя Болгарии в России С. С. Бобчева. В ноябре 1914 г. она организовала комитет «Петроград—Польша». За 10 дней было собрано нуждавшемуся населению 57 вагонов различных вещей³⁰⁰.

В 1920 г. она с новым мужем, блестящим болгарским офицером полковником Йорданом Пехливановым, выехала в Болгарию, ставшую для нее второй родиной. Вера Пехливанова стала инициатором создания первого театрального музея в Софии. Она выступала в Музыкальной академии с лекциями по «художественному и выразительному чтению», а также читала их на своих курсах, через которые прошли многие артисты, общественные деятели³⁰¹.

Один из ее почитателей, Б. Зографов, писал, что, лишенная возможности играть на сцене, Вера посвятила много времени преподаванию «лирических и драматических эмоций через живое слово», «звучковому раскрытию сокровищ, скрытых под обложками книг»³⁰².

Вера была убеждена, что Болгария, идущая «по пути к величию и славе, должна восполнить знание о слове в своей культуре, став первой в этом отношении на Балканах». Именно этой задаче служил созданный ею кружок «Живое слово»³⁰³.

Болгарская исследовательница Маргарита Каназирска в своей блестящей статье о Вере Пушкиревой напишет, что «на протяжении 20 лет кружок “Живо слово” работал с энтузиазмом, его участники выступали с самыми разнообразными программами, раскрывая очарование поэзии и прозы русских и болгарских писателей – Пушкина, Лермонтова, Толстого, Ботева, Петко и Пенчо Славейковых, Елина Пелина, Й. Йовкова и др. Члены кружка занимались и благотворительностью: собранные от своих концертов средства они вложили в специальный фонд для перезахоронения на родине останков одного из любимейших болгарских лириков Димчо Дебелянова, похороненного

в Греции. В 1931 г. цель была достигнута, а через три года, 19 августа 1934 г., на деньги фонда был воздвигнут замечательный памятник поэту, созданный скульптором Иваном Лазаровым («Скорбящая мать»)³⁰⁴.

Она многое сделала и для учреждения «Института слова», который должен был содействовать развитию правильной, выразительной речи, к выработке болгарского сценического слова. Был подготовлен уже и его устав, но помешала болезнь³⁰⁵.

В Софии она долгие годы будет писать в газету «Мир» на театральные темы, а также в «Слово», «Беседу» и другие издания³⁰⁶.

За два десятка лет Вера поместила в печати свыше полутысячи статей и театральных отзывов, в которых стремилась просветить читателя, «дать информацию об истории создания пьес, о драматургах, о первых постановках (особенно, если это касалось классического репертуара, который она знала в совершенстве)³⁰⁷.

В своей последней статье (1941 г.) из цикла «Беседы о театре», так и не опубликованной при ее жизни, Вера выступала с двумя предложениями. Первое было связано с введением в состав руководства театра новых лиц со стороны: драматурга, художника, критика или знатока театра из бывших актеров, которые могли бы помогать театру, предотвращать ошибки, делить ответственность с дирекцией, т. е. предлагался некий прообраз нынешнего худсовета. Второе – с допуском в ряды театральных критиков женщин, более «тонких и беспристрастных в оценках», нежели мужчины. По ее мнению, на болгарском горизонте намечались две такие критикессы – Анна Каменова и Евдокия Обрешкова³⁰⁸.

Но эти две женщины, получившие уже известность в писательском мире, не стали, насколько мне известно, «пробивать стену критиков-мужчин».

Что еще?

Опубликовала в болгарских газетах «Мир» и «Слово» и в нью-йоркском «Новом русском слове» ряд очерков под общим названием «Силуэты театрального прошлого» (1928–1938 гг.) о своих знаменитых современниках из мира театра, таких как М. Г. Савина, К. А. Варламов, Т. Сальвини, С. М. Волконский, К. С. Станиславский, Ф. И. Шаляпин, К. Сарафов, А. Будевска. В «Силуэтах прошлого» делилась воспоминаниями о Льве Толстом, Леониде Андрееве, поэте К. Р., императорах

Александр III, Николае II и их женах. Написала эссе о Репине и Бальмонте, который посвятил ей несколько стихотворений³⁰⁹.

Из стихов, приносимых Бальмонтом Вере Пушкаревой³¹⁰, процитирую одно: «Я хотел бы тебя заласкать вдохновеньем».

*Я хотел бы тебя заласкать вдохновеньем,
Чтоб мои над тобой пролетали мечты,
Как стремится ручей мелодическим пеньем
Заласкать наклонившихся лилий цветы,
Чтобы с каждым нахлынувшим новым мгновеньем
Ты шептала: «Опять! Это – ты! Это – ты!»
О, я буду воздушным и нежно внимательным,
Буду вкрадчивым, – только не бойся меня,
И к непознанным снам, так желанно-желательным,
Мы уйдем чрез слияние ночи и дня,
Чтоб угаданный свет был как будто гадательным,
Чтоб мы оба зажглись от того же огня!
Я тебя обожгу поцелуем томительным,
Несказанным – одним – поцелуем мечты,
И блаженство твое будет сладко-мечтательным,
Между ночью и днем, у заветной черты,
Чтоб, закрывши глаза, ты в восторге мучительном
Прошептала: «Опять! Ах, опять! Это – ты!»*

Поэт Николай Лилиев писал, что с кончиной Веры Васильевны «болгарский театр потерял прекрасного ценителя, болгарский артист – своего учителя и друга, а Болгария – самоотверженное сердце, которое любило искусство и ему служило»³¹¹.

В Софии, вспоминал Федоров, чужие нужды, чужая боль и обиды, заставляли ее страдать больше, нежели собственные физические недуги... Уже перед кончиной она, «глухая и равнодушная к голосам жизни», повторяла пушкинские строки

*Уж небо осенью дышало,
Уж реже солнышко блистало,
Короче становился день³¹².*

А что объединяло писателей, поэтов в Софии? Чувство избранности? Возможно. Здесь хочу сказать о соединении талантов для представления любителям и ценителям литературы своего творчества и мира русской словесности в целом. В 1921 г. в Софии было основано «Общество по объединению славянской молодежи», популяризовавшее русскую литературу и культуру. Под редакцией М. Саевского стал выходить литературно-художественный журнал «Изгнанник». В том же году русские писатели проводят в салоне «Славянского дружества» литературные вечера. Граф Н. Зубов ведет разговор о Достоевской и Ахматовой, Модест Саевский – о Блоке, болгарский поэт Кр. Димитров – о современной русской поэзии³¹³.

Болгарский историк Людмил Спасов в своей насыщенной информацией статье, где нет места даже «необходимой воде», отмечает и создание в 1921 г. издательства «Русская библиотека». В частности, были изданы стихи Зубова «Крум хан болгар». Была напечатана подборка стихотворений Татьяны Тихоновой, Модеста Саевского, Н. Зубова, объединенных в сборнике «Песни изгнания»³¹⁴.

В 1929 г. в Софии был издан поэтический сборник «Русский эмигрант в стихах», но стихи рождались и позже, и надо надеяться, что София не отстанет от Белграда и издаст свой сноп стихов русских поэтов.

ТЕАТР, ТЕАТР И НЕМНОГО КИНО

Открывая театральную картинку, сразу начну с артистов Московского художественного театра, гостивших в Софии в 1920 г. Их выступления имели ошеломляющий успех и у болгар, и у русских. Так, уже знакомая Вера Пушкарева, «глубокая русская женщина, русской красоты и таланта»³¹⁵, писала: «Они уезжают... наши дорогие москвичи «Художественники»... Мне лично они вернули волю к жизни, вдохнули охоту снова работать и бороться за бессмертные идеалы нашего искусства и дали среди беспроекторного мрака настоящего, какую-то смутную, но крепкую надежду на будущее...»³¹⁶

Тут же назову повсеместно известного «художественника» Николай Осиповича Массалитинова (1880 – 1961), актера, режиссера, педагога, ставшего с 1925 г. главным режиссером Софийского Народного театра, где поставил свыше 130 пьес.

Массалитинов по приглашению болгарского правительства осенью 1925 г. прибыл в Софию. Вместе с женой актрисой Е. Ф. Краснопольской и театральным критиком П. М. Ярцевым, прибывшим в Болгарию в 1921 г., он за небольшое время создал «драматическую школу, в которой воспитал новое театральное поколение – П. Герганова, Г. Стаматова, В. Трендафилова, М. Попову, З. Йорданову, К. Кисимова и др.

Его первый спектакль «Двенадцатая ночь» (12 января 1926 г.) был примером единства «молодых» и «старых», но исключительно талантливых К. Сарафова, И. Димова, С. Бычварова, Т. Танеева и др. Он заморозил болгарских зрителей и вызвал невероятный «бум» в театральной критике (17 отзывов). Это было новым словом в болгарском театре. Критики определили его как «торжество», как «награду за неугасшую веру в театральную магию».

За 20 лет – с 1926 по 1946 гг. – Массалитинов представил на болгарской сцене не только пьесы «иностранцев» – Шекспира, Ибсена, Гольдони, Метерлинка, Пиранделло, Островского, Грибоедова, Чехова, Горького, но и болгарских авторов, например, Р. Стоянова «Мастера» (1927), Й. Йовкова «Албена» (1928), «Миллионер» (1930), «Боряна» (1932), «Обыкновенный человек» (1936), Ст. Л. Костова «Золотая мина» (1926), «Големанов» (1928) и др.³¹⁷

Добавлю, что в 1954 г. снялся в кинофильме «Герои Шипки» в роли канцлера А. М. Горчакова.

Знакомо болгарам имя и Исаака Ездровича Дуван-Торцова (1873, Евпатория – 27. IX. 1939, Париж).

Вадим Шверубович, вспоминая его, писал: «Какой-то лысый, толстощекий человек... Это Дуван, наш Исаак Эзрович Дуван-Торцов, бывший актер МХТ, один из основателей Второй студии... Дуван был крупным провинциальным режиссером-антрепренером, одно время даже "держал сезон" в Киеве, но потом передал свои коммерческие дела каким-то компаньонам, а сам переехал в Москву и вступил в труппу МХТ. Играл он очень мало и держал себя чрезвычайно скромно, даже робко... После революции он каким-то образом оказался в Софии, где его пригласили на должность главного режиссера драматической труппы»³¹⁸.

Сам он, уже будучи в Белграде, сообщал о себе в тамошней газете «Русский голос» за 1931 г. следующее: «Антрепренерскую деятельность начал в Вильно, а затем снял театр Соловцова в Киеве. Тут и протекала главная часть моей работы. Незадолго до войны передал театр Синельникову и поехал "учиться" в Москву, где и был принят в состав Художественного театра. Затем два года был директором Московского драматического театра. Два года был главным режиссером Национального театра в Софии, затем Берлин, русские спектакли в "Des Vestens", кино, главное режиссерство в "Синей птице", поездка по Европе и Южной Америке со своим театром миниатюр ("Маски"), Пражская труппа и турне Полевицкой»³¹⁹.

А тогда, в 1920 г., он работал, подчеркиваю, главным режиссером Болгарского Народного театра, что свидетельствовало о многом, прежде всего об уважении к русскому театральному опыту, традициям русской сцены. В частности, он поставил пьесу тогда всемирно известного Кнута Гамсуна «У жизни в лапах», продемонстрировав, как писали в прессе, свой режиссерский опыт, «глубокое понимание тонкого артиста»³²⁰.

Гораздо меньше сведений о других мастерах сцены, вклад которых в театральную жизнь Болгарии не столь заметен, но тем не менее заслуживает освещения, в крайнем случае упоминания.

Итак, начало 1920-х гг. К этому времени, когда в России бушевала Гражданская война со всей ее кровью, ужасами, расстрелами, в Бол-

гарии пышным цветом расцветали всевозможные театры и театрики, развлекательно-увеселительные заведения.

Из русских артистов и режиссеров назову сначала Юрия Яковлева. Он приезжает в Болгарию в начале 1920 г. с труппой Елены Александровны Полевицкой. Его актерский талант, «особая красота жестов и мимики» сразу привлекли внимание как публики, так и организаторов театрального дела. В том же году Яковлев начинает работать главным режиссером театра «Ренессанс», где господствовал легкий жанр – оперетты, комедии и пр. Его деятельность впечатляла, и вскоре, после отъезда в 1922 г. И. Э. Дуван-Торцова, он принимает предложение занять его место и стать главным режиссером главной сцены страны – Народного театра. Однако начавшаяся была работа прервалась вследствие случившегося в 1923 г. пожара в театре. После прощального спектакля в родном «Ренессансе» Яковлев уехал в Ригу. Вместе со своей женой, болгарской актрисой Иванкой Сладкаровой, он вернулся в Болгарию после десятилетней с ней разлуки, только в 1933 г. Тогда же он вновь начинает с музыкально-опереточного жанра, принимая предложение Ангела Сладкарова стать художественным руководителем своего театра. Потом были постановки нескольких оперетт в Кооперативном театре. И наконец, он опять приглашается в Народный театр, где ставит около десятка пьес. Он мог и больше, но болело сердце... Он умер в Бургасе, куда он приехал на премьеру своей постановки³²¹.

Артист Иван Димов писал в своих воспоминаниях: «Нашел я его тогда лежащим в гостинице в кровати без сил от переутомления. Моих просьб – остаться лежать, он не послушал. Но и доктора запретили ему вставать, так как существовала опасность для жизни. Яковлев их умолял как ребенок, чтобы ему позволили закончить работу. Долг и любовь к искусству пересилили. Пьеса прошла при полном успехе. Зрители ее бурно приветствовали. Но режиссер не смог вкушать сладость успеха. Вместо цветов у него на сцене случилось кровоизлияние, и он остался беспомощным в кровати. Скончался он в Софии 17. III. 1938 г.». Судя по утверждению князя Ратиева, у него остался сын, ставший знаменитым актером, – Юрий Яковлев³²². Правда, у него отчество – Васильевич!

Популярным у русских был и театр русской драмы, Его создала в 1922 г. русская провинциальная актриса Екатерина Николаевна Базилевич (? – 1941).

В 1910–1915 гг. ставила пьесы в Киеве и Харькове, в ее спектаклях играют Качалов и Станиславский. Была знакома с Мейерхольдом. В Болгарии у нее установились тесные связи с Массалитиновым, много помогавшем ее театру, в котором ставились «Буря» В. Шекспира, «На всякого мудреца довольно простоты» А. Н. Островского, «Власть тьмы» Л. Н. Толстого, «Мещане» М. Горького, «Синяя птица» М. Метерлинка, «Екатерина Иванова» Л. Н. Андреева³²³.

Екатерина Николаевна была и режиссером, и исполнительницей множества главных ролей. Этот театр даже можно назвать семейным уже потому, что в нем играли муж, сын и дочь основательницы. К участию привлекались и актеры-любители и профессионалы. Ставили они спектакли один или два раза в месяц в зале общества «Славянская беседа»³²⁴.

Только одно рекламное объявление о спектакле этого театра: «22 мая театр Русской драмы ставит премьеру по роману Краснова «Смена» (коммунизм умрет, Россия не умрет). Будут хор, балалайки, песни, танцы»³²⁵.

И тем не менее, театр, не обращая особого внимания на зубоскальство молодежи, прозавшей его «Драмой русского театра», работал. Ставилась и смешная классика: «Юбилей» Чехова, «Преступление и наказание» советского Зощенко, «Воительница» Лескова. Известны актеры З. Г. Юрьева, Н. М. Молчанова, В. В. Триве, К. Ф. Федоров, Ю. Г. Зорич, Н. В. Деревенец, А. В. Платунов, Н. Н. Свешников, И. А. Батюшков, Ю. Д. Максимова³²⁶.

В годы войны театр чуть было не был закрыт.

По распоряжению Министерства внутренних дел от 25 июня 1942 г. запрещалась «деятельность театра на настоящий сезон, вследствие систематического представления советских пьес». Только благодаря заступничеству влиятельных лиц, друзей театра он не был совсем закрыт и работал до октября—ноября 1944 г.³²⁷

Семья Базилевич создала и первый детский театр марионеток в Болгарии. Это было вполне естественно, если знать, что Базилевич был ученик Ивана Афиногеновича Зайцева, одного из создателей русского театра марионеток. Спектакли шли в читальне «Славянская беседа», салон снимали за 2 000 левов. Роли исполняли он, жена, дочь Зоя, в качестве постановщиков участвовали и другие, например Йордан Черкезов.

Декоратором был тогда еще молодой Евгений Ващенко.

Жили Базилевичи на ул. «Цар Крум». В 1944 г. бомба союзников угодила в их дом, погибла Зоя, были уничтожены все куклы. Уцелел только сын Виктор³²⁸.

Теперь о критике и «воспитателе».

В октябре 1921 г. прибыл в Софию известный болгарской театральной богеме театровед, поэт, драматург, эстет с внешностью средневекового рыцаря Петр Михайлович Ярцев (1870 – 04. XI. 1930, София), владелец редингота, трубки и гитары!

«Самый зловредный из театральных критиков», по характеристике Дона Аминадо³²⁹.

Что еще?

Друг Чехова, Андреева, Комиссаржевской, Станиславского, Качалова, Германовой. Ставил в России «русского Метерлинка» – Чехова...³³⁰

Его приглашали часто на репетиции Художественного театра как *arbiter elegantiarum*. В 1906 г. его позвали к Вере Федоровне Комиссаржевской, у которой он несколько лет заведовал литературным отделом, участвовал даже в подготовке нескольких спектаклей, таких, как «В городе» Семена Юшкевича и «Вечная сказка» Станислава Пшибышевского. В 1907 г. Ярцев публикует статьи в московской «Литературно-художественной газете» о Мейерхольде-режиссере, новаторство которого он поддерживал. Будущее театра он связывал с формированием студий или мастерских, в которых режиссер мог реализовывать свои искания с молодыми актерами. Наряду с театроведческими статьями Петр Михайлович писал и на иные темы, в том числе о Церкви («Очерки Оптиной пустыни»)³³¹.

Он сотрудничал с такими журналами, как «Театр и Искусство», «Золотое Руно», «Правда», «Современная жизнь», «Зори», «София». В 1910 г. он вместе с К. В. Бравич и Ф. Ф. Комиссаржевским руководил драматической школой в Москве, потом был основателем своей школы в Киеве. Был известен в России и как драматург: автор пьес «Брак», «Земля», «Волшебник», «У монастыря» и др. Последняя игралась на сцене МХТ в декабре 1904 г., а пьеса «Волшебник» была отмечена премией театрального конкурса Литературного театрального общества в Санкт-Петербурге. В 1912 г. вел театральную колонку в газете «Речь»³³².

В декабре 1921 г. в Свободном театре состоялось его первое выступление, посвященное русскому театру, под названием «Тихий свет»³³³. В 1922 г. его лекция была издана в пловдивской «Театральной жизни»³³⁴. Читатель мог ознакомиться с его воспоминаниями о двух премьерях «Чайки» и его авторе, с размышлениями о театре и литературе, значении художественного слова и пр.³³⁵

П. М. Ярцев ставил в 1922 г. такие спектакли в «Объединенном театре», как «Самсон» А. Бернштейна, «Дина Гланк» С. Юшкевича, «Материнская скорбь» Я. Гордина и др.³³⁶

Осенью 1923 г. «Объединенный театр» закрылся вследствие финансовых трудностей, но Ярцев к этому времени уже был главным режиссером в театре Пловдива – второй столицы Болгарии. Но там он не задержался: его первая премьера – «Сестра Беатриса» Мориса Метерлинка – была встречена рукоплесканиями, а вторая – «Жизнь Человека» Леонида Андреева – провалилась. Исследовательница его творчества Г. Петкова пишет, что тогда его называли «главным дефектом» театра, так как «иностранец» не может руководить болгарскими артистами³³⁷.

Потом – с декабря 1923 г. – была непродолжительная работа в Камерном театре, постановки Диккенса, Пшибышевского, Гауптмана, Ибсена. Но весной 1924 г. он закрылся вследствие финансовых трудностей³³⁸.

Добавлю вслед за Г. Петковой, что болгарскому театру, стремившемуся в то время к академизму, было сложно идти к экспериментальным формам.

Так или иначе, но последовало возвращение Ярцева в Софию и чтение лекций по истории и вопросам сценического искусства на курсах при Народном театре. На следующий год он был приглашен Николаем Осиповичем преподавать «искусство актера» и «историю костюма» в открытой им драматической школе. Там он «буквально “взрачивал” актеров, учил их жить ролью – во время репетиции, за кулисами, дома, обращать внимание на любую мелочь костюма, грима, поведения на сцене»³³⁹.

На все это он обращал внимание в своем «Тихом свете», когда писал о сценической драматургии. Лишенный возможности самосто-

ятельной режиссерской работы, Ярцев все же участвует в постановке ряда спектаклей («Мастер» Рачо Стоянова, «Горе от ума» Грибоедова), много пишет в русские театральные журналы, в болгарский модернистский журнал «Златорог», выступает с лекциями о русском искусстве и его религиозных истоках, переводит творения болгарских писателей. В 1928 г. в «Голосе», русской газете в Софии, публикует свои «Эмигрантские очерки», а в 1929 г. – «Театральные очерки».

Во-первых, он, как и все писавшие до него и после него, подчеркивал важность сохранения русскости в условиях эмигрантской жизни.

Во-вторых, Ярцев продолжал свою излюбленную тему о феномене сценической драматургии.

Что еще?

Искатель нового в театре, защитник старого в искусстве, он много писал на тему, связанную с православной Россией, а именно о Церкви, ее роли в эмиграции. В воспоминаниях о Патриархе Тихоне Ярцев затронул банальный сюжет, но не теряющий своей остроты, об интеллигенции и Церкви. Последней книгой, которую он заказал в библиотеке, носила название «Слова и речи митрополита Филарета». Это было 4 ноября 1930 г., а 30 ноября Ярцев ушел из жизни³⁴⁰.

Теперь немного о самом массовом искусстве – кино.

В начале 1920-х гг. в Софии действовала русско-болгарская киностудия под руководством Н. Ларина³⁴¹. Известно, что в 1921 г. он снял фильм «Виновата ли я», а 22 декабря 1922 г. состоялась премьера поставленного им первого полнометражного художественного фильма «Под старым небом».

В 1921 г. появляются три киношколы. Первая «Диана» была создана Бояном Рамовым и начала деятельность 10 мая 1921 г. Основной состав преподавателей был русским: Степан Гуцкий ранее преподавал в Киевской театральной школе, Л. Лавин – был инструктором царя по фехтованию в Санкт-Петербурге, Масани – работал инструктором-тренером по верховой езде, актрисы – прима Евгения Сахновская, Молли Фосбах и др.³⁴²

По мнению знатока кинотемы А. Янакиева, программа школы была близка экспериментам Льва Кулешова в Москве в сфере подготовки актеров немого кино. После неожиданной кончины Рамова киношкола прекратила свою деятельность. Однако большинство слушателей

продолжило обучение в других киношколах. Летом 1921 г. появляется киношкола при студии «Витофильм», которая не была связана с русскими эмигрантами. В начале осени 1921 г. создана киношкола при акционерном объединении по распространению и производству фильмов «Луна». В ее работе участвовал русский кинорежиссер Николай Ларин со своей труппой. Он и возглавил школу³⁴³.

Ларин сумел своими лекциями воспитать у слушателей любовь к киноискусству. Вскоре он покинул с труппой Болгарию, а школа была закрыта. Но многие слушатели, как например Иван Касабов, Йохан Розенблат, Васил Бакърджиев, стали профессиональными киноартистами. Касабов даже издал лекции Ларина отдельной книгой³⁴⁴.

Это были известные имена. Теперь немного о других именах, театрах и театральных труппах.

Вначале представляю труппу А. Аверченко «Гнездо перелетных птиц», «душою» которой был В. П. Свободин (? – 19. V. 1935, Рига), режиссер, актер, рассказчик декламатор. Первое выступление «Гнезда» было 23 апреля 1922 г. в театре «Ренессанс»³⁴⁵, зрителям предлагались такие музыкальные и комедийные пьесы, как «Штрафы», «Четыре тура вальса», «Еврейский ресторан», «Разбитое зеркало», «Дедушкины проказы», «Без суфлера»; конферанс Аверченко и Свободин³⁴⁶.

Эта труппа выступала в том же году и в театре «Максим». Там с новой программой выступал виртуоз-балалаечник из Таганрога Николай Павлович Синьковский (? — 8. VIII. 1962, Вена)³⁴⁷, не уступавший в мастерстве знаменитому Борису Трояновскому, сладко пел цыганский хор, пленяли солисты Скокан, Левски, Чагин, со вкусом конферировал сам Свободин³⁴⁸.

В расписанном заново художником Непокойчицким зале театра выступали певица с волшебным голосом Нюра Масальская и балалаечник Карп Никитич Терабрамов (?–апрель 1977, Франция)³⁴⁹, чаровала слушателей певица Аза Разсадова. Можно было посмотреть на балет под управлением Екатерины Лорен³⁵⁰, увидеть балетные па Е. Жабчинского в балете «Атлантида»³⁵¹.

Там выступал и рассказчик, куплетист Даниил Михайлович Дольский (наст. фамилия Бройдес; 1891–1931, Ковно, Латвия), славившийся пародиями на политических и общественных деятелей³⁵². Это

был «один из немногих рассказчиков, которые не гонятся за дешевым успехом у «галерки»; тонкий, культурный артист в своих рассказах он пластичен... вещи его большого репертуара отделаны до мельчайших деталей»³⁵³.

Через «Максима» прошло множество замечательных мастеров сцен, например с пользовавшимися неизменным успехом русскими песнями и романсами там выступала популярная в провинции Н. П. Филипповская³⁵⁴.

Стремившиеся подработать везде, где представлялась возможность, актеры не манкировали организацией называемых семейных новогодних вечеров, где было и искусство, и буфет с «беженскими ценами», и танцы³⁵⁵.

Можно отметить также товарищество русских артистов, под руководством С. Бартеньева (Бартенев) и Е. Скокан. Труппа выступала в начале 1922 г. в том же «Максиме»: пела романсы М. А. Яковлева, а в дуэтах вместе с певцом Модести, в хоре под управлением ди-Кастро звенел голос солистки Лаудон³⁵⁶. Добавлю, что Константин Симонов в своих дневниках отвел несколько строчек Бартеневу, с которым встретился осенью 1944 г. в софийской гостинце «Болгария»: «И за обедом и за кофе ко мне несколько раз подходит не то метрдотель, не то директор ресторана Бартенев – русский эмигрант. Маленького роста, брюнет, довольно плотный, с обрюзгшим актерским лицом и черными волосами, кажется, крашеными. На первый взгляд ему лет пятьдесят, на второй, более внимательный, шестьдесят. Говорит о себе как об артисте. В лучшие времена иногда содержал кабаре и был там главным исполнителем ролей и песенок. В худшие времена переходил на роль метрдотеля. По его словам, объехал всю Европу, снимался в кино в эпизодических ролях русских эмигрантов, кончал какой-то институт гримеров в Париже»³⁵⁷.

В театрике под громко-завлекательным названием «Фоли-Бержер» в начале 1920-х гг. выступала опереточно-кабаретная труппа под управлением А. Кушнера и С. Бельского, предлагая «бесперывное веселье»³⁵⁸.

Пресса выделяла в ней поющего и пляшущего почти во всех номерах Проценко и его партнершу живую, веселую Разсадову, об-

ладавшую небольшим голосом³⁵⁹. В «Фоли-Бержер» можно было услышать и упомянутого ранее несравненного балалаечника Карпа Терабрамова³⁶⁰.

В те времена не редкостью были совместные выступления. Так, весной 1922 г. была организована во главе Е. К. Горянским и Д. С. Курагиным русско-болгарская труппа артистов оперы. Из Софии она выезжали в провинцию с «Тоской», первый спектакль был намечен на 14 мая во Враце³⁶¹.

В Софии пленяли своими талантами три сестры Скокан³⁶².

Оперная артистка Мария Оскаровна (в замужестве Богданенко-Товстолес; Богданович, 1887 – 29. IX. 1932, Сент-Женевьев-де-Буа)³⁶³.

Опереточная – Аида Оскаровна (в замужестве Кособрухова, по сцене Скокан-Идина, ? – 28. IX. 1961, Франция)³⁶⁴.

Драматическая – Евгения Оскаровна (в замужестве Морайтини, 1890 – XI. 1952, Париж, Сент-Женевьев-де-Буа), играла в Санкт-Петербурге в Литейном театре, в эмиграции в театре Аверченко, в «Золотом петушке», в театрах миниатюр. Выступала в концертах, на русских вечерах³⁶⁵.

Это о ней писало «Русское дело» 10 марта 1922 г. следующие строки: «На днях в концертном зале «Альказар» русская артистка Е. Скокан читала «Незнакомку» Блока. Читала, волнуясь, и не знала, как примет веселая кабаре́тная публика непонятные слова чужого ей поэта. И было так неожиданно и хорошо: в зале стояла абсолютная тишина. А когда артистка кончила, публика настойчиво просила еще блоковских стихов. И это не только трогательно. Это характерно и знаменательно. Русское слово и искусство непобедимы»³⁶⁶.

В театральном калейдоскопе добавлю еще немного имен.

В 1920 г. в Софии прошло несколько концертов бывшего артиста Мариинского театра Ивана Владимировича Иванцова (1884 – 18. XI. 1967, Ново-Дивеевский монастырь, США). Певец, сын священника и пианистки, он начал карьеру в Петербургской Музыкальной драме, потом незадолго до революции перешел в Мариинский театр. После революции пел в Болгарии, позднее выступал в Париже. В США выступал в «Сити Сентер» и в концертах. Последние 11 лет жил на ферме Толстовского фонда³⁶⁷.

О нем и его сотоварищах в газете «Россия» были такие слова:

«С умением большого вокального мастера, отлично звучащим голосом г. Иванцов блестяще исполнил ряд арий и романсов, из которых особенно удачно был передан певцом на слова Бунина романс Рахманинова “Я опять одинок”. Прекрасно, как всегда, удался артисту Мусоргский... Приятно было слышать родной шедевр Бородина в исполнении солистов Народной оперы, из которых смычок Саша Попова пел особенно мягко и чарующе в интимном концерте Чайковского». Причем у рояля был сам главный режиссер театра М. М. Златин³⁶⁸. И для того, чтобы хотя бы немного прочувствовать музыку стиха Бунина, представлю эти строчки:

*Как светла, как нарядна весна!
Погляди мне в глаза, как бывало,
И скажи: отчего ты грустна?
Отчего ты так ласкова стала?
Но молчишь ты, слаба, как цветок...
О, молчи! Мне не надо признанья!
Я узнал эту ласку прощанья, –
Я опять одинок!*

Еще одно блистательное имя.

Артистка оперетты В. И. Пионтковская, о которой с восхищением писали: «Сноп золотых волос с зеленеющими вполетенными в них листьями. Грация, туалеты и не покидающее сцену веселье». Болгары с восхищением говорили – «Для вас Пионтковская большая радость, а для нас, кроме того, и большая школа»³⁶⁹.

В Софии почти не сходили со сцены пьесы известного автора оперетт В. П. Валентинова «Жрица огня», «Тайны гарема», «Ночь любви» и др.³⁷⁰

Была, надо полагать, любима и бывшая артистка Харьковской оперетты М. А. Яковлева. Приехавшая на гастроли из Сербии она в 1920 г. выступала театре «Ренессанс» в «Принцессе долларов», «Разведенной жене»³⁷¹.

В том же году в Софии был известен театр-кабаре «Лау-ди-тау», в котором пресса отмечала М. Малиновского и А. Шувалова³⁷².

Тогда же жители Софии могли попасть на выступления труппы под управлением Б. Орлицкого в театре «Бристоль». Там можно было увидеть и услышать знаменитую оперетку из жизни школьников «Иванов Павел», инсценировку «Я помню вальса звук прелестный», комедию «Соль к ссоре» с участием Марии Беор, квартет «О Маргарита», хор братьев Зайцевых и другие номера³⁷³.

Осенью 1920 г. в «Свободный театр» режиссером был приглашен В. Ленский. Известный как опереточный артист и режиссер, он предложил зрителям в качестве своей премьеры «Прекрасную Елену»³⁷⁴.

В феврале 1922 г. в концертном зале «Болгария» театралы могли наслаждаться голосом М. В. Мустановой, балетными па Лорен, Сахновской, Дакса³⁷⁵.

Не были артистами забыты и софийские любители хорового искусства. Например, они могли пойти на выступление Донского казачьего хора (24 февраля 1922 г.). При этом там можно было услышать в первый раз исполнение хором болгарских народных песен³⁷⁶.

Но не следует полагать, что русские посещали представления и концерты только «своих» артистов. Болгарское искусство, как и русское, воспринималось с таким же интересом, восхищением и аплодисментами, и даже стихами.

Чтобы не быть голословным, приведу несколько стихов Сергея Серапина (Сергея Пинуса), навеянных выступлениями болгарских мастеров сцены.

На концерт
Милки Станишевой

*Дух Шуберта тебя с высот благословил
На светлый песни путь, на дальнюю дорогу.
НЕ изменяй ему, — лишь в нем ищи подмогу;
Пусть он тебя с собой навеки обручил!*

...

*Явила ты из моря вдохновений, —
Ты фразы краткие из вещей глубины,
Которыми богат болгар народный гений...*

На концерт
Лиляны Добри-Христовой

*Юнейшая из юных королев,
Державой звуков с юности владея,
Ты, дерзкая и робкая Лилея,
Труд возрастанья рано одолев,*

*Перстам летать послушно повелев, —
Ты нас дивилась. Мы слушаем, немея...
Ты, бледно-золотистая камей, —
Изваян четко нежный твой рельеф.*

*С Шопеном существо твое слиянно
Иль с Шубертом? Кто знает? Тайна рук
Еще темна. Но дух(?) твой вечный друг,
Болгарское гордится фортепьяно
Едва расцветшей юною весной,
Как вешнею Лилеей вешний луг.*

На концерт
М. Торганова

...
*Ты, виртуозов спутник иль возжатый,
Бетховена или Франка ты играл
И музыки высокий идеал*

*Давал нам ты, познанием богатый,
И Крейцеровой страшною сонатой
Так часто зал ты полный потрясал³⁷⁷.*

В связи с болгарским искусством будет любопытно привести здесь следующие строки автора стихов: «Каждый русский, любящий искусство, с большим любопытством... приглядывался, если имел возможность, к тому, какими путями идет жизнь искусства в столице братского народа, какими здесь художество в многообразных его раз-

ветвлениях располагает средствами, какими задается целями и какими достижениями уже обладает. И невольно напрашивались и напрашиваются сравнения с недавним прошлым нашего родного искусства, с теми путями его развития, которые суждены ему были в России, и с теми достижениями, которыми по праву мы, русские, теперь так гордимся. Есть сходство, есть и различие.

И прежде всего, как в России, так и в Болгарии, искусство в его европейских формах явилось вдруг, как бы по мановению волшебного жезла. Этим жезлом и там и здесь оказался скипетр русского царя. Если, по известному выражению Герцена, Петр Великий бросил России вызов и она ответила на этот вызов Пушкиным, то на великий и тяжкий акт своего освобождения чем ответила Болгария, какими культурными достижениями или, по крайней мере, какими обещаниями? Слишком короток еще срок самостоятельности Болгарии, чтобы она могла уже породить своего Пушкина, – в России на это понадобилось сто лет... Болгария прожила только половину этого срока»³⁷⁸.

Не вдаваясь в частности, особенно по части «волшебного жезла», рискну сказать, что Болгария ответила Иваном Вазовым!

И в завершение могу сказать, что, пожалуй, русский театральный бум пришелся на самое начало 1920-х гг., когда из России хлынул поток настоящих и самодеятельных артистов, талантов и халтурщиков. И, конечно, большинство избрало легкий жанр – фарс, гротеск, оперетку и пр., все, что могло привлечь и отвлечь от тягостных раздумий. А потом все пошло по накатанной «классической дороге» с выступлениями в «серьезных» спектаклях на русской и болгарской сценах.

БАЛЕТ, БАЛЕТ, БАЛЕТ И «ПЕРЕЛЕТНЫЕ ПТИЦЫ»!

Начну с «птичек».

Прежде всего назову имя Маргариты Фроман. Она родилась 8 ноября 1890 г. в Москве. Ее отец был шведом, часто путешествовал, зарабатывая на жизнь игрой на трубе. Во время гастролей в России женился на девушке из хорошей семьи, остался на ее родине. Известно, что он играл в одном из симфонических оркестров, преподавал в Московской консерватории. После блестящего окончания в 1909 г. Московского императорского театрального училища Маргарита была принята солисткой в балет Большой оперы в Москве, став партнершей своего учителя В. Д. Тихомирова. Одновременно готовила роли с талантливейшим «сталелитейным, пружинистым» Михаилом Михайловичем Мордкиным, но совместные выступления не состоялись, ввиду ее перехода в труппу С. П. Дягилева и гастрольями по Европе и Америке вместе с Анной Павловой, Екатериной Гельцер, Тамарой Карсавиной, Вацлавом Нижинским, с которым она в 1916 г. танцевала на сцене Метрополитен Опера. Вернулась на родину, когда там уже произошла революция.

В первопрестольной она выступила в балете «Азиада» Гютэля (хореография Мордкина). Потом вместе с М. М. Мордкиным смогла выбраться из Москвы в Крым, где дала несколько блестящих представлений. Вместе с братом Максимилианом она даже открыла свою балетную школу. Через Стамбул и Софию добралась в Королевство сербов, хорватов и словенцев и обосновалась в Загребе со своей небольшой труппой.

Послевоенный город, точнее балет, тогда нуждался в свежих силах, поэтому неудивительно, что именно блестящая представительница русской балетной школы стала балетмейстером в государственном Народном театре, руководительницей балетной школы и прима-балериной, станцевала Одетту/Одиллию, Сванильду, Аврору, Раймонду, Царевну. Часто по приглашению выезжала в другие страны. Гастролировала в 1925 г. в труппе Анны Павловой во время турне по Европе. Ее искусство в 1930-х гг. видели и в Софии, где она выступала в роли хореографа³⁷⁹.

Необычная судьба сложилась у Анны Аркадьевны Редель (01/14. X. 1908, Москва – 13. V. 2003, Москва). Московский репортер Евгений Эпштейн писал о ней: «... Начало карьеры Анна Аркадьевна Редель относит к трехлетнему возрасту, когда впервые выступила с импровизированным танцем на публике: это было в фойе кинотеатра перед сеансом – маленькая Нюра Редель, к ужасу мамы, танцевала под музыку оркестра. Однажды ее увидел известный артист балета Большого театра Л. Жуков, который сказал: «Эту девочку надо учить, у нее танцевальная душа». Но учиться Анна Редель начала не в родной Москве, а в Ялте, куда они бежали с мамой, спасаясь от голода. В ту пору Ялта была средоточием знаменитостей, на набережной можно было запросто встретить Александра Вертинского, зеленоглазого и белокурого Ивана Можухина, Михаила Мордкина, за которыми толпами ходили влюбленные девочки. Партнерша Мордкина Маргарита Фроман, открыла в Ялте балетную школу, и Нюра Редель стала одной из первых ее учениц – у нее был фантастический подъем, которому могла бы позавидовать сама Анна Павлова, и очень крепкие пальцы, позволявшие танцевать на них даже босиком. Со школой юная балерина отправилась в свое первое концертное турне.

“В Константинополе... нас ждал финансовый провал, хотя в газетных рецензиях хвалили наши выступления. Дело в том, что эмигрантская волна, хлынувшая из России, была еще впереди, а турки концертам классического балета предпочитали кафе-шантан. И если бы не опытный антрепренер Л. Леонидов, возивший группу артистов Художественного театра, где были Качалов, Книппер-Чехова и другие знаменитости, наша балетная школа прекратила бы свое существование – он взял нас под свое крыло и прокатил по Болгарии, Сербии, Чехии, где мы прошли с большим успехом. В Софии мы танцевали с моей подругой Вале́й Гуревич танец «Кошечки» в присутствии болгарского царя. И вдруг в самый разгар танца наши кошачьи хвосты сцепились, и мы начали судорожно отрываться друг от друга. Валя чуть не рыдала, а я остервенело старалась отцепиться и вырвала хвост своей партнерши с корнем. Успех был ошеломляющим, а мы за кулисами размазывали слезы”. Потом был отъезд в Хорватию и после «долгих скитаний и приключений» возвращение в Москву. В училище Большого театра, вспоминала она, ее сочли «переростком» (ей было 16 лет) и не приняли.

Тогда она поступила в театральный техникум имени Луначарского на отделение классического танца. Потом начала выступать с громадным успехом на эстраде. В годы войны работала во фронтовых театральных бригадах. После войны гастролировала с мужем во многих странах, в том числе и в Австрии, где они танцевали «Вальс» Штрауса, что было, казалось, равносильно поездке в Тулу со своим самоваром. Но они рискнули, и венцы встретили их искусство восторженно³⁸⁰. Имя Анны Редель, нашей современницы, вошло в историю эстрады.

А теперь о тех, для кого София стала родным городом.

Балерина Анна Митрофановна Воробьева (22. X. 1898, Киев – 6. VI. 1985, София), человек с необычной и в то же время «обыкновенной» судьбой танцовщицы. В юности она брала уроки у Михаила Мордкина, была ученицей Киевской балетной «Школы движения» Брониславы Нижинской. После отъезда сестры к заболевшему Вацлаву в Париж Воробьева возглавила не разбежавшуюся часть школьных воспитанников и стала, между прочим, первой учительницей будущей всемирной знаменитости Сержа Лифаря, который с благодарностью вспоминал о своей наставнице как о талантливом и самоотверженном педагоге³⁸¹.

В частности, он писал: «Я многим обязан Анне Воробьевой. Она с неподдельным энтузиазмом относилась к моей работе, предсказывая мне большое будущее, о котором я уже начинал думать, и всячески меня ободряла, когда мой жар был готов угаснуть»³⁸².

Потом были выступления по Франции, Италии, Южной Америке.

В Болгарию она прибыла в 1927 г. после блестящих выступлений в составе балетной труппы Римской оперы, потом в театре «Констанца», выйдя замуж в 1926 г. за скульптора Александра Занкова.

Ее искусство позволило ей войти в состав балетной труппы Софийского оперного театра, где стала прима-балериной. Воробьева танцевала центральную партию в балете «Коппелия», премьера которого 28 февраля 1928 г. считается днем рождения болгарского балета. Потом, пишет тонкая исследовательница биографии Ася Дертлиева, был перерыв, связанный с приглашением Вацлава Нижинского танцевать в труппе «балет Иды Рубинштейн», а затем в Русской опере, в труппу которой входил сам Шляпин. И только в 1933 г. последовало возвращение в Софию. В 1934 г. она была уволена «как иностранка» и больше

не возвращалась на сцену. Но без балета она не осталась, открыв в том же году свою балетную школу.

Более того, ее имя связано с созданием балета в народных оперных театрах в Стара Загоре (1946 – 1952 гг.) и Пловдиве (1953 – 1961 гг.)³⁸³.

Среди ее учениц и учеников были Валя Вербева, Елена Теллалова, Зоя Карнеева, Николай Тарновский, Елена Воронова, Иван Дешев, Павел Стоицев³⁸⁴.

Уже выйдя на пенсию (1961 г.), больная, Анна, как писал Асен Станчев, «уже не умеющая ходить, сочиняла в уме балетные комбинации и просила нас их протанцевать»³⁸⁵.

Ее талант, вклад в болгарский балет еще ждет новых исследований, лучше всего, книги, которой Анна Воробьева достойна.

Теперь судьба и жизнь еще одной прима-балерины.

Валя (Валентина Петровна) Вербева (10. III. 1918, с. Коптево, Тамбовская губ. – 03. I. 2008, София), лауреат Димитровской премии (1952 г.), заслуженная артистка Народной Республики Болгарии (1966 г.). Ее отец был болгариним, мать – русской. Немного о генеалогии с историей.

Дед героини Евтим (Ефим) Вербев был родом из Македонии, из городка Дебър, бабушка Василка – из Шумена. Евтим Вербев был удачлив и в браке и в службе. В истории Болгарии он стал первым полковником санитарной службы, в семье – отцом шестерых детей, одним из которых стал Петр, отец тети Вали, как ее называли ученицы и близкие, любящие люди.

Как и многие болгары, свое образование Петр Ефимович получил в России, в Харькове, где учился на врача. В России он встретили свою суженую, Евгению Владимировну Тулинову. Дед ее был крепостным, потом сумел выкупить себя, встать крепко на ноги, получить образование, дослужиться до уважаемой в обществе должности школьного инспектора. Ее бабушка Софья была из обедневшей польской шляхетской семьи и вышла замуж за богатого по необходимости, не по любви. Такие браки по расчету были всегда. Любовь обрушилась на их внучку, студентку-медичку, жившую неподалеку от Харькова, в городке Волчанске, и влюбившуюся в студента-болгарина, ставшего ее мужем.

В Первую мировую войну, когда Россия в 1915 г. объявила Болгарию, выступившей на стороне Германии, войну, ее муж был интерниро-

ван в село Коптево Тамбовской губернии, где он и его любимая Евгения стали жить и работать. Там родилась и Валя. Спустя две недели после рождения ее родители пустились в далекий путь из революционной России в Болгарию³⁸⁶.

Ребенок был слабенький, мать с отцом боялись, что новорожденная не выдержит дороги и умрет некрещеной. Они горячо молили Бога спасти ребенка или хотя бы дать время для крещения. И в этот момент они услышали далекий колокольный звон и бросились в том направлении. Мольба была услышана! Дочка была крещена в этой русской церквушке³⁸⁷.

Родители хотели ей дать имя матери отца – Василки, но священник не нашел такого имени в святцах. Тогда мать попросила дать дочке имя в память любимого артиста Рудольфа Валентино. Так началась артистическая карьера будущей знаменитости.

По дороге на далекие Балканы, родители завернули в родной дом в Волчанске, где ее, «крохотную, бабушка София ни на миг не спускала с рук, как чувствовала, что мы больше никогда не увидимся»³⁸⁸.

Потом была Болгария, город Шумен, где бабушка при помощи молока купленной сразу козы успешно стала выхаживать свою внучку. Родители тем временем стали работать вначале в Разградской больнице, потом в селе Караисен. Описывая свое детство, Валя Вербева, вспоминала: «Жизнь на селе нам всем нравилась, но детям нужно было учиться: семья переехала в Софию. Папа по конкурсу получил Рокфеллеровскую стипендию и уехал на два года в Америку, откуда вернулся с титулом Master of Public Health. Работа у него была такая, что при первых симптомах эпидемии он направлялся в охваченные ею районы, выявлял очаг, ликвидировал его. Мама очень тревожилась за него, помню, как горько она плакала, когда он вернулся из очередной командировки, а в складках его одежды она нашла белесую тифозную вошь, была уверена, что он заболет. Чтобы успокоить семью и прежде всего себя самого, отец застраховал свою жизнь. Впрочем, родители мои дожили до почтенных лет, мама скончалась в 1958, а папа в 1977 году. Семья профессора Петра Вербева была всеми уважаемой, занимала видное общественное положение в русской колонии»³⁸⁹.

К сказанному следует обязательно добавить, что имя Петра Ефимовича Вербева также вошло в историю Болгарии как основателя

болгарской эпидемиологии, ее службы. Автор свыше 200 работ по эпидемиологии. Удостоен звания «Заслуженный деятель науки». Награжден несколькими орденами. Много лет он отдал и Александровской больнице в Софии, что неподалеку от памятника Царю-Освободителю, добросовестно служа людям.

И еще одно важное замечание, нужное для понимания того, почему Валя Вербева входит и в русский мир. В ее семье принято было говорить на русском языке, Россия вошла в ее кровь не только с молоком русской матери, но и с культурой, образованием, учителями. Она училась в уже упоминавшейся школе Кузьминой.

О том учебном заведении и времени Валя Вербева вспоминала: «там запрещалось говорить на болгарском или русском, а только на французском, английском или немецком. Поначалу я этих языков не знала, все время молчала, как набравши воды в рот, и чувствовала себя очень одинокой. Больше всего любила уроки рисования у горбатенькой Людмилы Николаевны. Вообще меня с детства влекло искусство – музыка, живопись и танец, балет, больше всего балет»³⁹⁰.

Искусство Терпсихоры она постигала у русских балерин Веры Лукашевич-Александровой и Анны Воробьевой-Занковой, ученицы Нижинской. С начала 1930-х гг., училась в студии классического балета у русской балерины императорского балета в Северной Пальмире Веры Лукашевич-Александровой, успевшей поработать ко времени открытия своей школы и помощником балетмейстера в Народной опере в Софии.

Училась Валя блестяще, о чем свидетельствуют два документа из личного архива Татьяны Константиновны Пчелинцевой, живущей ныне в Болгарии.

Первый из них – это выданная Вале характеристика В. Ю. Лукашевич-Александровой.

В ней говорится, что она изучала классический балет под ее руководством в течении полутора лет, а «после закрытия школы продолжала со мной изучение классического балета еще три года с половиной... Все это время ее отличали большое усердие и любовь к избранному ею искусству, проявив исключительные способности, дарования... Имея все данные для того, чтобы в будущем поддержать на высоте родное и болгарское искусство и будучи даровитой и хорошо подготовленной

артисткой, Валя... заслуживает всесторонней поддержки в ее устремлениях в этом направлении». На этом же листе с характеристикой сделана в сентябре 1937 г. приписка директора Болгарской Народной Оперы: «Подтверждаю, что знаю госпожу Валию Върбева как балерину и верю, что в будущем она может стать звездой в балете...»³⁹¹

Судя по второму документу – программе вечера классического балета, устраиваемого в театре «Славянская беседа» 8 марта 1936 г. силами художественной балетной студии под руководством Анны Воробьевой-Занковой – Валя Вербева училась и у нее весьма успешно. Из 18 номеров, поставленных ее педагогом, она исполняла почти половину танцев, в частности, мазурку (музыка Шопена), вариации (музыка Делиба), ноктюрн (музыка Шопена), вальс Carriage (музыка Рубинштейна), *Danse fantastique* (музыка Падеревского)³⁹².

Отец не хотел видеть дочь балериной, но Валя все же его уговорила отправить ее в Париж учиться дальше искусству Терпсихоры, если закончит школу с золотой медалью. Свое обещание она выполнила, а отец сдержал свое слово. Правда, прежде чем поехать во Францию, Валя поступила в Художественную академию, и уже потом отправилась в Европу.

Она поехала в столицу мирового искусства, где открывалась в 1937 г. Всемирная выставка. В поезде познакомилась с сербкой, которая также ехала в Париж танцевать. Это мимолетное знакомство потом очень пригодилось Вале. В Лютеции была учеба у знаменитой Ольги Преображенской и Любви Егоровой, у первой она научилась многому, в том числе такому важнейшему компоненту балетной техники, как искусство равновесия, а у второй – пластике рук. Было покровительство Сержа Лифаря. Это светлая сторона ее парижской жизни. Есть и другая – нехватка денег, вследствие чего была вынуждена пойти в компаньонки к одной русской даме, не знавшей французского, и ходить с ней по павильонам Всемирной Выставки. Но и эта работа не могла быть вечной и закончилась. Без денег, без жилья ей оставалось только одно – возвращение в Болгарию. И тут в самый отчаянный момент, как рассказывала мне ее дочь Евгения Васильевна Левкова, ныне живущая в Москве, к ней прибежала ее подружка, с которой она познакомилась еще в поезде в Париж, с известием, что в ее труппе, отъезжающей на гастроль в Африку, заболела одна из балерин, и, возможно, Валя,

если та не явится к поезду, сможет устроиться на ее место. Конечно, Валя помчалась на вокзал. Балерина не явилась. И импресарио рискнул взять ее без просмотра, пообещав устроить его в Марселе, откуда они отплывали на черный континент. Действительно, был просмотр. Импресарио остался доволен, заметив, правда, что она классическая балерина, а в труппе придется больше танцевать в стиле варьете. И тем не менее – это тоже был хороший шанс, чтобы закрепиться в балетном мире. Валя была согласна, единственная ее тогда просьба к импресарио – дать немного денег, чтобы купить еды. С момента отбытия из Парижа без сантима в кармане у нее не было ни крошки во рту. Потом были выступления во французской Африке и возвращение в Париж. И опять изо дня в день занятия, уроки у Преображенской³⁹³.

С деньгами стало легче: она танцевала в Русской опере у Агренава-Славянского. С «Борисом Годуновым», «Сорочинской ярмаркой», «Князем Игорем» пропутешествовала по Франции, Швейцарии, Бельгии, Люксембургу, Голландии, Тунису. Потом была принята в английскую труппу, с которой опять гастролировала по Франции. Затем танцевала в Руанском театре: балет «Сильвия», балетные партии в таких операх, как «Самсон и Далила», «Таис», «Кармен», «Манон», «Фауст», «Князь Игорь»³⁹⁴.

И не переставала брать уроки у Преображенской, приезжая регулярно в Париж. Так длилось до сентября 1939 г., когда началась Вторая мировая война. Перед отъездом в Болгарию Валя посетит свою наставницу: она обнимет ее и скажет, как вспоминала дочь, такие слова: «Ты всему научилась, теперь носи свет русского балета дальше сама». В Софии Валя устремилась было в театр, в балет, но там ей без объяснения причин отказали в приеме. Потом она узнала, что в дирекцию театра ходил ее отец и просил не принимать. Там вняли просьбе всеми уважаемого человека. В такой ситуации у Вали оставался еще один шанс остаться в искусстве, связанный с ее даром рисования, лепки. Она возобновляет учебу в Художественной академии в классе профессора Ивана Лазарова и успешно пробует себя в скульптуре³⁹⁵.

Я видел ее работы при посещении уютной московской квартиры у гостеприимной Евгении Васильевны. Они впечатляют не только талантом. В них есть то, что связано неразрывно с балетом – движение! Причем оно чувствуется даже в кажущемся покое скульптурных

изображений. Я не говорю уже о тех скульптурных композициях, где глиняные фигуры полны порывистого движения.

Но скульптура так и не стала ее профессией, оставшись счастливым и талантливым хобби, отдыхом, увлечением...

Наступил 1941 год. Учеба была прервана. В личной жизни тоже наступили желанные перемены. В том же году она по любви выходит замуж за Василия Левкова, врача по специальности и русского по рождению, для семьи которого Болгария стала вторым Домом, где, как и для многих других изгнанников, нашлись и работа, и жилье, и чувство, что ты в славянской, братской стране, где тебя уважают и надеются, что твоя Родина еще будет свободной. В 1942 г. у нее рождается дочь, названная Евгенией, по домашнему и по болгарскому обращению – Женей.

После возвращения молодого отца из армии, куда его было забрали сначала в строители, потом врачом, семья уехала из Софии в провинциальное село Угорчин, близ Ловеча. И там деятельная по натуре Валя не могла предаваться идиллии деревенской жизни, развернув кипучую работу по устройству самодеятельности на селе! В то же время она регулярно продолжала тренировать себя балетными экзерсисами. В 1944 г. Болгария была освобождена. В страну начали приезжать советские специалисты, ученые, артисты. В 1945 г. Валя услышала, что в столицу приехала знаменитая Ольга Лепешинская. Бросив все, оставив коротенькую записку мужа, она поехала в Софию, но опоздала. Московская балерина уже уехала. Но судьба все же хранила ее для балета. Ее, идущую мимо Народного театра имени Ивана Вазова, увидели из окна знакомые, позвавшие на конкурс, шедший в театре, по дополнительному приему в балетную труппу Народного театра. Конечно, она побежала туда. Обычно перед комиссией показывают один номер, и потом принимается решение. С Валеи Вербевай все было по-другому. Не успели члены комиссии посоветоваться относительно увиденного одного танца Вали, как она вновь появилась перед ними с другим номером, с третьим... В итоге, когда изумленные члены комиссии, спросили, кто была ее учительница. Услышав фамилию Ольги Преображенской, приняли ее без колебаний! Более того, после ее первого выступления в «Кошпелии» Валя Вербева была назначена прима-балериной!³⁹⁶

Еще одной была знаменитость – Лили Берон, в которой, по некоторым сведениям, также текла русская кровь.

А потом наступили праздники: балет, балет, балет!!!

Валя танцует в таких спектаклях, как «Лебединое озеро», «Жизель», «Гаянэ», «Бахчисарайский фонтан», «Дон Кихот», «Спящая красавица», «Раймонда», «Жар-птица», «Карнавал», «Соперницы», «Красный мак», исполняет балетные партии в ряде оперных спектаклей, например, в «Фаусте», «Иване Сусанине», «Аиде», выступает в разнообразных миниатюрах – «Весенняя встреча» (П. Владигеров), «Детская игра» (Дебюсси), «Куклы» (Лядов), «Армянский танец» (Хачатурян) и других³⁹⁷.

В семье тем не менее Валя Вербева была очень стеснительна. Дочь Женя как-то раз спросила ее, как же она танцует в балете?! Ответ был прост: «Это не я, а Жизель, Сванильда, Мария...»³⁹⁸.

В 1952 г. она была удостоена высшей награды «Димировской премии» за исполнение партии Акробата в балете «Красный мак». К этому нужно непременно добавить, что московский хореограф Николай Холфин ставил этот танец для мужчины, но ни один из пробующих на эту роль балетных танцоров не смог выполнить поставленный Холфиным танец. Это смогла сделать только приглашенная им Валя Вербева, принявшая к тому времени советское гражданство (позднее, она все же возобновит болгарское). Правда, на премьере па роли Акробата она сорвалась и упала, но мгновенно перестроила свое падение в акробатический кувырок. Как вспоминает Евгения Васильевна, ее мама остро переживала случившееся, но прибежавший за сцену Николай Холфин горячо поздравил ее с успехом, а присутствовавший там же коммунистический лидер Вылко Червенков с Димитровской наградой³⁹⁹.

Любовь к балету позволяла ей творить чудеса на сцене. Давняя почитательница ее таланта Роза Балканска, ее коллега по преподаванию в балетном училище пишет: «Запомнила Валю Вербеву как первую балерину в Болгарии, которая в роли Китри («Дон Кихот» Минкуса) сделала 32 фуэте! В партии Черного лебедя («Лебединое озеро» Чайковского в постановке Анастаса Петрова) вместо 32 исполнила 36 фуэте, изумив не только своего партнера – Принца, но и публику, затаившую дыхание от восхищения!... Запомнила ее и в роли Мирты («Жизель» Адама в постановке Анастаса Петрова) с сильными и стабильными фуэте в диагонали, исполненными с невероятной легкостью...»⁴⁰⁰

Валя Вербева не только чаровала ценителей балетного искусства,

Ю.П. Захарчук

Народный театр им. И. Вазова

Памятник Царю-Освободителю

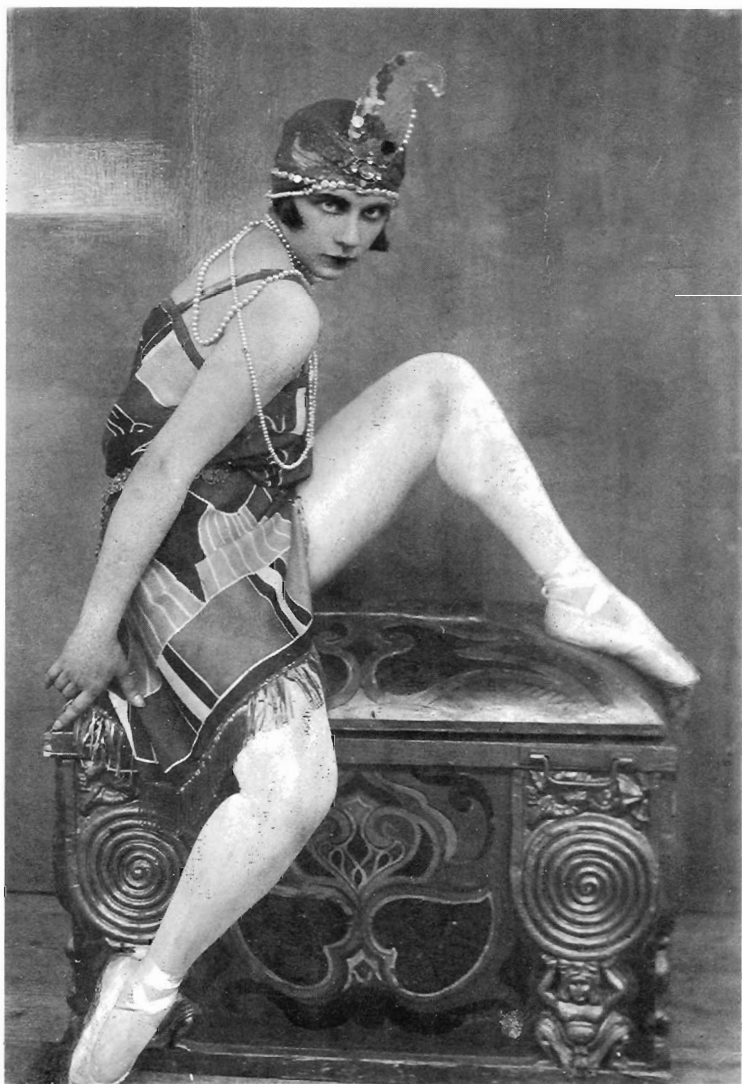
Княжеский дворец

Одна из улиц Софии

Валентина Вербова с партнером в балете «Лебединое озеро»

Анна Воробьева

Т. П. Карсавина

М.М. Златин

Б. М.

И. М. Груцов

• 12. XII. 1930 г.

Н.О. Массалитинов
с женой Е.Ф. Краснопольской
и дочерью Татьяной

Е.Н. Базилевич

Любовь Столица
София 1935

Л.Н. Столица

Всичко е писано на български език
и е издат в София през 1935 г.

В.В. Лазаркевич

но и людей, возможно, видящих первый раз балет в своей жизни. Она стремилась научить, вернее, вдохнуть любовь к сцене своим ученицам в государственном среднем балетном училище, где она начала преподавать в 1950-х гг. Среди ее выпускниц были Вера Лазарова Кирова, о ней пойдет речь несколько позже, Елена Борисова Игнатова, Елисавета Симеонова Груева, Емилия Василева Драгостинова, Павлина Костадинова Иванова, Снежана Славова Дескова, ставшая прима-балериной в Старой Загоре⁴⁰¹.

Вале было неважно, танцует ли она на знаменитой сцене перед ценителями балетного искусства, или в составе концертной бригады выступает на поляне, или показывает па на служащем сценой грузовике. Ее узнавали в народе. А для нее самая большая радость – танец!⁴⁰²

Людмила Писарева, одна из биографов Вали Вербеовой, напишет о ней, что ее «воспринимают в большой степени как балерину русской классической школы – за отточенную технику, единение музыки и движения, психологизм в танце. Публика ценит чувство, душу, которые она чисто по-русски вкладывает в исполнение. В 1967-68 годах Вербева специализируется в Москве, в Ленинграде как балетный педагог, после чего много лет преподает в балетной школе в Софии»⁴⁰³.

Небольшое добавление к сказанному. В 1969 г. она была отправлена на пенсию, когда была в расцвете творческих сил. Ей даже не дали доработать трех месяцев, чтобы пенсия была чуть побольше! В сущности, она была выброшена на улицу. Там она и стала работать. Вряд ли кто-нибудь мог предугадать, что звезда болгарского балета станет чернорабочей на стройке, чтобы были деньги не только на еду, но и на учебу сына. Из строительного грохота, грязи и пыли ее вытащила ее ученица Груева-Маринова, узнавшая о судьбе своей учительницы. Вследствие ее вмешательства Валя Вербева стала работать педагогом в новооткрытом полувывсшем Институте по подготовке музыкальных и хореографических кадров в Софии⁴⁰⁴.

В 1974 г. по совету прима-балерины Лидии Диамандиевой Валя была приглашена Розой Балканской хореографом в камерный музыкально-драматический ансамбль «Интернационал». Валя Вербева стала автором и постановщиком пластики ее танцев в ряде концертно-спектаклей, в которых звучали строки и болгарских и русских поэтов, в частности Сергея Есенина⁴⁰⁵.

Ее талант и мастерство были востребованы и гимнастическим тренером Нешкой Робевой. Для ее знаменитых воспитанниц – «золотых девушек» – она вела курс пластики. Ее любимой ученицей тогда стала Бьянка Панова, переехавшая потом в Бельгию, откуда она писала своей учительнице⁴⁰⁶.

И тем не менее ее имя постепенно уходило в прошлое. Правда, ее коллеги, друзья сумели устроить торжество по случаю 80-летия. Это было, без сомнения, приятно. И все же без балета было жить трудно.

В сущности, вся ее жизнь – это сплошная самоотдача любви и балету, людям, можно и наоборот!

В семье все тоже было далеко не просто. В начале 1950-х гг. , она влюбилась без памяти в молоденького балетного танцора Петра Торнева, которого сделала своим партнером по сцене. Возможно, и на сцене она хотела быть любимой, а не только дома? В какой-то мере это подтверждает оброненная ею фраза о том, что она «просто слишком любила балет и отвергала все, что могло помешать... предаваться любимому искусству»⁴⁰⁷.

А может быть, сам изменчивый, вечно волнующийся и меняющийся мир искусства трудно совместим с размеренным стилем семейной жизни, с одним человеком, когда брак нередко превращается в привычку? Или родилась новая любовь? Последовал развод с прежним мужем, рождение в новом браке сына, названного Петром. В ее жизни было место и необычному, труднообъяснимому, достаточно вспомнить встречу с сербкой, конкурс в 1945 г. в балетную труппу.

Случалось и забавное, если судить с высот сегодняшнего времени: в роддоме врачи запретили кормить ей сына, и ее молоко доставалось двум другим новорожденным – Ленину и Сталину, так назвали своих сыновей родители! Тогда это было не так уж необычно. Потом они, вероятно, переделали свои имена. Возвращаясь к Вале Вербеовой, замечу, что новое замужество не продлилось долго. Торнев, вероятно, хотел тихого семейного уюта и всего того, что с ним связано. А это, видимо, не получалось у Вали, страстно влюбленной в балет. В итоге у нее остался от прежде счастливого брака только сын, который унаследовал от матери любовь к музыке. Но жизнь его оказалась короткой: в сорок с лишним лет он погибает в автомобильной катастрофе по пути в г. Сандански. У Вали Вербеовой осталась только дочь, переехавшая с

отцом в середине 1950-х гг. в Россию. В 1970-х гг. зажглась новая любовь, и Валя Вербева вышла замуж за Евстатия Георгиева Евстатиева. И опять случай или судьба: ее муж был потомком Николы Катранова, послужившего Ивану Тургеневу прототипом Инсарова в знаменитом романе «Накануне»! Валя пережила его. У нее остались любимая дочь да два внука, которых она помогала дочери нянчить во время своих приездов в Москву. Сейчас они взрослые, самостоятельные, семейные люди: один стал юристом, другой – музыкантом. Есть двое правнуков – все москвичи⁴⁰⁸.

Сама Валя говорила: «Раньше, в свете прожекторов, я старалась своими танцами дать радость публике. Сейчас вокруг меня также есть люди, которые несчастливы, бывает нельзя помочь, но случается достаточно одного хорошего слова, жеста, взгляда, чтобы сделать жизнь легче. Я преклоняюсь перед силой радости. Уверена, она лечит лучше всех лекарств. Стараюсь дарить окружающим это великое чувство». И еще одно высказывание, почерпнутое мною из очерка Людмилы Писаревой: «Как и в былые времена на сцене, так и сейчас, я признаю только опьянение, которое даст любимая работа. Только воодушевленная им, я сумею достойно сыграть свою последнюю, самую трудную роль – на сцене жизни!»⁴⁰⁹

И все же позволю себе предположить, что с жизнью, с балетом ее стала связывать больше всего ее любимая ученица Вера Кирова, балерина громадного таланта, который рождается, по словам экзаменовавшего ее в детстве Владимира Яковлевича Белого, раз в 2 000 лет⁴¹⁰.

Немного из ее автобиографии: прима-балерина, директор и художественный руководитель, балетный режиссер и педагог Национального балета. Училась в Софии, стажировалась в Большом театре в Москве, во Французской академии танца в Париже и в «Балете 20-й век» Мориса Бежара в Брюсселе. Участвовала в международных гала-концертах мировых звезд балета в Париже, Москве, Ленинграде, Мадриде, Монте-Карло, Берлине, Мюнхене, Токио, Осаке, Гаване. Танцевала как прима-балерина в Валлонском королевском театре в Бельгии, на знаменитых балетных сценах Парижа, в Осака и в Токио, в Женевском балете у Баланчина, в Лондоне и в других балетных центрах. С ее участием французскими, бельгийскими, датскими, японскими, югославскими и болгарскими телевизионщиками сняты многие фильмы,

посвященные балету. Танцевала с Марго Фонтейн, Майей Плисецкой, Карлой Фрачи, Рудольфом Нуреевым и др. Автор многих хореографий. Сотрудничала с такими знаменитостями, как Жорж Скибин, Питер Ван Дайк, Вахтанг Чабукиани, Асаф Мессерер, Серж Лифарь. Препо-
дает на балетных семинарах в Европе, Японии и США. Участвовала и
участвует в качестве члена жюри в ряде международных балетных кон-
курсов, например, в Париже, Люксембурге, Москве, Перми, Милане,
Нью-Йорке, Сеуле. Председатель жюри в Генуе, Киавари, Сан-Ремо.
Отмечена рядом высших наград на болгарских и мировых конкурсах.
Среди них – золотая медаль в Варне в 1964 г., золотая медаль в Оса-
ке в 1973 г., награды французской академии танца «Анна Павлова» и
«Терпсихора». С 1966 г. – заслуженная артистка Народной Республики
Болгарии. В 1969 г. стала лауреатом Димитровской премии. С 1974 г.
народная артистка Болгарии⁴¹¹.

Предоставленные мне любезно Верой Кировой некоторые записки
Вали Вербеовой, позволяют раскрыть богатство души этих балерин,
собственно восприятие балета, историю вхождения в балет Веры Ки-
ровой и многое другое, связанное с искусством танца.

Позволю себе привести некоторые выдержки из записей Вали Вер-
беовой, посвященные «болгарской Терпсихоре» – Вере Кировой.

Итак:

«Болгарская Терпсихора

Самое ценное на нашей земле, самое ценное на нашей планете
связано с небольшой страной, связано с Болгарией.

Но я буду говорить только об одном бесценном сокровище, ко-
торым всякий бы гордился. У этой звезды есть имя – Вера Лазарова
Кирова. Страстно, безумно она любит Болгарию, не хочет жить на
чужбине... Вера и в танце и в жизни пряма и правдива, искренна. В
ней нет ни капли практичности. Она не дипломат. И в жизни это ей
мешает. Но великой ее делает балет. Один бельгийский миллионер,
владелец самой большой и самой богатой библиотеки в мире, обожал
балет... Он был друг Хемингуэя, с которым во время войны был в око-
пах... О себе он говорил: я коммунист-капиталист. Он был и писате-
лем, написал много книг о Болгарии. А о Вере написал целый роман...
Запомните имя бельгийца – Корман... Еще ученицей Вера танцевала
в Лебедином озере... Вера вскоре стала прима-балериной». Среди ес

выступлений были, вспоминает Валя Вербева: «Легенда об озере», «Спящая красавица», «Китайский мандарин», «Федра», «Гайдуцкая песня», «Сильфида», «Жизель», «Ромео и Джульетта» в различных вариантах, «Нестинарка», «Хрустальный дворец», «Шехерезада», «Снегурочка», «Весенняя сказка», японский балет «Цветочек», «Дафнис и Хлоя», «Гаяне», «Дон Кихот» в постановке Чабукиани, «Шопениана», «Золушка». Дальше Валя Вербева пишет: «Тодор Живков ее наградил почетным званием «Заслуженная артистка». Какая смелость нужна, чтобы заявить о своем отказе: «Я не могу принять это звание прежде своей учительницы!» И тогда мы две стали «заслуженными». Но только в Болгарии, на ее милой родине, против нее поднялась вся страшная мафия... на полу я находила воск, чтобы Вера поскользнулась и упала... в пуанты прятали бритвенные лезвия... А Вера никогда никому не сделала зла, никогда никому не завидовала... Пророк никогда не бывает признан на своей родине, но для Веры Болгария, вопреки всем невзгодам, остается самой милой. А для меня, учительницы Веры, пока я жива, Вера – Болгарская великая Терпсихора»⁴¹².

И еще из записок Вали Вербевой о своей любимице Вере Кировой, которая была для нее «самым гармоничным, самым изящным созданием, которое когда-либо встречала. Поэтичная, вдохновенная, врожденная принцесса с лебединой шеей, гордой головкой, с ясным, открытым, лучезарным лицом... с громадными темными глазами и светлым, необыкновенно искренним глубоким взглядом, пленяющим своей детской чистотой» В записках о Вере Кировой отмечается «бескрайняя ее естественность и простота... сочетание стабильности техники с гибкостью и пластикой»⁴¹³.

Это имена известны уже историкам, но есть еще одно имя, которое может быть упомянуто первым, или одним из первых.

Я говорю о Екатерине Лорен.

Хотя она выступала в кабаре, тем не менее в газете «Русское дело» весной 1922 г. ее назвали первой, начавшей «культивировать русское балетное искусство». Танцевала в ансамблевых балетах «Шалости амура». «Оживший мрамор», «Испанская любовь», в мазурке из «Копелии», исполняла еврейский, венгерский, русский танцы и др.⁴¹⁴

Добавлю, что в балетных постановках товарищества русских артистов, выступавших в театре «Максим», выделялись танцовщики

Князев, он же хореограф, Жабринский с его «бросками, дающими глазам легкую, радующую красоту», Черкез, балерина Фалл с ее партнером Даксом⁴¹⁵.

Тогда же в газете подчеркивалось, что «о спектаклях русского балета в свое время говорила вся болгарская печать, посвятившая нашим артистам восторженные фельетоны и рецензии»⁴¹⁶.

Видимо, к таким событиям относился и концерт отдохнувшей в Болгарии Тамары Карсавиной, который она давала в марте 1922 г. в пользу нуждающихся детей. Ложа стоила безумно дорого – 2000 левов. И тем не менее все билеты были распроданы. Общий сбор составил около 140 000 левов⁴¹⁷.

В интервью корреспонденту «Русского дела» балерина, касаясь состояния русского балета, откровенно сказала: «Наш балет несколько устал. Слишком порывистыми были его искания. Дошедший до крайностей модернизма, он на пути исканий часто брал форму, не соответствующую самому духу балетного искусства». В то же время она с удовлетворением замечала, что «после утоливших его колебаний, русский балет снова возвращается к принципам спокойного, чисто классического искусства...»⁴¹⁸

Отмечу, что партнером Карсавиной был Н. А. Дакс⁴¹⁹.

О самой знаменитости написано так много, что трудно найти что-либо свежее, незнакомое. И все же я попытаюсь. В книге Вадима Андреева «История одного путешествия» есть понравившиеся мне строки о впечатлении автора, оставленные великой балериной во время ее выступления в Константинополе. Полагаю, что перемена городов не влияла на ее танец.

Итак:

«Я смотрел, как танцевала Карсавина “Умирающего лебедя”. Я не видел декораций, половицы поскрипывали на сцене, все движения Карсавиной представлялись мне в необычном ракурсе, но в моей памяти навсегда осталось то, как медленно склонялась ее маленькая голова в легкой короне из лебединых перьев, как в последнем движении, вперед, прямо к моим ногам, складывались трепещущие руки-крылья, как медленно, в последней легкой судороге, умирало бесплотное лебединое тело и закрывались уже потухшие глаза»⁴²⁰.

И в завершении стихи:

...

*Один прыжок – любовь, другой – разлука.
Как все математически точно.
В одном движеньи – горечь, боль и скука.
И рвется то, что было так прочно.*

*Движенья в танце – как слова у пьесы.
Нам смысл понятен в полной тишине.
Нет драматургу места, поэтессе.
Есть место чувству, музыке, весне.*

*Балет, балет. Искусство все же вечно.
Ничто его не сможет поломать.
И танец жив, и муза бесконечна.
И зрителей овации звучат⁴²¹.*

...

ОПЕРА И ЕЕ РУССКИЕ ГРАНДЫ

А теперь – опера, необходимый компонент цивилизованности. В этой сфере искусства россыпь имен.

В 1924–1927 гг. главным дирижером в Народной опере был Юрий Николаевич Померанцев (5/19. IX. 1878, Седлец – 27. I. 1933, Ницца), композитор, балетмейстер, оперный дирижер, юрист.

Несколько фактов из его «формуляра».

Окончил юридический факультет Московского университета и Московскую консерваторию в 1902 г. Ученик С. И. Танеева, А.Н. Скрябина и Артура Никиша. С 1909 г. дирижер в оперном театре С.И. Зимина, затем дирижер балета императорского Большого театра. В эмиграции руководитель Национального болгарского оперного театра. Создатель первого болгарского симфонического оркестра. Руководитель танцев балетной студии кинокомпании «Гомон» («Тысяча вторая ночь», фильм в постановке Ермольева). В Париже возглавлял музыкальную школу Народного университета, ставшую консерваторию им. С. Рахманинова, был ее директором⁴²².

Из оперных режиссеров, упомяну еще Ивана Иванцова, работавшего в 1920– 921 гг. в Народной опере⁴²³.

Непреренно следует назвать и Моисея Марковича Златина.

Его первые постановки связаны с творениями Мусоргского и Римского-Корсакова. Моисей Маркович три раза стоял в главе столичной оперы, доведя ее до европейского уровня. Имя Златина связывается историографом болгарской оперы Розалией Бикс с новыми постановками, введением новых инструментов в оркестр, привлечением стажеров-дирижеров, основанием вместе со своими болгарскими единомышленниками Болгарской народной филармонии, первым дирижером которой он стал. Он стоял за дирижерским пультом в 1921–1924 гг., в апреле-ноябре 1929 г., в 1932– 936 гг.⁴²⁴

И, конечно, не следует забывать и сами русские оперы. Только одна цифра: в период между двумя мировыми войнами «Пиковая дама» выдержала около сорока представлений⁴²⁵.

Из «перелетных птиц», певших на сцене Народной оперы назову несколько имен. Здесь и Федор Шаляпин, Константин Каренин, Роберт Тулман, Георгий Юренев и Евгений Ждановский.

Начну с последнего.

Еще в юности (род. В 1892 г.), с 15 лет, он был солистом в церковном хоре Одесской семинарии. Потом была учеба в Московской консерватории (класс В. Зарудной), приглашение в 1916 г. в знаменитую московскую оперную труппу С. Зимина, где дебютировал в партии Мефистофеля («Фауст»), с 1917 г. по 1924 г. пел в Большом театре. В том же году покинул Россию, пел в мадридском «Реале», миланском «Ла Скала». С 1927 г. стал выступать в Софии, приняв в 1929 г. болгарское подданство⁴²⁶.

Его выступления (басовый репертуар) запомнились болгарским ценителям. Можно назвать такие партии, как князя Ивана Хованского, Бориса Годунова, Варлаама, Ивана Сусанина.

Р. Бикс пишет, что любимый своими коллегами Ждановский себя хорошо чувствовал в Болгарии, даже стал участником светской жизни в Софии. Судя по оценкам, «его игра была насыщена непринужденностью». Обладатель «первоклассных качеств артиста и певца», Ждановский обходился без «ученых эффектов» и «демонизма в роли полусумасшедшего Мельника»⁴²⁷.

Интересная деталь: партию Варлаама он пел в подаренном ему архиdiaконом посольской церкви о. Иоанникием домашнем подряснике, на котором «запечатлено было его кулинарное искусство», большого хлебосола⁴²⁸.

После прихода Красной армии в Софию, был вывезен в СССР. Вся его вина, по мнению хорошо знавшего его Глинского, заключалась в знакомстве с жившими в Софии братьями Солоневичами, известными своими антисоветскими выступлениями. Ему было разрешено жительство в Йошкар-Ола, где он 8 августа 1949 г. умер на сцене⁴²⁹.

Бас-баритон Георгий Юренев гастролировал в Софии три сезона подряд в начале 1930-х гг. Пел партии Бориса Годунова, Мефистофеля, Риголетто и др. На оперную публику оставил глубокое впечатление трактовкой традиционных ролей и ярким драматическим дарованием⁴³⁰.

В 1934 г. в Софию приехал Шаляпин. 12 октября «вся София» могла наслаждаться голосом великого певца в «Борисе Годунове» и в «Князе Игоре». По воспоминаниям, Шаляпин, благодаря знатоку софийских механ (кабак) Петру Золотовичу, успел за время своего пребывания и попробовать хорошие вина, и познакомиться с национальной кухней, высоко оценив и то и другое. Остались воспоминания и о том, что Шаляпин, о скупости которого ходили разнообразные слухи, часть полученного гонорара отдал сиротскому дому в Софии. Событие «Шаляпин в Софии» вошло в историю Софии и болгарского театра⁴³¹.

Вот еще несколько интересных картинок из пребывания Шаляпина в болгарской столице по воспоминаниям Ивана Тинина: «Я все же слушал Шаляпина на галерке Народной оперы в “Фаусте”. Конечно, он играл Мефистофеля... меня поразила одна мизансцена. Второй акт: перед таверной накрыт стол, стоят друзья Валентина и говорят о страшной трагедии: Фауст соблазнил Маргариту. Вдруг к ним вышел Мефистофель. Они все вынули шпаги, но кто-то из них сказал, что это нечистая сила и шпагой ее не возьмешь. Тогда они перевернули шпаги острием вниз и эфесы превратились в кресты. Эти кресты были направлены на Мефистофеля (Шаляпина). И я вдруг почувствовал вместе с артистом, как он получал невидимые удары в грудь, все дальше и дальше пятился, дошел до стола, который находился сзади него, и – вот чудо – не разворачиваясь лицом к столу, легко прыгнул на него... Эта сцена, разыгранная Шаляпиным, потрясла меня и, кажется, весь зрительный зал. Великий артист так играл за два года до своей смерти. Но его голос в Болгарии звучал еще в одном месте. Он пел «Запричастное» П. И. Чайковского в храме Александра Невского... пел без микрофона. Но его могучий бас заполнял все уголки этого огромного храма. Божественная музыка!

Шаляпин очень любил ходить на Соляной базар. Так назывался оптовый рынок почти в центре Софии. Туда съезжались извозчики, шоферы, грузчики. Шла бойкая торговля и бойкая работа. На этом рынке было два кабака “Дългата механа” и “Широката механа”... В одном из этих кабаков проводил свое свободное время, и непременно с грузчиками, Федор Иванович. Когда ему нужно было выйти по нужде, он проходил мимо бочарной мастерской. Однажды он разговорился с бондарем. Тот ему сказал: “Не сможешь ты сделать бочку”.

– Как не смогу, – ответил Шаляпин.

Взял топор, обтесал доски, почистил их рубанком и где-то за несколько дней сделал бочку.

– На бери, мой тебе подарок.

Но бондарь сказал ему: “Нет, так дело не пойдет, ты ее надпиши”.

Шаляпин взял квач, обмакнул его в деготь, написал “Шаляпинъ” и поставил жирную точку. Говорят, что бондарь впоследствии продал эту бочку за 100 000 франков. Широкой, интересной натурой был великий наш певец»⁴³².

Ряд лет главные партии исполняли тенор Константин Иванович Каренин (1897–1966, Чехия). Он известен как исполнитель главных партий в «Борисе Годунове», «Хованщине», «Князе Игоре», «Евгении Онегине». Десять лет, с 1930 г. по 1939 г. пел заглавные партии в Народной опере. С 1950 г. профессор Пражской консерватории. Его учеником был знаменитый в славянском мире эстрадный певец Карел Готт⁴³³.

Говоря о классических жанрах искусства необходимо упомянуть, что на болгарских театральных сценах часто звучала музыка русских композиторов, творчество которых было неподвластно политике.

Так могу назвать имя Модеста Петровича Мусоргского, произведения которого многократно исполнялись в Софии. Например, в 1930 г. в симфоническом концерте Музыкальной академии прозвучала симфоническая картина «Ночь на Лысой горе»⁴³⁴.

В театре «Ренессанс» можно было услышать знаменитого Н. Гукасова в «Пиковой даме» П. И. Чайковского, а также голоса Иды Ард в роли Полины, артистки оперы Зимина М. В. Мустановой в роли Лизы, С. Тимашеву – в роли графини, Д. С. Курагина в роли графа Томского, Д. Альшанского в роли князя Елецкого, Н. Фатьянова и др.⁴³⁵

С постановкой этой оперы были свои сложности, не было ее оркестровки. Только приезд в Софию композитора С. А. Троилина, написавшего за месяц ее инструментовку, спас положение⁴³⁶.

В марте 1922 г. в «Свободном театре» планировалась постановка «Тоски» Дж. Верди с исполнением Е. К. Горянским партии Каварадосси, а Д. Курагиным – Скарпио⁴³⁷.

13 марта 1922 г. в Народном театре была заявлена «Травиата» Дж. Верди с исполнением одноименной роли Марией Скокан⁴³⁸.

В начале сезона 1922/23 г. в Народной опере была возобновлена поставленная нашим соотечественником Николаем Вековым «Богема», в которой одну из партий исполняла Мария Васильева⁴³⁹.

Веков держал первенство среди иностранных режиссеров по продолжительности своей деятельности в оперной жизни Софии (1921; 1922–1925; 1930–1931 – главный режиссер). В 1943 г. изумительный болгарский тенор Стефан Македонский написал о нем следующие строки: «Веков был яркий представитель старой русской школы. Он не признавал новых течений в искусстве. Он не признавал нового темпа, новой динамики времени. Все новые искания, – говорил он, – рухнут и вернется старый, благородный классицизм»⁴⁴⁰.

К этому добавлю, что до революции Веков исполнял басовые партии в частной опере Зимина, потом был принят на должность режиссера в Одесский оперный театр. Из русских режиссеров следует назвать Ивана Осипова (сезон 1926/27 г.) и его работу над оперой «Паяцы», постановка которой вошла в историю. По воспоминаниям хористов, он во втором действии поставил хор спиной к зрителям, т. е. представил его как продолжение зрительного зала. С режиссерской точки зрения этот замысел был оправдан, но, как пишет Р. Бикс, возникали трудности с дирижированием⁴⁴¹.

Среди «перелетных» дирижеров, работавших в Софии и оставивших значительный след в музыкальной истории, выделялся знаменитый Исая Александрович Добровен (Добровейн) (наст. фамилия Барабейчик) (27. II. 1891, Нижний Новгород – 9. XII. 1953, Осло), известный и как пианист. Он работал в Народной опере только в сезоне 1927/28 г. и в 1935 г. дирижировал несколькими симфоническими концертами, равно как и стоял за привычным пультом во время некоторых оперных спектаклей, а также поставил оперу Э. Альбера «В долине». Его супруга Мария Добровен, вспоминая его пребывание в Болгарии отмечала, что Добровен чувствовал себя в Софии лучше, чем в Германии, где работал долгие годы. После своих концертов и спектаклей в 1935 г. он писал ей, что София его потрясла своей любовью и уважением к нему. О его популярности свидетельствовала карикатура в одной из софийских газет. На ней были изображены два министра, один из которых говорит своему коллеге: «Посмотри, мы стараемся дирижировать страной по парламентской партитуре, но ни черта не выходит из этого, а Добровен

и без партитуры достигает удивительных результатов. Значит дело не в партитуре, а в дирижере»⁴⁴².

Были русские голоса, русские дирижеры, русские художники, и само собой – русские оперы, органически вошедшие в репертуар софийской оперы. Начиналось с «Демона», «Евгения Онегина», «Пиковой дамы», «Жизни за царя», в 1920-е гг. оперная афиша включала уже «Князя Игоря», «Царскую невесту», «Майскую ночь», «Снегурочку», «Бориса Годунова», а в следующее десятилетие на сцене можно было услышать и увидеть «Хованщину», «Сорочинскую ярмарку», «Сказку о царе Салтане», «Садко», «Мазепу», «Русалку», т. е., как замечает Р. Бикс, весь русский классический репертуар. И следует согласиться с ее предположением, что объяснение постановки всех шести основных опер Римско-Корсакова следует искать в русских дирижерах, особенно Златина, в русских солистах, для которых он был «самый родной, самый дорогой, самый русский среди русских композиторов ушедшего века»⁴⁴³.

Из русских голосов, запомнившихся болгарскому ценителю оперы были Лидия Липковская, прекрасная исполнительница партий Розины и Джильды, баритон Иван Иванцов⁴⁴⁴.

В начале 1920-х гг. в Софии с триумфом выступал с ариями и романсами тенор Д. А. Смирнов⁴⁴⁵. Блестяще он предстал перед слушателями в «Свободном театре» в опере «Богема» Дж. Пуччини с арией Рудольфо, а также в «Риголетто» Д. Верди⁴⁴⁶.

Его биография впечатляет. Дмитрий Алексеевич (7/19. XII. 1882, Москва – 27. IV. 1944, Рига) учился в императорском училище им. Комисарова. Учился у Э. К. Павловской. В 1903 г. входил в труппу Саввы Мамонтова в театре «Эрмитаж». В 1904 г. был принят в Большой театр. Одновременно гастролировал в Мариинке. Был приглашен Дягилевым участвовать в постановках русской оперы. Гастролировал в Монте-Карло, Париже, Мадриде, Риме, Брюсселе, Лондоне, Буэнос-Айресе. В 1929 г. ездил на гастроли в СССР. Вместо запланированных 20 концертов и спектаклей дал 40. Отказался остаться даже за звание народного артиста. С 1940 г. жил в Риге, где открыл школу (более 200 учеников)⁴⁴⁷.

Автор прекрасной книги о болгарской опере в Софии Р. Бикс, говоря об «иностранцах» в болгарском оперном театре, о сложности такой темы, ее проблемах, связанных с эстетикой национального

театра, констатирует, что до середины 1940-х гг. певцы-иностранцы, в основном из русских эмигрантов, благотворно повлияли на национальную оперу⁴⁴⁸.

В сущности, такой вывод закономерен не только для Болгарии, но и соседней Югославии. Могучая русская оперная культура органически входила в славянский мир и, конечно, не могла не содействовать развитию национального оперного искусства, выводя его даже не на средний общеевропейский уровень, а выше. К этому добавлю, что многие болгарские оперные педагоги в свое время получали подготовку не только в Чехии, Швейцарии, Бельгии, Франции, Германии, но и в России⁴⁴⁹.

И, пожалуй, еще одно небольшое напоминание: почти все значительные концерты, театральные представления, в том числе и оперные спектакли шли и в Военном клубе (ул. Раковского) и в «Славянской беседе».

И завершить хочу, после щедрых слов Розалии Бикс, четверостишием Михаила Садовского из его очерка о Кирилле Молчанове:

*Не умирает – и реально,
Лишь то, что нематериально,
А все – и доброе, и злое —
Найдут потом в культурном слое*

ПОСЛЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ

В конце Второй мировой войны после освобождения Болгарии для русских наступали другие времена.

В сентябре 1944 г. новые власти наложили запрет на все эмигрантские организации, пронизанных «фашистской и националистической идеологией». Здесь были и Русский академический союз, Объединение русских художников, Объединение русских педагогов, Союз русских инвалидов и др. Прямые отношения к фашизму все эти общества, как пишет Ц. Кьосева, не имели, за исключением Союза галлиполийцев и Союза русской национальной молодежи.

(Да и тут, по моему мнению, нужно быть осторожнее. Нужно согласиться с тогдашними «товарищами», что все они были «анти-советскими», если следовать следующей логике: если ты эмигрант, значит «антисоветчик».) Начались аресты. В числе арестованных оказался и князь Ратиев, которого спасли мастера, проработавшие у него в мебельной мастерской свыше двадцати лет. Сам Ратиев писал потом: «Это были Ефтимий Данчев Петров и Стойко Велев Гогов... Во всяком случае для меня подобный, никем другим не подсказанный поступок до конца дней останется доказательством верности, уважения и дружбы...»⁴⁵⁰

В 1946 г. только «в болгарских лагерях оказалось 424 русских», обвиненных в сотрудничестве с немцами. В то же время болгарское правительство в соответствии с требованиями СКК (Союзной контрольной комиссии) выделяло с 1945 по 1948 гг. 72 млн левов «на содержание бедных и больных русских беженцев. С 1949 г. под советским давлением страна помогала примерно 20 000 русских, но только тем, которые приняли советское гражданство. Это вынудило почти всех социально слабых русских, больных и инвалидов, принять гражданство СССР».

При этом, как отмечает Ц. Кьосева, новые советские граждане пользовались рядом преимуществ при занятии государственных должностей, выдаче жилья, приеме детей в высшие учебные заведения и пр. Все «несоветские» граждане автоматически попадали в поле зрения

органов безопасности. Для наблюдения за высланными из Югославии в 1949–1952 гг. 777 русскими в министерстве внутренних дел НРБ была создана специальная секция «Белогвардейцы»⁴⁵¹.

Да и за «своими», болгарскими русскими, была слежка, писались донесения. Например, на князя Леонида Ратиева было написано 303 доноса, причиной которых был его безобидный разговор с турком⁴⁵².

И в то же время нельзя полагать, что печать «белогвардейца» закрывала все пути. Да, затрудняло карьеру, но профессионализм, талант, знания ценились больше умными руководителями.

Только одна судьба.

В своем интервью председателю «Русского Академического союза в Болгарии» С. А. Рожкову профессор Чумаченко говорил:

«... надо мной и над братом висел как “дамоклов меч” эпитет “белогвардейские подонки”. Во всех документах и характеристиках, которые издавали организации Отечественного фронта или БКП, такие формулировки неизменно присутствовали. Это же “пятно” не позволило мне стать с самого начала и студентом. В 1953 г. я кандидатствовал на геологический факультет Софийского университета. Я к тому времени закончил хорошее столичное училище – им. Ивана Вазова в Павлово, у меня был довольно высокий балл после окончания школы – 5,95 (при шестибалльной системе). Но на первом же экзамене – сочинении по болгарскому языку и литературе, я получил двойку и выбыл из конкурса. Это было довольно странно, т. к. сочинение я написал хорошее с точки зрения содержания, а и всегда отличался довольно приличной грамотностью. Поэтому уверен, что мой “белогвардейский происход” был тому причиной... на следующий год я опять кандидатствовал в Софийский университет, но теперь уже как рабочий... и необходимая характеристика была получена от местной партийной организации. Это если не “замаскировало” мой белогвардейский происход, то немного его “сгладило”... В Софийский университет я поступил в 1954 году... и в 1959 г. становлюсь профессиональным геологом... Через два года... я поступаю в Геологический институт БАН (Болгарской Академии наук – В. К.)... В этом институте прошла вся моя творческая научная жизнь вплоть до пенсии... Нужно отдать должное моим коллегам, и даже и партийным работникам, которые закрывали глаза на мое “белогвардейское” прошлое. На первый выхо-

дят качества человеческие и профессиональные... В 1972 г. я защитил кандидатскую, а в 1989 г. – докторскую диссертацию. У меня более 200 публикаций в самых престижных международных геологических изданиях... в конце 80-х годов заведующая кадрами стала перебирать досье сотрудников Геологического института БАН и попала на мои бумаги. Она начала расспрашивать меня, действительно ли мой отец служил в белой армии, а потом – имел ли противообщественную деятельность, тем более, что она видела, что я не из рабочей, а из буржуазной семьи – сын врача! Но поскольку в моей работе я не занимался “секретными” делами, оставили меня заниматься своей наукой, которая никому не могла мешать!»⁴⁵³

Возвращаясь в 1946 г., напомним об указе Сталина от 14 июля, по которому бывшие подданные Российской империи могли получить советское гражданство и вид на жительство в стране пребывания, для болгарских русских – в Болгарии. Иван Григорьевич Тинин писал о том времени: «... если для советских людей в СССР было много пятен в отечественной истории... то на Западе мы знали и про Соловки, и про травлю интеллигенции, и о поруганных церквах и монастырях. Мы знали о plombированном вагоне, в котором приехал Ленин в Россию из Германии в апреле 1917 года, и об убийстве царской семьи, и даже о Катыни. Так что для нас в эмиграции белых пятен в истории нашей страны первой половины XX века не было. Но такие предупреждающие знания не смогли затмить эйфорию радости по случаю возможности вернуться на родину у всех слоев эмиграции, от монархистов до эсеров или кадетов... Сталинский указ, а тогда все указы назывались сталинскими, воспринимался нами как знак того, что любовь наша к родине взаимна. Мы никогда не забывали ее, и родина не забыла нас»⁴⁵⁴.

Но для многих память родины обернулась нерадостным лицом...

Добавлю, что в 1946 г. был создан клуб советских граждан в НРБ (бульвар Евлоги Георгиева, 11, в войну – Адольфа Гитлера, после сентября 1944 г. – Кл. Готвальда), размещавшийся в огромном здании бывшего немецкого училища со своим бассейном и игровыми площадками. Кроме этого дома клуб получил от советского посольства в собственности два бывших немецких предприятия. «одно из них, “Лигнум” было деревообделочным и, – как вспоминал Тинин, – производило не-

сколько десятков финских домиков в день. Другое, металлургическое предприятие, выпускало оборудование для пекарен, а самое главное, делало для нового партийного дома в центре Софии все вентиляционное оборудование. Эти предприятия были освобождены от уплаты налогов болгарскими налоговыми службами, а прибыль от них оставалась клубу. На эти средства наш клуб и существовал. На них содержалось более 18 кружков художественной самодеятельности»⁴⁵⁵.

Среди них были симфонический и струнный оркестры, два танцевальных коллектива, хор-октет под руководством известного всей Софии Евгения Евгеньевича Комарова, театральная студия во главе с Н. О. Масалитиновым⁴⁵⁶.

О Николае Осиповиче, благодаря памяти И. Г. Тинина, сохранилась забавная зарисовка: он «страшно не любил поэзию Маяковского, но его стихи были обязательными для репертуара артиста. Однажды он читал стихотворение “Советский паспорт” и вдохновенно произносил такие строки: “Я достаю из широких штанин дубликатом бесценного груза. Читайте, завидуйте, я – гражданин Советского Союза!” Прочитал он стихотворение великолепно, но когда зашел за кулисы, то, вытирая пот со лба, сказал:

– Никогда такого дерьма еще не читал.

Может быть, другому за такие слова и влетело бы, но Николай Осипович был настолько знаменит и почитаем в Болгарии, что ему прощалось все. За свое творчество он получил Димитровскую премию. Его именем был назван театр в Пловдиве»⁴⁵⁷.

Руководителем оркестра клуба стал известный Евгений Валентинович Новожилов. До сих пор по радио «передают классическую музыку в аранжировке Е. Новожилова. Он написал же музыку и к первому болгарскому художественному фильму «Болгарские орлы»».

Активными членами клуба были А. Н. Гирский, К. Типлицкий, Христензен, Н. Д. Формаш, Г. Шервашидзе, Н. Заутова и др. Среди его спонсоров были А. Цицианов, занимавшийся строительством, крупный меховщик Есауленко, имевший и свой магазин около гостиницы «Болгария». В 1949 г. в Софии был создан Союз советских граждан с отделениями в Варне, Бургасе, Шумене, Ст. Загоре и других городах. Первым председателем стал А. Н. Гирский. В 1951–1952 гг. было построено во многом своими силами здание Союза (бульвар

Евлоги Георгиев, 4). В нем действовали политический, культурно-просветительный, молодежный, женский, детский сектора. Действовали библиотека, концертный зал, медицинский кабинет, спортзал. Внизу, в саду, работал ресторан Капитонова, известный всей Софии. В 1950 г. в Софии стала действовать Смешанная русская средняя школа с преподаванием на русском языке (ул. Ст. Загора, около бульвара Дондуков) с русскими учителями. В 1955 г. при Н. С. Хрущеве была организована акция «Возвращение на Родину» – в основном эмигрантские эшелоны (уехало около 10 тыс. человек) шли на целину, где пришлось жить по-походному, осваивать инженерам, докторам, учителям новые, сельские профессии⁴⁵⁸.

Вот, пожалуй, на этом возвращении я хочу и поставить многоточие.

И все же многие оставались в ставшей родной Болгарии, в Софии. Потомки тех, кто покинул пределы России, трудятся в самых различных сферах, занимая разные посты, вплоть до Президента Болгарской Академии наук.

Подсчитано, что болгары потратили в целом на русскую эмиграцию около 350 млн левов, включая расходы, связанные с обеспечением русских ветеранов Освободительной войны 1877–1878 гг.

Это, действительно, громадная сумма, честь и хвала болгарскому народу и государству за его оказанную помощь.

И здесь представляется уместным немного рассказать о политике, памяти, истории отношений довольно сложной между Россией и Болгарией, менявшейся на наших глазах.

Начну с русско-турецкой войны 1877–1878 гг., которая прочно вошла в историю Европы, в контекст русско-болгарских связей, насчитывавших не одну сотню лет. Россия – давняя покровительница болгарских единоверцев в результате поражения Блистательной Порты получила полное право называться их освободительницей. Император Александр II, в царствование которого произошло освобождение крестьян, стал Освободителем и для болгарского народа.

Дорога к освобождению Болгарии была долгой. Несколько веков длилось османское владычество. В XIX в. политика великих держав, направленная на европеизирование Османской империи, давала определенные результаты, но не было главного – свободы и независимости.

Именно эти слова были вынесены великим сыном болгарского народа Любеном Каравеловым в названия своих двух газет «Свобода» и «Независимость». В девятнадцатом столетии, справедливо названном «веком национальных движений», болгары не раз поднимали знамя борьбы с османским владычеством за освобождение своего народа. История Болгарии свято хранит имена своих героев, таких как Софроний Врачанский, Георгий Раковский, Христо Ботев, Васил Левски, выступавших и боровшихся «и пером и ппгагой» за «новую Болгарию». Для пылких революционеров она мыслилась как государство, равное другим независимым европейским странам. Для других, трезвых и осторожных политиков – автономным образованием в составе Османской империи.

Борьба шла и в церковной сфере, где болгары, в конечном итоге, отвоевали себе право на национальную церковь. В 1870 г. вопреки интригам фанариотского духовенства султанским фирманом учреждался болгарский Экзархат, независимый от константинопольского Патриарха. Даже схизма, наложенная Патриархом на болгар в 1872 г. (снята в 1945 г.), не смутила болгар, уверенно пробивавших путь к свободе, теперь уже – политической.

В 1876 г. вспыхнуло знаменитое Апрельское восстание. Подавленное в болгарской крови, оно явилось своеобразной прелюдией к последовавшему в 1877 г. началу русско-турецкой войны. Русское государство и ранее на полях сражений и в дипломатических переговорах, в своей политике с Османской империей защищало интересы славянства. Русские дипломаты, работавшие на болгарских землях, выступали защитниками и покровителями своих братьев по вере. Однако терпение и надежда, что турецкие власти начнут выполнять свои обещания по улучшению положения болгарского населения, таяли, уступая место «последнему доводу королей».

Европа уже делила в своих планах владения Турецкой империи. В России, не сомневаясь в исходе предстоящей войны, учредили в ноябре 1876 г., при главнокомандующем армией, должность заведующего гражданскими делами, канцелярия которого должна была заняться созданием органов местного и центрального управления. Первым руководителем этого важнейшего аппарата стал известный общественный и государственный деятель – один из разработчиков крестьянских реформ в России – князь Владимир Александрович Черкасский.

Сама война, объявленная царским манифестом 24 апреля 1877 г., шла тяжело. В боевых действиях активно участвовали и болгарские вооруженные формирования. За свободу Болгарии, независимость других христианских балканских государств отдали свои жизни сотни тысяч русских «братушек» и болгар.

Эта война с полным правом может и должна носить имя Освободительной. Поясню свою мысль, как и 100 с лишним лет назад – в годы болгарско-русских нестроений, – так и сейчас живы мнения, что Россия в войне преследовала свои великодержавные цели, связанные с овладением Проливами и Константинополем.

Что можно сказать?

Прежде всего не следует забывать о таком иррациональном феномене, как вера – этом зиждательном чувстве религиозного мира, воздвигающего свои царства. И Восточный вопрос был для православной России вопросом православным. Сюда же добавим этническую общность. Вспомним первоучителей словенских. Итак, получается триада: единоверие, единоплеменность, единойзычие.

И само движение к Константинополю можно трактовать как религиозно-историческую мессианскую идею православной России, мечтающей о водружении Креста над Св. Софией. Безусловно, стратегические интересы у великой Российской державы были, но в то же время нельзя не подчеркнуть, что именно защита православия в русско-турецких войнах была их важнейшим компонентом.

В свое время можно было услышать, прочесть, что война прервала естественный мирный процесс решения болгарского вопроса, а сам болгарский вопрос, не вмешайся Россия, был бы избавлен от крови и ужасов войны. Но тогда можно поставить вопрос таким образом: следовательно, жертвы Васила Левского и Христо Ботева были напрасны и «святая республика» в конце концов была бы создана в процессе отмирания Османской империи. Весьма спорное мнение. Сейчас войны как грубое решение тех или иных проблем уходят в прошлое, сейчас в ходу просвещенное миссионерство, возможным результатом которого станет «Дивный новый мир» Олдоса Хаксли.

Далее. Военные победы, связанные с именами Гурко, Столетова, Скобелева и многих других русских офицеров, были упрочены готовившими заключение мира русскими дипломатами, прежде всего «русским ястребом» – Николаем Павловичем Игнатьевым. 19 февраля 1878 г. в местечке Сан-Стефано, неподалеку от Константинополя, был подписан прелиминарный (предварительный) мирный договор, по которому создавалась, с выходами на Черное и Эгейское моря, Великая Болгария, становившаяся мощным русским форпостом на Балканах и в Средиземноморье.

Однако возникновение Великой Болгарии не отвечало интересам западных держав. На конгрессе великих держав в Берлине летом 1878 г. основные статьи русско-турецкого договора были пересмотрены. «Сан-Стефанская» Болгария, воплощавшая вековые чаяния болгар, была усилиями Запада ликвидирована. И странно слышать в Болгарии мнение, что Сан-Стефано – это «химера»!!!

Сан-Стефано – это прежде всего идея, русско-болгарская или болгаро-русская! И если уж допустить, что она превратилась, в «химеру», то, повторяю, виновником была просвещенная Европа. И в народной памяти хранятся не химеры, а идеи.

Потом в освобождаемой Болгарии стало действовать русское Гражданское управление, занимавшееся всем комплексом задач – от принятия мер по охране развалин древней болгарской столицы Преслава до создания болгарского народного банка. Замечу, что вплоть до сентября 1885 г. военный министр княжества назначался князем с согласия царя из русских военных, принимавших непосредственное участие в создании регулярного болгарского войска.

Тогда русское имя звучало везде – от механы до залов княжеского дворца. На трон был избран участник русско-турецкой войны 22-летний принц Александр Баттенберг, лютеранин, сын австрийского генерала, родственник русского царя. Он любил Болгарию и старался устроить ее управление без «вредных либеральных затей». Но его власть в стране, где бушевали межпартийные распри, была шаткой уже по той причине, что он стал своеобразным заложником политико-партийной борьбы и не всегда мог позволить себе вести самостоятельную политику. Его положение осложняло и то обстоятельство, что, будучи ставленником Санкт-Петербурга, он не мог найти общего языка с военными и дипломатическими русскими представителями, позиции которых по ряду вопросов не отличались выверенной общей линией.

По сути дела, и сама русская политика в Болгарии не имела четкой тактической программы действий, что приводила ее к ошибкам и обостряло русско-болгарские отношения. После вынужденного ухода осенью 1883 г. генералов Л. Н. Соболева, А. В. Каульбарса и А. Ф. Редигера с занятых ими ранее с согласия русского царя и болгарского князя постов в правительстве, имя болгарского монарха у Александра III вызывало самые неприятные чувства. Русский царь начинал задумываться над сменой князя, не оправдывавшего ожиданий. Любая негативная информация, подлинная или мнимая, в отношении Александра Баттенберга только утверждал царя в необходимости смещения князя, становившегося неприятелем императора. Эта вражда в немалой степени объясняет отзыв царем русских офицеров восле воссоединения

осенью 1885 г. Княжества с Южной Болгарией и жесткое отношение к фигуре князя, ставшего и заложником неожиданного для Санкт-Петербурга воссоединения и «знаменем» последнего.

Замечу, что сама идея воссоединения не была чужда России, ее царю и его дипломатам. Так, русские офицеры активно работали в сфере подготовки вооруженных формирований в Болгарии. Но для царя, его дипломатов ее реализация признавалась несвоевременной вследствие возможных международных осложнений и, главное, укрепления позиций ненавистного Александру III князя. Осторожность Петербурга в вопросе о создании Сан-Стефанской Болгарии служила дополнительным импульсом к расширению рядов недовольных своей бывшей освободительницей. Политика, проводимая русскими дипломатами после воссоединения Болгарии, подняла к власти Стефана Стамболова, «болгарского Бисмарка».

Александр Баттенберг в конечном итоге освободил престол, сделав все для облегчения положения Болгарии. Время его княжения оказалось трудным для России, Болгарии и его самого.

В Народной Республике Болгарии место его захоронения мало кто знал в Софии. Теперь его именем названа одна из центральных площадей.

Но главное совершалось – шло строительство нового славянского государства. Тогда было непростое время, можно сказать, «разбрасывания камней».

Здесь можно вспомнить сюжет, связанный с разрывом Россией отношений с Болгарским княжеством. Многие исследователи возлагают ответственность на Россию, на Александра III. И в этом есть своя правда. Но здесь можно поразмышлять и о другом, почему сама Россия оказывалась заложницей славянства, как это было видно с чехардой русских министров в болгарском кабинете и дипломатических представителей в Болгарии? Довольно сложны были сюжеты, связанные с позицией России в отношении нового князя Фердинанда Кобургского.

Само его появление в 1887 г. в полунезависимой Болгарии было вызвано «освобождением» болгарского престола Александром Баттенбергом, ставшим одиозной личностью в глазах Александра III. Об этом сюжете написано уже достаточно много, чтобы повторять сказанное. Могу лишь напомнить, что в Санкт-Петербурге после разрыва

с Софией отношений в ноябре 1886 г. считали, что в той обстановке, когда вопрос о кандидатуре на вакантный княжеский престол мог быть решен только при одобрении русской дипломатии, болгары будут вынуждены пойти на поклон к русским. Однако МИД явно просчитался, рассчитывая на быстрый успех. И как ни странно это звучит на первый взгляд, болгарам в этой сложнейшей ситуации помогал вассальный статус. Они могли тянуть дипломатическую игру очень долго с помощью Европы, называвшей русского царя своим «страшилищем». Именно Европа, точнее, Вена, «подарила» болгарам нового князя Фердинанда из дома Кобургов. Для Болгарии и Австро-Венгрии Фердинанд был гораздо более приемлемой фигурой, нежели навязываемая Петербургом фигура русского подданного князя Н. Д. Мингрели, проваленного в Софии, по-прежнему опасавшейся превращения страны в «Задунайскую губернию» России. На князя Фердинанда работали такие факторы, как отказ большинства великих держав поддержать кандидатуру князя Мингрели, само тяжелое положение в Болгарии, где затягивание с избранием князя было чревато очередным прорусским переворотом. Выступая своеобразным спасителем от «русской угрозы», он надеялся, что болгары будут отстаивать его, защищая свой суверенитет. Именно «русская опасность» заставила Софию поспешить с возведением на трон Фердинанда.

Тем не менее Россия не собиралась «оставлять» Болгарию католику, хотя ни в Стамбуле, ни в европейских столицах не желали помогать русской дипломатии в «горючем» болгарском деле, чреватом очередным военным пожаром. Но время показывало правоту царского тезиса, что если Россия может обойтись без Болгарии, то последняя не в состоянии обойтись без России: был отставлен от власти весной 1894 г. Стамболов, в самой стране шли многочисленные митинги с требованиями скорейшего восстановления отношений между Болгарией и Россией. Сам князь Фердинанд ради сохранения своей династии дал свое согласие на крещение 2 февраля 1896 г. своего первенца Бориса по православному обряду (крестным отцом Бориса стал русский царь). Вслед за восстановлением русско-болгарских отношений остальные великие державы поспешили признать законность Фердинанда Кобургского на престоле. Многолетняя тяжба кончилась. Русско-болгарский конфликт был похоронен вместе с Александром III.

Наступали новые времена и для Болгарии и ее князя, награжденного новым императором орденом Св. Владимира I степени. Стремясь «ублаготворить» Россию и «утешить» Болгарию, князь в одном из своих выступлений того времени заговорил об «оживляющих лучах восточной зари в противоположность мертвающему зною западного союза».

Но в целом русская дипломатия поддерживала болгарского монарха. Петербург, сделавший первый шаг в 1896 г., должен был сделать второй в 1908 г., пойдя на признание независимости Болгарии и царского титула Фердинанда. Примеру России не замедлили последовать ее бывший сюзерен и Европа.

Название Третьего Болгарского царства обязывало ко многому: прежде всего к великим делам, к воссозданию Великой Болгарии, к делу «национального объединения», к решению македонского вопроса, решавшегося оружием в Балканских войнах.

В этой ситуации первый шаг к разрешению вопроса «национального объединения» сделала София. Война закончилась ее поражением и Бухарестским мирным договором, отнявшим у болгар уже завоеванное. Для многих болгар виновницей такого исхода стала Россия, ее политика.

Началась Первая мировая война.

Однако обещания России рассчитаться Македонией после войны, в которую надо вступать сейчас, не устраивали Софию, особенно на фоне побед немецкого оружия.

И здесь, безусловно, играло свою роль то обстоятельство, что Россия в войне поддерживала Сербию, соперницу и «обидчицу» болгар в македонском вопросе.

Прогерманские настроения Софии, подогреваемые победами немецкого оружия, гонения русских подданных, отказ идти на союз с Антантой – все это в конечном счете вынудило российского самодержца пойти на решительный шаг. 21 сентября 1915 г. отношения были разорваны. 6 октября Манифестом Николая II Болгарии объявлялась война. В то же время говорить о каком-то «девятом вале» русофобства нельзя. Так, 17-й пехотный полк Доростольский Его Императорского Величества Великого князя Владимира Александровича и 3-й конный полк Ее Императорского Величества Великой княгини Марии Павлов-

ны (жены младшего родного брата императора, находившейся в близких отношениях с матерью князя Клементиной) продолжали сохранять свои наименования. Болгарская пресса, резко нападая на царское правительство, высказывала «наилучшие чувства» русскому народу.

А что же общественное мнение России, с чем оно выступало в те годы? В «Славянских известиях» можно было прочесть следующие строки: «Мы русские... будучи просто славянофилами, имеем одно искреннее желание, чтобы славяне, все без исключения, нашли себе политическое счастье и приблизились, сколько можно, к своему политическому идеалу. Нам безразлично, как устроятся у себя свободные славянские народы... нам желательно видеть всех славян, живущих в мире между собою и блюдущими интересы славянства. Русский царь не ищет новых подданных, а русский народ не нуждается в новых землях. Мы можем взять себе только почти родной нам Царьград и то лишь затем, чтобы никто не мог запирать перед нами созданные Богом ворота в свободное море. Но, будучи старшими братьями в славянской семье, мы, русские, требуем, чтобы остальные славяне имели нас, говоря по-старому, в отца место, и держали русское имя честно и грозно»⁴⁵⁹.

Все так и не так: славянский мир был разорван, а сама Россия изнемогала в войне с «врагами внешними и внутренними», и устроить славянское согласие было совершенно невозможным.

Революции в противоборствующих странах завершили очередной этап истории славянских народов.

Король Фердинанд отрекся от престола 3 октября 1918 г. в пользу своего сына Бориса, князя Тырновского. Время его царствования пришлось на трудное время решения проблемы «национального объединения», волновавшей болгарское общество, не забывшего свою величественную историю, помнившее Сан-Стефанскую Болгарию. Фердинанд оказался в числе побежденных, виновников поражения, даже катастрофы. Однако ему удалось, может быть, главное – оставить на троне своего сына. И прошлое забылось гораздо быстрее, чем пытался пророчествовать Фердинанд. Его «погубила» мечта под именем Сан-Стефанская Болгария.

Многое менялось на политической карте, но подвиг России жил в Болгарии.

Хр. Варгов в заметке «Культурные и политические связи России и Болгарии», опубликованной в «La Bulgarie» и перепечатанной в русском «Голосе», писал, что болгары не забудут ни Тургенева, описавшего любовь русской девушки к болгарскому патриоту, ни влияния митрополита Исидора на Александра II, ни имен Достоевского, Трубецкого, Данченко, описавших энтузиазм русского народа во время войны, ни госпожу Новикову, ее усилий склонить Гладстона к защите болгарских патриотов, ни Игнатьева, ни горечи Аксакова и Скобелева в связи с уничтожением Сан-Стефано. В завершении своей прочувствованной заметки он подчеркивал, что «монументы, воздвигнутые в разных частях страны, есть только слабое выражение того благодарного чувства, которое возникает в сердце каждого болгарина при воспоминании о России. А русскими в наших сердцах заложены монументы, которых время никогда не разрушит. Русские и болгары всегда будут жить братски связанными для счастья обоих народов»⁴⁶⁰.

И здесь бы я еще раз поблагодарил щедрость болгарской души, когда после революций 1917 г., поражения белых армий многие русские беженцы обрели на болгарской земле второй дом, получив возможность работать, учиться, начать вновь семейную мирную жизнь в братской славянской стране. Особенная забота была проявлена болгарским народом, его властями к русским изгнанникам, которые были участниками Освободительной войны. И русские стремились своим трудом, своими знаниями, своим искусством воздать сторицей Болгарии.

Потом будет третья освобождение в 1944 г. И опять будут слышны голоса, что это слово надо писать в кавычках. Странно слышать такое в стране, где так много делалось советскими специалистами и так много было тех, кто искренне верил в то, что его труд вливается в труд его республики.

В 1990-х гг. наступило время очередного освобождения – теперь уже от старой/новой России, стремительно потерявшей свое былое влияние в ходе реформ. Один из примеров – русский язык. Даже во время Второй мировой войны в болгарских училищах изучался русский язык. Эта традиция была нарушена только во время диктатуры Стамболова. С 1992 г. обязательность его изучения была ликвидирована.

Тогда в печати можно было прочесть строки, что главный виновник всех болгарских бед это русские, точнее, «дядо Иван» в болгарских душах. Само «турецкое иго», бывало, плавно трансформировалось в «оттоманское присутствие».

И все же русско-болгарское братство выдержало невзгоды.

Главное – это сохранение памяти в душе.

И здесь одна из задач, стоящих перед теми, кто «делает и пишет историю» не выкинуть вместе с «историческим сором» все то ценное и дорогое, обуславливавшее появление милого слова «братушки»!

Подводя итоги, я хотел бы привести свое определение истории – история это память смертная, обращенная в бессмертие. Я надеюсь, что так же будет бессмертна и связь наших народов, веками ее строивших и упрочивших.

И свой вклад сюда внесли русские, о которых я постарался здесь рассказать.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

- Аверченко А. Т. 82, 150
Агаронян Г. П. 89
Агнивцев Н. Я. 6
Агреньев-Славянский К. Д. 164
Адам А. 166
Аксаков И. С. 194
Александр (Заккис) 34
Александр I Баттенберг 189, 190
Александр II 46, 186, 194
Александр III 141, 189—191
Александров Т. 50
Александров Ф. Г. 50, 75
Алексеев М. В. 38
Алексий I (Симанский) 32, 40, 79
Альбер Э. 178
Альшанский Д. 177
Анастасий (Грибановский) 32
Ангел 52, 53
Ангелова Л. 86
Ангелова М. 86, 87
Андреев В. Л. 172
Андреев Л. Н. 140, 146—148
Антоний (Храповицкий) 36
Антонов Л. 97
Апухтин А. Н. 51
Ард И. 177
Арсений (Стадницкий) 36
Арцишевский А. В. 11, 43, 83, 86
Ахматова А. А. 115, 142

Б

- Багряна Е. 49
Базилевич В. Г. 147

Базилевич Е. Н. 145, 146
Базилевич З. Г. 146, 147
Базилевичи 146, 147
Бакст Л. С. 138
Бакърджиев В. 150
Балабанов Н. Т. 124
Баланчин Дж. 169
Балиев Н. Ф. 136
Балканска Р. 166, 167
Бальмонт К. Д. 115, 122, 124—126, 138, 141
Бальмонты 125
Бартенев (Бартеньев) С. 151
Батюшков И. А. 146
Бежар М. 169
Белковская Е. А. 89
Белобоскин Д. 14
Белый А. 46
Белый В. Я. 169
Бельский С. 151
Беор М. 154
Берзин Р. Ю. 77, 78
Бернштейн А. 148
Берон Л. 165
Бетховен Л. 155
Бикс Р. 174, 175, 178—180
Бирман М. А. 70
Бисмарк О. 190
Бицилли М. 75
Бицилли П. М. 7, 72, 73, 75
Блек М. П. 89
Близнаков Т. 97
Блок А. А. 20, 114, 123, 152
Бобчев С. С. 57—59, 74, 139, 142
Бодуэн де Куртенэ И. А. 75
Бонапарт Н. 69
Борис III 12, 85, 86, 88, 107, 191, 193
Бородин А. П. 153
Ботвинник М. М. 110
Ботев Хр. 127, 132, 133, 139, 186, 188

Бочарова З. С. 67
Бравич К. В. 147
Брусиллов А. А. 38
Будевска А. 140
Бунин И. А. 114—117, 138, 153
Бычваров С. 143

В

Вазов И. 69, 73, 97, 118, 120, 132, 134, 156
Валентино Р. 161
Валентинов В. П. 153
Валя 48
Ван Дайк П. 170
Варгов Хр. 194
Варламов К. А. 140
Васильева М. 178
Васнецов В. М. 12, 88
Ващенко Е. П. 89, 92, 93
Вейсмюллер Дж. 17
Веков Н. Д. 85, 178
Велева М. 57
Вербев Е. 160
Вербев П. Е. 160, 161
Вербева В. П. 160—171
Вербева Василка 160, 161
Верди Дж. 177, 179
Вертинский А. Н. 19, 158
Виктор 117
Викторов-Гопоров В. В. 117
Виктор-Эммануил 85
Вильямс В. Р. 72
Виссонов А. И. 46
Вичев П. 122
Владева Л. 7, 115, 125
Владигеров П. 166
Волконский С. М. 140
Воробьева (Воробьева-Занкова) А. М. 159, 160, 162, 163

Воронова Е. 160
Врангель П. Н. 11, 72

Г

Габе Д. 49
Гамсун К. 144
Ганчев Хр. 138
Ганушев Н. 94
Гарбо Г. 18
Гаристов В. П. 8
Гаутман Г. 148
Гельцер Е. В. 157
Герганов П. 143
Германова М. Н. 147
Гермоген (Максимов) 36
Герцен А. И. 156
Гиштиус З. Н. 17, 106
Гирский А. Н. 184
Гладстон У. 194
Глинская (урожд. Ленинова) А. А. 81
Глинский Б. В. 81
Глинский Н. Б. 81—92, 175
Глизэр Р. М. 137
Глубоковский Н. Н. 7, 76, 78, 79
Гогов С. В. 181
Голубев-Багрянородный Л. Н. 99
Гольдони К. 143
Гордин Я. 148
Городницкий А. М. 100
Горчаков А. М. 144
Горький М. 17, 115, 143, 146
Горяинов А. Н. 7
Горянский Е. К. 152, 177
Готт К. 177
Грабар А. Н. 70
Грабар О. А. 70
Гречанинов А. Т. 137

Грибоедов А. С. 143, 149
Григорьев В. А. 72
Гримм Э. Д. 70—72
Груева (Груева-Маринова) Е. С. 167
Гуревич В. 158
Гурко И. В. 188
Гуцкий С. 149
Гютэль 157

Д

Давыдов В. Н. 138
Дакс Н. А. 154, 172
Данев Ст. 122
Дауэ Б. А. 89
Дебелянов Д. 119, 132, 139
Дебюсси К. А. 166
Делиба Л. 163
Демосфенов С. С. 52
Деникин А. И. 36
Деревенец Н. В. 146
Дертлиева А. 159
Дескова С. С. 167
Дешев И. 160
Джованна 85, 86
Диамандиева Л. 167
Диккенс Ч. 148
Димитрий (Абашидзе) 30
Димитров Кр. 142
Димов И. 143, 145
Динев 45
Дмитревский С. В. 111
Добри-Христова Л. 155
Добровен (Добровейн) И. А. 178
Добровен М. 178
Дольский Д. М. 150
Достоевская А. Г. 142
Достоевский Ф. М. 69, 194
Драгостинова Е. В. 167

Дуван-Торцов И. Е.(Э.) 144, 145
Дункель Е. Б. 98
Дурылина Н. 139
Дылевский Н. М. 55, 75
Дягилев С. П. 157, 179

Е

Евдокимов А. П. 76
Евдокия 88
Евстатиев Е. Е. 169
Егорова Л. Н. 163
Екатерина 97
Елин-Пелин (наст. фамилия Иванов Д.) 139
Ермольев И. Н. 174
Есауленко 184
Есенин С. А. 46, 136, 167

Ж

Жабчинский (Жабринский?) Е. 150, 172
Жаров С. А. 19
Ждановский Е. 91, 175
Жейнов И. 7
Железова Н. 117
Живков Т. 171
Жуков Л. 158
Жуковский В. А. 46

З

Завьялов В. В. 57, 62, 117
Зайцев И. А. 146
Занков А. 159
Зарудная В. 175
Заутова Н. 184
Захарчук Ю. П. 9—11
Зимин С. И. 174, 175, 177, 178
Златарский В. 72, 80

Злагин М. М. 153, 174, 179
Зографов Б. 139
Золотаревы 81
Золотович П. 176
Зорина Т. 28
Зорич Ю. Г. 146
Зощенко М. М. 146
Зубов Н. 142

И

Ибсен Г. 143, 148
Иванов В. И. 99
Иванов Г. В. 19
Иванова П. К. 119
Иванцов И. В. 152, 153, 174, 179
Игнатова Е. Б. 167
Игнатъев Н. П. 188, 194
Иоанникий 33, 175
Исидор (Никольский) 194

Й

Йовков Й. 139, 143
Йорданова З. 143

К

К. Р., см. Константин Константинович
Казем-Бек А. Л. 109
Калина-Малина 49
Калинников И. М. 47, 72
Калугины 16
Калужский В. В. 81
Камарова Н. 75
Каменова А. 140
Камкин А. 15
Каназирска М. 139
Кант И. 54

Капитонов В. 185
Каравелов Л. 186
Карацупа Н. Ф. 110
Каренин К. И. 87, 175, 177
Карнеева З. 160
Карпов Г. Г. 79
Карсавин Л. П. 64
Карсавина Т. П. 99, 157, 172
Касабов И. 150
Кастро ди 151
Каталей 12
Катилина Луций Сергей 73
Катранов Н. 169
Каульбарс А. В. 189
Качалов В. И. 146, 147, 158
Келин Н. А. 128
Кинкель И. Г. 74
Кирилл Владимирович 107, 108
Кирова В. Л. 7. 167, 169—171
Кисимов К. 143
Клевцова Е. В. 7
Клементина 193
Книппер-Чехова О. Л. 158
Князев 172
Ковалевский В. П. 89
Коклин Д. 89
Колосовский 16
Комаров Е. Е. 184
Комиссаржевская В. Ф. 147
Комиссаржевский Ф. Ф. 147
Кондаков Н. П. 63, 117
Коненков С. Т. 135
Константин Константинович 138, 140
Корман 170
Костов А. И. 23
Костов Ст. Л. 143
Котляревский Н. А. 138
Кравец-Кравцов С. С. 25
Краинский Н. В. 36

Кралин М. 115
Краснов Н. П. 146
Краснопольская Е. Ф. 143
Крылов Д. Д. 57, 62
Крылов И. Г. 88
Кузмин М. А. 68
Кузьмина В. П. 47—49, 162
Кулешов Л. В. 149
Куприн А. И. 9, 11, 115, 122, 138
Курагин Д. С. 152, 177
Курчагов И. В. 55
Курчагов М. С. 55
Кустодиев Б. М. 92
Кушнаревский Н. К. 89
Кушнер А. 151
Кьосева Цв. 7, 81, 181

Л

Лавин Л. 149
Лаже Н. 89
Лазаренко И. Т. 89
Лазаркевич А. В. 96
Лазаркевич В. В. 89, 95—98
Лазаркевич В. В. (младший) 97
Лазаркевич В. К. 96
Лазаркевич Е. П. 96
Лазаркевич М. В. 96
Лазаров И. 140, 164
Лансере Е. Е. 89, 92
Ларин Н. 149, 150
Лаудон 151
Левков В. 165
Левкова Е. В. (в замужестве Бесчастнова) 7, 163—166
Левски В. 186, 188
Ленин 168
Ленин В. И. 183
Ленский В. 154
Леонидов Л. М. 158

Лепешинская О. В. 165
Лермонтов М. Ю. 139
Лесел Н. 49
Лесков Н. С. 146
Либерт Л. 89
Ливен Андрей 34
Лидия Карловна 117
Лилиев Н. 119, 141
Липковская Л. 179
Лифарь С. М. 159, 163, 170
Лондон Дж. 97
Лорен Е. С. 150, 154, 171
Лукаш Ив. 99
Лукашевич-Александрова В. Ю. 162
Любенова Л. 7, 8
Людмила Николаевна 162
Лядов А. К. 166

М

Македонский А. 16
Македонский Ст. 178
Маклаков В. А. 138
Максимов 49, 50
Максимова Ю. Д. 146
Максимович 27
Малецкий М. М. 89
Малиновский М. 153
Малявин Ф. А. 94
Мамай 69
Мамонтов С. И. 179
Манько 15
Маньковский А. Ф. 57, 62
Маринов Н. 89, 90, 94
Мария 77
Массалитинов Н. О. 7, 34, 84, 85, 143, 146, 148, 184
Масальская Н. 150
Масани 149
Матвеева И. В. 43, 44

Махно Н. И. 30
Маяковский В. В. 46, 184
Медведев А. К. 57
Мейерхольд В. Э. 92, 146, 147
Мережковский Д. С. 46
Мессерер А. М. 170
Метерлинк М. 143, 146—148
Мещерский А. П. 6, 16, 61, 71, 73, 75
Милев Г. 125
Миленков А. 85
Милошев С. 122
Мингрелии Н. Д. 191
Минков Св. 95
Минкова Г. 95, 97
Минкус Л. 166
Михайлов П. 19
Мишайков Д. 122
Мишев Г. 97
Мишин А. Ф. 91
Модести 151
Мозжухин И. И. 18, 158
Молчанов К. В. 180
Молчанова Н. М. 146
Момчилов К. 137
Мордкин М. М. 157—159
Мотт-Дж. 80
Мочульский К. В. 67, 70, 117
Мулюкин А. С. 61
Муромцева В. Н. 115
Мусоргский М. П. 153, 174, 177
Мустанова М. В. 154, 177
Мякотин В. А. 74, 75
Мякотина Е. В. 74
Мятлев И. П. 126

Н

Невейнова А. М. 93
Немирович-Данченко В. И. 115, 194

Непокойчицкий 150
Нижинская Б. Ф. 159, 162
Нижинский В. Ф. 157, 159
Никиш А. 174
Николай (Шелехов) 93, 94
Николай II 36, 107, 141, 192
Николай Николаевич 38
Николов А. 120
Нилов И. П. 45, 47
Новикова О. А. 194
Новожилов Е. В. 184
Новосильцева В. С. 47
Нуреев Р. Х. 170

О

Обрешкова Е. 140
Ольга Михайловна 48
Омарчевский 70
Орлицкий Б. 154
Осипов Ив. 178
Островский А. Н. 143, 146

П

Павлова А. П. (М.) 157, 158
Павловская Э. К. 179
Паганацци 27
Падеревский И. Я. 163
Паисий 40
Панова Б. 168
Парнок С. Я. 136
Паскалев 122
Патек В. В. 71
Пелагея 14
Пенев Б. 117
Перминов В. Т. 98
Петкова Г. 148
Петр 168

Петр Великий 156
Петренко А. 75
Петренко О. 48
Петров А. 166
Петров Е. Д. 181
Петров И. 94
Петров С. И. 94
Петровский Ф. А. 51
Петрункевич И. И. 138
Пехливанов Й. 138
Пехливанова В. В. см. Пушкарева В. В.
Пизан де К. 129
Пикфорд М. 18
Пинус С. (наст. фамилия Серапин) 128, 132, 154
Пионтковская В. И. 153
Пиранделло Л. 143
Писарев Р. 22
Писарева Л. 167, 169
Платунов А. В. 146
Плевицкая Н. В. 19
Плисецкая М. М. 170
Погорелов В. А. 67
Полевицкая Е. А. 145
Полякова М. Н. 38
Померанцев Ю. Н. 174
Попдимитров Е. 119, 125
Попов А. 22
Попов А. Н. 91
Попов Асен 90
Попов Н. М. 57
Попов Саша 153
Попов Хр. 87, 90
Попова М. 143
Попруженко М. Г. 73, 117
Поснов М. Э. 76
Похлебин И. 89
Преображенская О. И. 163—165
Преображенский М. Т. 98
Прихода Ф. 15

Прокофьев Н. И. 89
Проценко 151
Пунев О. 7
Пуччини Дж. 179
Пушкарева В. В. 137—141, 143
Пушкин А. С. 16, 54, 83, 139, 156
Пчелинцева Т. К. 7, 162
Пишибышевский Ст. 147, 148

Р

Разгонова Н. Н. 89
Разсадова А. 150, 151
Ракитин Н. 125, 132
Раковский Г. 186
Рамов Б. 149
Ран Босилек (наст. фамилия Негенцов Г. С.) 97
Ратгауз Д. М. 99
Ратиев А. Л. 7, 10, 16, 28, 74, 78, 145, 181
Ратиев Л. 182
Рахманинов С. В. 153
Редигер А. Ф. 189
Редель А. А. 158, 159
Ренкевич С. Е. 89
Ренненкампф Вл. 58
Репин И. Е. 138, 141
Речинский А. П. 89
Римский-Корсаков Н. А. 87, 174, 179
Рихтер С. Т. 110
Робева Н. 168
Родичев Ф. И. 138
Рожков С. А. 8, 80, 182
Розенберг Б. 11, 49
Розенблат Й. 150
Ростовцев Н. Е. 90, 91, 98
Рубинштейн А. Г. 163
Рубинштейн И. Л. 159
Рупчева Г. 7
Рысс П. Я. 116

С

- Савина М. Г. 140
Савицкий П. Н. 63
Садовский М. 180
Саевский М. 142
Сальвини Т. 140
Самсонов А. В. 38
Сарафов Кр. 138, 140, 143
Сахновская Е. 149, 154
Свешников Н. Н. 146
Свободин В. П. 150
Северянин И. 63, 99, 124, 126
Секачев Г. А. 60
Селецкий А. А. 89
Семеновский Д. Н. 136
Сенека Луций Анней 54
Серафим (Лукьянов) 32
Серафим (Соболев) 11, 29, 30, 32, 33, 39, 93
Серафима (Ольга Андреевна Ливен) 33, 34
Сергий (Страгородский) 32
Серпинская Н. А. 136
Симонов К. М. 151
Синельников Н. Н. 144
Синьковский Н. П. 150
Скибин Ж. 170
Скобелев М. Д. 188, 194
Скокан 150, 152
Скокан А. О. 152
Скокан Е. О. 151, 152
Скокан М. О. 152, 177
Скрябин А. Н. 174
Славейков Пенчо 120, 139
Славейков Петко 132, 139
Сладкаров А. 92, 145
Сладкарова И. 145
Смирнов Д. А. 179
Смирнов П. А. 23
Снегаров И. 76

Соболев Л. Н. 189
Соколов К. Н. 71, 73
Соловцов Н. Н. 144
Солоневичи 175
Сомов К. А. 86, 138
Соня 60
Софроний Врачанский 186
Софронов П. М. 93
Софья 160, 161
Спасов Л. 122, 142
Спасовски Хр. 97
Ставровский Н. 75
Стайнов П. 39
Сталин 168
Сталин И. В. 110, 183
Стаматов Г. 143
Стамболийский А. 10, 58
Стамболов С. 190
Станиславский К. С. 138, 140, 146, 147
Станишева М. 154
Станчев 122
Станчев А. 160
Старостины 110
Стаханов А. Г. 110
Степанов С. 89
Степун Ф. А. 99
Стефан 23
Стефан (Шоков) 29, 37, 59
Стефанов А. П. 46
Стоицев П. 160
Столетов Н. Г. 188
Столица (в девичестве Ершова) Л. Н. 134—137
Стоянов И. А. 110
Стоянов Л. 132
Стоянов Р. 143, 149
Странски И. 72
Сувчинский П. П. 63
Суханов 27

Т

- Танеев С. И. 174
Танеев Т. 143
Тарновская Т. 19
Тарновский Н. 160
Тацит Публий Корнелий 54
Тачев Х. 83
Теллалова Е. 160
Терабрамов К. Н. 150, 152
Тимашова Е. 177
Тимофеев А. П. 89
Тинин И. Г. 7, 11, 17, 19, 33, 38, 45, 46, 52, 72, 93, 107, 176, 183, 184
Тинтеров В. 132
Типлицкий К. 184
Тихомиров В. Д. 157
Тихон (Беллавин) 30, 31, 36, 149
Тихонова Т. 142
Тодоров Т. 59
Толстой А. Н. 99
Толстой Л. Н. 46, 80, 81, 97, 139, 140, 146
Торганов М. 155
Торнев П. 168
Тотева В. 75
Трейман 76
Трендафилов В. 143
Триве В. В. 146
Троилин С. А. 177
Трояновский Б. С. 150
Трубецкой 194
Трубецкой Н. С. 63, 64, 66, 67
Тулинова Е. В. 160, 161
Тулман Р. 175
Тургенев И. С. 169

Ф

- Фалл 172
Фатьянов Н. 177

Федоров А. М. 89, 113—115, 117—122, 137, 138, 141
Федоров К. Ф. 146
Фердинанд Сакс-Кобург-Готский 12, 190, 193
Фивейский П. 60
Филипповская Н. П. 151
Флакк Квинт Гораций 51
Флоровская В. А. 60
Флоровская К. В. 50, 61, 72, 73
Флоровский А. В. 50, 60, 61, 67, 72
Флоровский Г. В. 63, 68
Фомин С. В. 36
Фонтейн М. 170
Формаш Н. Д. 184
Фосбах М. 149
Франк С. 155
Фрачи К. 170
Фроман Макс. 87, 157
Фроман Маргарита 157, 158

Х

Хаксли О. 188
Харютина Л. Н. 84
Хачатурян А. И. 166
Хемингуэй Э. 170
Ховрина Н. 75
Ходасевич Вл. Ф. 99, 135
Холодная В. В. 136
Холфин Н. С. 166
Хранов В. 24
Христинзен 184
Христов К. 132
Хрущев Н. С. 185

Ц

Цанков А. 58, 72, 75, 110
Цветкова Л. 7
Цветаева М. И. 17, 25, 119

Цения 97
Церель В. 48
Цетлина М. С. 117
Цицерон Марк Туллий 73
Цицианов А. 184
Цыбулевский М. 72

Ч

Чабукиани В. М. 170, 171
Чагин 150
Чайкин В. Н. 71
Чайковский П. И. 153, 166, 176, 177
Чебышев Н. 47
Ченгер Н. 77
Червенков В. 166
Черкасский В. А. 187
Черкез 172
Черкезов И. 146
Чернецкая 76
Чехов А. П. 6, 46, 143, 146, 147
Чилингиров Ст. 113, 117, 119, 125, 131, 132
Чингисхан 109
Чириков Е. Н. 118, 120, 122
Чкалов В. П. 110
Чумаченко А. 136
Чумаченко В. П. 77, 182
Чумаченко П. В. 77

Ш

Шавельский Г. И. 29, 34—38, 44, 67, 80
Шаляпин Ф. И. 86, 87, 140, 159, 175—177
Шамин С. В. 89
Шамраев С. 14
Шац Л. Б. 89
Шверубович В. В. 144
Шекспир У. 143, 146

Шелехов Г. Н. см. Николай (Шелехов)
Шервашидзе Г. 184
Шишманова Л. М. 90
Шопен Ф. 155, 163
Шпиллер В. Д. 29, 38—41, 79
Шпиллер Д. А. 38
Шполянский (Дон Аминадо) А. П. 17—19, 21, 64, 147
Штейгер А. С. 106
Штраус Й. 158
Шуберт Ф. 154, 155
Шувалов А. 153
Шульц Л. 121
Шульгин В. В. 23
Шухаев В. Я. 94

Э

Эгерт (Егерт) В. И. 89
Эпштейн Е. 158

Ю

Юренев Г. М. 175
Юренева В. 136
Юрковская Хр. 89
Юрьева З. Г. 146
Юшкевич С. С. 147, 148

Я

Яворов П. 119, 120, 132
Якобсон Р. О. 67
Яковлев Ю. 145
Яковлев Ю. В. 145
Яковлева М. А. 151, 153
Янакиев А. 149
Янишевский А. Э. 61
Ярцев П. М. 143, 147—149

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Русь. 1922, 3 сентября. № 19. С. 2.

² *Дон Аминадо*. Поезд на третьем пути. М., 2006. С. 124.

³ *Вопль*. 1929, март. № 1 С. 1.

⁴ *Ратиев А.*, кн. То, что сохранила мне память. Мемуары. София, 1999. С. 477-478.

⁵ *Розенберг Б.* Изтръгнати и посадени. България-Израел. Животът на четири поколения. (1874–1948). София, 1997. С. 29–30.

⁶ *Тинин И.* Бытие Исход Второзаконие (история глазами очевидца): Династия Тининых и иже с ними Воспоминания. Волгоград, 2001. С. 20–22.

⁷ Там же. С. 34.

⁸ *Каменский В.* Воспоминания курьера ген. Врангеля // Военно-исторический вестник, 1958. № 12. С. 25–26.

⁹ *Дон Аминадо*. Поезд на третьем пути. С. 235.

¹⁰ Русь. 1923, 28 февраля. № 56. С. 4.

¹¹ Там же. 4 апреля. № 71. С. 4.

¹² Там же. 7 марта. № 59. С. 4.

¹³ Там же. 30 декабря. № 230. С. 4.

¹⁴ Там же. 10 октября № 170. С. 4.

¹⁵ Там же. 28 февраля. № 56. С. 4.

¹⁶ *Голос*. 1930, 10 апреля. № 225. С. 4

¹⁷ Русь. 1923, 18 марта. № 64. С. 4.

¹⁸ *Розенберг Б.* Изтръгнати и посадени. С. 31.

¹⁹ *Русская жизнь*. 1925, 2 августа. № 7. С. 4.

²⁰ Русь. 1923, 6 мая. № 85. С. 4.

²¹ *Матвеева И. В.* Из жизни русской эмиграции в Болгарии: отрывки воспоминаний. Вступит. слово и коммент. А. Н. Горяинова // Славянский альманах, 2004. М., 2005. С. 522.

²² *Голос*. 1930, 1 июня. № 239. С. 1.

²³ *Матвеева И. В.* Из жизни русской эмиграции в Болгарии. С. 525.

- ²⁴ Там же. С. 524.
- ²⁵ *Любенова Л.* Моите разговори // Доайенът Юбилеен сборник, посветен на 100-годишнината на проф. Николай Михайлович Дилевски. София, 2004. С. 519–520.
- ²⁶ *Ратиев А.* кн. То, что сохранила мне память. С. 582.
- ²⁷ Там же. С. 582.
- ²⁸ Русь. 1923, 6 мая. № 85 С. 4.
- ²⁹ Там же. 8 июля. № 116. С. 4.
- ³⁰ Там же. 20 мая. № 91. С. 4.
- ³¹ *Тинин И.* Бытие Исход Второзаконие. С. 45, 46.
- ³² Там же. С. 229–230.
- ³³ *Матвеева И. В.* Из жизни русской эмиграции в Болгарии. С. 522.
- ³⁴ *Дон Аминадо.* Поезд на третьем пути. С. 114.
- ³⁵ *Матвеева И. В.* Из жизни русской эмиграции в Болгарии. С. 522, 530.
- ³⁶ *Тинин И.* Бытие Исход Второзаконие. С. 46.
- ³⁷ *Матвеева И. В.* Из жизни русской эмиграции в Болгарии. С. 528.
- ³⁸ *Дон Аминадо.* Поезд на третьем пути. С. 229.
- ³⁹ *Матвеева И. В.* Из жизни русской эмиграции в Болгарии. С. 494–495.
- ⁴⁰ Вошь. 1929. № 1. С. 2.
- ⁴¹ Русь. 1923, 18 марта. № 64. С. 4.
- ⁴² Там же. 1928, 19 октября. № 1657. С. 1.
- ⁴³ Русское дело. 1922, 15 февраля. № 74. С. 1, 4.
- ⁴⁴ Русь. 1923, 30 ноября. № 204. С. 4.
- ⁴⁵ Там же. 18, 23 марта, 15 апреля. № 64, 66, 76. С. 4.
- ⁴⁶ Там же. 20 мая. № 91. С. 4.
- ⁴⁷ Там же. 8 июля. № 116. С. 4.
- ⁴⁸ Там же. 2 декабря. № 206. С. 1.
- ⁴⁹ *Шульгин В.* 1921 год // Континент. 2002. № 114. С. 288.
- ⁵⁰ *Ратиев А.* кн. То, что сохранила мне память. С. 512.
- ⁵¹ Там же. С. 472–473.
- ⁵² Русь. 1923, 6 мая. № 85. С. 4.

- ⁵³ Там же. 20 мая. № 91. С. 4.
- ⁵⁴ Там же. 1928, 19 октября. № 1657. С. 4.
- ⁵⁵ Там же. 1923, 20 мая. № 91. С. 4.
- ⁵⁶ Русское дело. 1922, 15 февраля. № 74. С. 4.
- ⁵⁷ Новая Россия. 1922, 10 декабря. № 16. С. 4.
- ⁵⁸ Россия. 1920, 1 декабря. № 53. С. 2.
- ⁵⁹ Русь. 1923, 2 декабря. № 206. С. 1.
- ⁶⁰ Там же. 28 февраля. № 56. С. 4.
- ⁶¹ Там же. 17 октября. № 173. С. 4.
- ⁶² Русское дело. 1922, 26 февраля. № 79. С. 1.
- ⁶³ Русь. 1923, 7 марта. № 59. С. 4.
- ⁶⁴ Там же. 25 мая. № 93. С. 3.
- ⁶⁵ *Ратиев А.* князь. То, что сохранила мне память. С. 556.
- ⁶⁶ *Матвеева И. В.* Из жизни русской эмиграции в Болгарии: отрывки воспоминаний // Славянский альманах, 2003, М., 2004. С. 497.
- ⁶⁷ Там же. С. 496.
- ⁶⁸ Там же. С. 498–501.
- ⁶⁹ *Ратиев Л. А.* Князь Александр Леонидович Ратиев и его архив // Бялата емиграция в България. София, 2001. С. 407.
- ⁷⁰ Казино (Элизард) (<http://www.stihi.ru/poems/2005/12/27-34.html>)
- ⁷¹ *Ивинский Б.* Среди братьев // Русские в Болгарии. София, 1923. С. 50.
- ⁷² ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 16. Л. 72; Д. 419. Л. 125, 147; Д. 576. Л. 92–93. 95–96, 100–101; ЖМП. 1950. № 4. С. 21–28; Русские писатели эмиграции: биографические сведения и библиография их книг по богословию, религиозной философии, церковной истории и православной культуре, 1921–1972 / Сост. Ник. Зернов. Boston, 1973. С. 117; Святитель Серафим (Соболев) // Православная жизнь, 2002, № 6; *Косик В. И.* Русская Церковь в Болгарии (1940–1950-е годы) // Славяноведение. 2003. № 6. С. 85–93; *Кострюков А. А.* Организация Церковного управления за границей и его отношения с Московской Патриархией при жизни святителя Тихона. Дипломная работа. М., ПСТБИ, 2004. С. 112–113, 115–116.
- ⁷³ *Тинин И.* Бытие Исход Второзаконие. С. 51.

⁷⁴ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 974. Л. 41, 81. Д. 841. Л. 9, 42; Православная Русь. 15/28 марта 1998. № 6. С. 11–12; 1/14 февраля 2001. № 3. С. 4; 1/14 июля 2004. № 13. С. 8–9.

⁷⁵ Тинин И. Бытие Исход Второзаконие. С. 52.

⁷⁶ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 132. Л. 32. Д. 419. Л. 195; Русские писатели эмиграции: биографические сведения и библиография их книг по богословию, религиозной философии, церковной истории и православной культуре 1921–1972 / Сост. Ник. Зернов. Boston, 1973. С. 146; *Вениамин (Федченко)*, митрополит. На рубеже двух эпох. М., 1994. С. 19; *Бокач Ф.* Протопресвитер Георгий Шавельский // Церковно-исторический вестник. 1998. № 1. С. 98–110; Священный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Обзор деяний Первая сессия / Сост.: А. Г. Кравецкий, А. А. Плетнева, Г. А. Шредер, Г. Шульц / Под общ. ред. Проф. Г. Шульца. М., 2002. С. 103; Русский вестник. 2003. № 24. С. 12–14; *Кострюков А. А.* Организация Церковного управления за границей и его отношения с Московской Патриархией при жизни святителя Тихона. Дипломная работа. М., ПСТБИ, 2004. С. 22–23; *Кострюков А. А.* Протопресвитер Георгий Шавельский и Карловацкий Синод // Церковь и время. 2006. № 1 (34).

⁷⁷ Тинин И. Бытие Исход Второзаконие. С. 53–54.

⁷⁸ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1.; *Шпиллер Вс.*, прот. Из доклада министру иностранных дел и вероисповеданий Болгарии по вопросу об отделении церкви от государства (август 1945 г.); Доклад Комиссии по отделению церкви от государства по вопросу гражданского брака; К вопросу о брачно-правовой реформе / Пер. с болг. И. Шпиллера, коммент. И. В. Щелкачевой // Богословский сборник. Вып. 1. М., 1997. С. 79–141; *Шпиллер И. В.* Воспоминания об о. Всеволоде Шпиллере. 2-е изд. М., 1995; О. Всеволод Шпиллер. Страницы жизни в сохранившихся письмах / Сост. и коммент. И. В. Шпиллер. М., 2004.

⁷⁹ *Матвеева И. В.* Из жизни русской эмиграции в Болгарии: отрывки воспоминаний // Славянский альманах, 2003, М., 2004. С. 503–504.

⁸⁰ *Фивейский П.* Болгария // Русский учитель в эмиграции: Сб. статей. Прага, 1926. С. 67.

⁸¹ *Горяинов А. Н.* Учебные заведения русской эмиграции в Болгарии. С. 183, 184, 189, 190.

⁸² Там же. С. 182.

⁸³ Там же. С. 188–189.

⁸⁴ *Матвеева И. В.* Из жизни русской эмиграции в Болгарии: отрывки воспоминаний // Славянский альманах, 2003, М., 2004. С. 511.

⁸⁵ *Тинин И.* Бытие Исход Второзаконие. С. 52–53.

⁸⁶ Там же. С. 74 – 75.

⁸⁷ Там же. С. 201.

⁸⁸ Там же. С. 58.

⁸⁹ *Тинин И.* Бытие Исход Второзаконие. С. 62.

⁹⁰ *Матвеева И. В.* Из жизни русской эмиграции в Болгарии: отрывки воспоминаний // Славянский альманах 2003, М., 2004. С. 507–508.

⁹¹ Незабываемые могилы. Т. 6. Кн. 2. М., 2006. С. 189.

⁹² *Матвеева И. В.* Из жизни русской эмиграции в Болгарии: отрывки воспоминаний // Славянский альманах 2003, М., 2004. С. 508.

⁹³ *Тинин И.* Бытие Исход Второзаконие. С. 35.

⁹⁴ *Любенова Л.* Моите разговори. С. 517.

⁹⁵ Незабываемые могилы Т. 5. М., 2004. С. 138.

⁹⁶ *Пчелинцева Т. К.* Русская Смешанная Гимназия В. П. Кузминой в г. Софии (Лицей В. П. Кузминой) / Текст получен по интернету от председателя правления «Русского академического союза в Болгарии» С. А. Рожкова.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ *Розенберг Б.* Изтръгнати и посадени. С. 50–51.

¹⁰¹ Цит. по: *Розенберг Б.* Изтръгнати и посадени. С. 57.

¹⁰² *Фивейский П.* Болгария // Русский учитель в эмиграции. С. 66.

¹⁰³ *Савина Г. А.* «Пусть барахтаются...»: К истории «одесской высылки» за рубежом // Диаспора III Новые материалы. Париж-Санкт-Петербург, 2002 С. 338; Аксенова Е. П. Вдали от родных берегов (Об условиях жизни и работы русских ученых в первые годы эмиграции) // Славянский альманах, 1997, М., 1998. С. 177.

¹⁰⁴ *Савина Г. А.* «Пусть барахтаются...». С. 347.

¹⁰⁵ Там же. С. 346.

¹⁰⁶ Там же. С. 338.

¹⁰⁷ *Горяинов А. Н.* Учебные заведения русской эмиграции в Болгарии. С. 189–190.

¹⁰⁸ *Бирман М.* Русская эмиграция в Болгарии (в науке, культуре и просвещении) // Новый журнал, 2000, № 218. С. 173.

¹⁰⁹ *Матвеева И. В.* Из жизни русской эмиграции в Болгарии: отрывки воспоминаний // Славянский альманах, 2003, М., 2004. С. 513, 514.

¹¹⁰ *Тинин И.* Бытие Исход Второзаконие. С. 80–81.

¹¹¹ Цит. по: *Тинин И.* Бытие Исход Второзаконие. С. 36.

¹¹² *Матвеева И. В.* Из жизни русской эмиграции в Болгарии: отрывки воспоминаний. Вступит. слово и коммент. А. Н. Горяинова // Славянский альманах, 2004. М., 2005. С. 516.

¹¹³ *Рупчева Г.* Жизнен и професионален път на професор Николай Михайлович Дилевски // Доайенът . Юбилеен сборник, посветен на 100-годишнината на проф. Николай Михайлович Дилевски. София, 2004. С. 18–21.

¹¹⁴ *Велева М.* Българската съдба на проф. П. М. Бицилли. София, 2004. С. 28–30

¹¹⁵ *Васильев К. К.* Врачи в Русском зарубежье. Ч. II // Русская газета № 25/2005. . (<http://russkayagazeta.com/rg/gazeta/fullstory/emigr1/>)

¹¹⁶ *Мещерский А. П.* Из заметок и материалов. С. 453.

¹¹⁷ *Велева М.* Българската съдба на проф. П. М. Бицилли. С. 21–22.

¹¹⁸ *Каназирска М.* Вклад русской эмиграции в духовную жизнь в Болгарии // Бялата емиграция в България. С. 204.

¹¹⁹ *Ренненкамф Вл.* Моята първата среща със С. С. Бобчев и моите първи впечатления в София // Юбилеен сборник издаден по инициативата на юридическия факултет при Софийския университет в чест на С. С. Бобчев по случай петдесетгодишната му научна, публицистична и обществена дейност. София, 1921. С. 9.

¹²⁰ Там же. С. 11–12.

¹²¹ Там же. С. 302.

¹²² Там же. С. 321.

¹²³ *Матвеева И. В.* Из жизни русской эмиграции в Болгарии: отрывки воспоминаний // Славянский альманах, 2004, М., 2005. С. 525.

¹²⁴ *Фивейский П.* Болгария // Русский учитель в эмиграции. С. 71.

¹²⁵ *Савина Г. А.* «Пусть барахтаются...». С. 326.

¹²⁶ Там же. С. 327.

¹²⁷ Там же. С. 317.

¹²⁸ Там же. С. 328.

¹²⁹ *Любенова Л.* Моите разговори. С. 521.

¹³⁰ *Савина Г. А.* «Пусть барахтаются...». С. 328.

¹³¹ Там же. С. 337.

¹³² Там же.

¹³³ Там же. С.359.

¹³⁴ Там же. С. 303.

¹³⁵ Там же. С. 308.

¹³⁶ *Пунев О.* Проф. Александр Федорович Маньковский // Русская газета № 49/2005.

(<http://russkayagazeta.com/rg/gazeta/fullstory/msu/>)

¹³⁷ *Дон Аминадо.* Поезд на третьем пути. С. 284.

¹³⁸ *Трубецкой Н. С.* Европа и человечество. София, 1920. С. 1–4.

¹³⁹ Там же. С. 79 – 81.

¹⁴⁰ *Любенова Л.* Моите разговори. С. 521–522.

¹⁴¹ *Бочарова З.* Жизнь Н. С. Трубецкого по письмам другу Р. О. Якобсону //Русская газета № 30 (101), София, 2005 (<http://russkayagazeta.com/rg/gazeta/fullstory/live-trub>)

¹⁴² Цит. по: *Аксенова Е. П.* Вдали от родных берегов (Об условиях жизни и работы русских ученых в первые годы эмиграции) // Славянский альманах 1997. М., 1998. С. 172.

¹⁴³ *Бочарова З.* Жизнь Н. С. Трубецкого по письмам другу Р. О. Якобсону.

¹⁴⁴ *Бирман М.* Русская эмиграция в Болгарии. С. 172.

¹⁴⁵ *Каназирска М.* Вклад русской эмиграции в духовную жизнь в Болгарии // Бялата емиграция в България. С. 205.

¹⁴⁶ Там же. С. 206.

- ¹⁴⁷ *Достоевский Ф. М.* Полн. Собр. Соч. в 30 т. Т. 26. Ленинград, 1984. С. 79.
- ¹⁴⁸ *Каназирска М.* Вклад русской эмиграции в духовную жизнь в Болгарии. С. 208.
- ¹⁴⁹ *Бирман М.* Русская эмиграция в Болгарии. С. 172.
- ¹⁵⁰ *Любенова Л.* Моите разговори. С. 513.
- ¹⁵¹ *Меццерский А. П.* «Из заметок и материалов. С. 452.
- ¹⁵² *Любенова Л.* Моите разговори. С. 520–521; *Меццерский А. П.* Из заметок и материалов. С. 448, 452.
- ¹⁵³ *Меццерский А. П.* Из заметок и материалов. С. 454–457.
- ¹⁵⁴ *Любенова Л.* Моите разговори. С. 521.
- ¹⁵⁵ *Григорьев П. А.* Воспоминания об отце. Владимир Александрович Григорьев // Русская газета № 51/2004 (<http://russkayagazeta.com/rg/gazeta/fullstory/vospominanie>)
- ¹⁵⁶ *Савина Г. А.* «Пусть барахтаются...». С. 310.
- ¹⁵⁷ *Тинин И.* Бытие Исход Второзаконие. С. 59.
- ¹⁵⁸ *Любенова Л.* Моите разговори. С. 517.
- ¹⁵⁹ Там же.
- ¹⁶⁰ Там же. С. 512.
- ¹⁶¹ Там же. С. 523, 526.
- ¹⁶² *Ратиев А.* кн. То, что сохранила мне память. С. 508.
- ¹⁶³ Там же. С. 534.
- ¹⁶⁴ *Любенова Л.* Моите разговори. С. 518.
- ¹⁶⁵ *Семья и судьба Венедикта Мякотина* (<http://www.svobodanews.ru/Transcript/200709/03/20070903124034727.html>)
- ¹⁶⁶ *Тинин И.* Бытие Исход Второзаконие. С. 81.
- ¹⁶⁷ *Любенова Л.* Моите разговори. С. 518.
- ¹⁶⁸ *Йотов Ц.* Андрей Петрович Евдокимов и кафедра «Руска филология» в СУ «Св. Климент Охридски» // Бялата емиграция в България. С. 233, 234, 235.
- ¹⁶⁹ *Велева М.* Българската съдба на проф. П. М. Бицилли. С. 19–20.
- ¹⁷⁰ *Матвеева И. В.* Из жизни русской эмиграции в Болгарии: отрывки воспоминаний // Славянский альманах, 2003, М., 2004. С. 499.
- ¹⁷¹ Там же. С. 501

¹⁷² Династии Русского зарубежья: семейство Чумаченко в Болгарии. Интервью Председателя «Русского Академического союза в Болгарии» Сергея А. Рожкова с проф. Чумаченко // Прислано С. А. Рожковым автору.

¹⁷³ Цит. по: Династии Русского зарубежья: семейство Чумаченко в Болгарии.

¹⁷⁴ Там же.

¹⁷⁵ *Цветкова Л.* Больница Русского Красного Креста // Русская газета № 31/2005 (<http://russkayagazeta.com/rg/gazeta/fullstory/bolnitsa>)

¹⁷⁶ *Цветкова Л.* Больница Русского Красного Креста // Русская газета № 32/2005 (<http://russkayagazeta.com/rg/gazeta/fullstory/bolnitsa>)

¹⁷⁷ *Матвеева И. В.* Из жизни русской эмиграции в Болгарии: отрывки воспоминаний // Славянский альманах, 2003, М., 2004. С. 501–502.

¹⁷⁸ *Ратиев А.* кн. То, что сохранила мне память. С. 545.

¹⁷⁹ *Цветкова Л.* Больница Русского Красного Креста // Русская газета № 33/2005

(<http://russkayagazeta.com/rg/gazeta/fullstory/bolnitsa>)

¹⁸⁰ *Ратиев А.* кн. То, что сохранила мне память. С. 530.

¹⁸¹ Там же. С. 531, 532.

¹⁸² *Косик В. И.* Русская церковь в Болгарии (1940–1950-е годы) // Славяноведение, 2003. № 6. С. 88, 89.

¹⁸³ ГА РФ. Ф. 6991. Д. 988. Л. 3.

¹⁸⁴ Там же. Д. 132. Л. 200.

¹⁸⁵ Цит. по: *Рожков С. А.* Русские академические организации в Болгарии и V конгресс русских ученых за рубежом // Доклад на I Международной конференции «Нансеновские чтения», 23–26 октября 2007, Санкт-Петербург. / Прислан С. А. Рожковым автору.

¹⁸⁶ *Кьосева Ц.* Русские художники-эмигранты в Болгарии // Славяноведение. 1996. № 4. С. 22–23.

¹⁸⁷ Там же. С. 11–21.

¹⁸⁸ *Глинский Н.* Моя жизнь – весь XX век. // Волга, 1997, № 5/6. С. 152, 157, 160, 166.

¹⁸⁹ Там же. С. 198–199, 203, 205, 207.

¹⁹⁰ Там же. С. 208.

¹⁹¹ Там же. С. 212–213.

- ¹⁹² Там же. С. 214, 218, 219.
- ¹⁹³ Там же. С. 219, 220.
- ¹⁹⁴ Там же. С. 224-225.
- ¹⁹⁵ Там же. С. 229.
- ¹⁹⁶ Там же. С. 230.
- ¹⁹⁷ Там же. С. 231, 232, 234.
- ¹⁹⁸ Там же. С. 187-188.
- ¹⁹⁹ Там же. С. 190.
- ²⁰⁰ *Николай Глинский*. Хроника жизни ([http: www.sgu.ru/ogis/newsrad/new/new-gl.html](http://www.sgu.ru/ogis/newsrad/new/new-gl.html))
- ²⁰¹ [http: www.sgu.ru/ogis/newsrad/new/new 3.1.html](http://www.sgu.ru/ogis/newsrad/new/new 3.1.html))
- ²⁰² *Глинский Н.* Моя жизнь – весь XX век. С. 191, 192.
- ²⁰³ Там же. С. 192.
- ²⁰⁴ *Ратиев А.* кн. То, что сохранила мне память. С. 562-563.
- ²⁰⁵ *Глинский Н.* Моя жизнь – весь XX век. С. 193.
- ²⁰⁶ Там же. С. 194.
- ²⁰⁷ Там же. С. 198.
- ²⁰⁸ Там же. С. 204-205.
- ²⁰⁹ Там же. С. 206.
- ²¹⁰ Там же. С. 199.
- ²¹¹ Там же. С. 207.
- ²¹² Там же. С. 216.
- ²¹³ *Ратиев А.* кн. То, что сохранила мне память. С. 566, 567, 568; Даскалова Е. Руските театрални дейци в България // Бялата емиграция в България. С. 251.
- ²¹⁴ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 974. Л. 41, 80. Д. 841. Л. 45.
- ²¹⁵ *Тинин И.* Бытие Исход Второзаконие. С. 206-207.
- ²¹⁶ “Душа рвалась на родину» Памяти русского художника Сергея Петрова // Челябинский рабочий. 30. 06. 2006 (<http://www.chrab.chel.su/archive/30-06-06/7/A127083.DOC.html>)
- ²¹⁷ Там же.
- ²¹⁸ *Минкова Г.* Руснакът Вадим Лазаркевич е баща на детската илюстрация у нас // Интернет-издание «Сера» (<http://www.segabg.com/online/article.asp?issueid=844§ionid=15&id=00001>)

- ²¹⁹ Там же.
- ²²⁰ *Лазаркевич-син Вадим*. Списание ставаше пред очите ми (<http://slovo.bg/old/litforum/103/vd-s.htm>)
- ²²¹ *Лазаркевич-син Вадим*. Списание ставаше пред очите ми.
- ²²² «Детска радост» беше «Златорог» за деца. Сп. «Детска радост» в спомените на Георги Мишев и Вадим Лазаркевич-син // Литературен форум, № 3 (444), 23. 01. 2001 (<http://www.slovo.bg/old/litforum/103/detradost.htm>)
- ²²³ *Ангелов В.* Българско еротично изкуство (http://www.knigibg.com/book_inside.php?book_id=3615)
- ²²⁴ *Минеева А., Игнатова Г.* Дядо Коледа е патриарх, ходи на кокили // Янтра днес – областен всекидневник (<http://www.dnesbg.com/showNews.php?id=3136>)
- ²²⁵ *Минкова Г.* Руснакът Вадим Лазаркевич е баща на детската илюстрация у нас.
- ²²⁶ *Лазаркевич-син Вадим*. Списание ставаше пред очите ми.
- ²²⁷ *Минкова Г.* Руснакът Вадим Лазаркевич е баща на детската илюстрация у нас.
- ²²⁸ *Кьосева Ц.* Русские художники-эмигранты в Болгарии // Славяноведение, 1996. № 4. С. 19; *Филева А.* Николай Ростовцев – житейска и творческа съдба // Бялата емиграция в България. С. 274
- ²²⁹ Русское дело. 1922, 13 мая. № 129. С. 4.
- ²³⁰ Незабытые могилы Т. 2. М. 1999. С. 149–150.
- ²³¹ Русь. 1922, 3 сентября. № 19. С. 4.
- ²³² Возрождение. 1934, 2 декабря. № 3469. С. 2.
- ²³³ *Тинин И.* Бытие Исход Второзаконие. С. 166.
- ²³⁴ Сводный каталог периодических и продолжающихся изданий русского зарубежья в библиотеках Москвы, 1917–1996. М., 1999.
- ²³⁵ *Русев Р. Д.* Литературные газеты и журналы русской эмиграции в Болгарии (1921–1943) // Славяноведение. 2001. № 4. С. 87.
- ²³⁶ РГВА. Ф. 64. Оп. 1. Д. За. Л. 7–8.
- ²³⁷ Младоросская искра. 1932, 20 апреля. № 16. С. 2.
- ²³⁸ *Арсеньев А.* У излуцины Дуная. Очерк жизни и деятельности русских в Новом Саду. М., 1999. С. 142.

²³⁹ Там же. С.143.

²⁴⁰ Там же. С. 148.

²⁴¹ [http:// nts. newmail. ru/docs/1935/ rabota. htm](http://nts.newmail.ru/docs/1935/rabota.htm) Национальный Союз Нового Поколения (1935)

²⁴² “... помочь другому разобраться я всегда готова...” Переписка Зинаиды Гиппиус с Анатолием Штейгером // Русская мысль. 2000, 4 мая. № 4316.

²⁴³ *Тинин И.* Бытие Исход Второзаконие. С. 201, 204.

²⁴⁴ Младоросская искра. 1933, 10 июня. № 30. С. 4.

²⁴⁵ Там же. 1934, 1 января. № 35. С. 3.

²⁴⁶ К молодой России... Сборник Младороссов. Paris, 1928. С. 46.

²⁴⁷ Бодрость. 1939, 19 февраля. № 214. С. 1.

²⁴⁸ Младоросская искра. 1931, 15 января. № 11. С. 3.

²⁴⁹ Бодрость. 1938, 10 октября. № 196. С. 3.

²⁵⁰ Младоросская искра. 1933, 10 мая. № 29. С. 1.

²⁵¹ Там же. 25 февраля. № 27. С. 3.

²⁵² <http://www.er3ed.qrz.ru/fedorov-a.htm>

²⁵³ <http://slova.org.ru/fedorov/about/>

²⁵⁴ <http://www.er3ed.qrz.ru/fedorov-a.htm>

²⁵⁵ *Кралин М.* Двух голосов переключка // Наш современник, № 6, 2002 (<http://www.nash-sovremennik.ru/p.php?y=2002&n=6&id=8>)

²⁵⁶ *Владева Л.* Журналистская и литературная деятельность белой эмиграции //Новый журнал, № 247, 2007. С. 232.

²⁵⁷ *Бунин И. А.* Воспоминания (<http://lib.ealtai.ru/iso/BUNIN/memours.txt>)

²⁵⁸ *Шалит Ш.* «С одним народом я скорблю...» О музее русского искусства им. Марии и Михаила Цетлиных // Мишпоха, № 8, 2000 (<http://www.mishpoha.org/nomer8/muzeum.html>)

²⁵⁹ *Владева Л.* Русские писатели в Болгарии. Ч. 2. //Русская газета № 14/2006 (<http://russkayagazeta.com/rg/gazeta/fullstory/russian-writes-14-2>)

²⁶⁰ *Спасов Л.* Руските писатели емигранти в България през 20-те–30-те години // Доайенът. С. 483.

²⁶¹ Там же.

²⁶² Цит. по: там же. С. 484.

²⁶³ Сырова Ю. Н. А. М. Федоров: жизнь и творчество в контексте литературной эпохи конца XIX – начала XX веков (1885–1920) // Автореф. на соиск. Уч. Ст. канд. филолог. наук. Саратов, 2006. С. 3; <http://irbis.asu.ru/docs/altai/literature/prim/prim95.html>

²⁶⁴ Цит. по: Петкова М. Возвращение // Бизнес-контакты, февраль, 2007 (<http://biznes-kontakti.com/index.php?newsid=203>)

²⁶⁵ Дом-музей Марины Цветаевой. Архив Русского зарубежья. КП–1281/6

²⁶⁶ Наследие Марины Цветаевой: Проза: Сводные тетради . Тетрадь вторая (http://www.tsvetayeva.com/prose/pr_2tet_12php)

²⁶⁷ Владева Л. Русские писатели в Болгарии Ч. 1. // Русская газета № 13/2006 (<http://russkayagazeta.com/rg/gazeta/fullstory/russian-writes-bulgaria>)

²⁶⁸ Цит. по: Петкова М. Возвращение.

²⁶⁹ Дом-музей Марины Цветаевой. Архив Русского зарубежья. КП–1279/6.

²⁷⁰ Цит. по: Петкова М. Возвращение.

²⁷¹ Спасов Л. Руските писатели емигранти в България. С. 485.

²⁷² Цит. по: Спасов Л. Руските писатели емигранти в България. С. 485.

²⁷³ <http://www.knigabg.com/index.php?page=book&id=10752>

²⁷⁴ <http://russkayagazeta.com/rg/gazeta/fullstory/russian-writes-14-2/>

²⁷⁵ Игорь Северянин (Судьбы поэтов серебряного века) (<http://www.litera.ru/stixiya/articles/584.html>)

²⁷⁶ <http://www.vekperevoda.com/1855/pinus.htm>

²⁷⁷ Келин Н. А. Казачья исповедь. Толстой Н. Д. Жертвы Ялты. М., 1996. С. 15.

²⁷⁸ РГАЛИ. Ф. 2296. Оп. 1. Д. 44. Л. 47.

²⁷⁹ Там же. Л. 83.

²⁸⁰ Там же. С. 85.

²⁸¹ Там же. Л. 49.

²⁸² Там же. Л. 54.

²⁸³ Там же. Л. 49.

- ²⁸⁴ <http://www.ipmce.su/-tsvet/WIN/silverage/stolica/>
- ²⁸⁵ <http://www.classik-book.ru/lib/sb/book/629>
- ²⁸⁶ <http://feb-web.ru/feb/esenin/texts/e74/E74-323-htm?cmd=2>
- ²⁸⁷ *Столица Л.* Две родины // Славянски глас, 1930. Кн. 2-3. С. 86.
- ²⁸⁸ *Момчилов К.* «Голос незримого» // Бизнес-контакты. Февраль–апрель, 2008. С. 76, 77.
- ²⁸⁹ Там же. С. 77.
- ²⁹⁰ Там же.
- ²⁹¹ Цит. по: *Момчилов К.* «Голос незримого». С. 77.
- ²⁹² Русское дело. 1922, 12 февраля. № 73. С. 3.
- ²⁹³ *Архив А. М. Федорова* // Дом-музей Марины Цветаевой. Архив Русского зарубежья.
- ²⁹⁴ *Чукалов С.* Воспоминания // Специальный выпуск кружка «Живое слово», посвященный Вере Пушкаревой в связи с ее кончиной. София. 1942, ноябрь. С. 1.
- ²⁹⁵ Варнеке–воспоминания (http://annenskiy.lib.ru/memory/varneke_a.htm)
- ²⁹⁶ *Чукалов С.* Воспоминания. С. 1.
- ²⁹⁷ *Федоров А. М.* В солнечном спектре // Специальный выпуск кружка «Живое слово». С. 3.
- ²⁹⁸ *Каназирская М.* Вера Пушкарева и поэт К. Р. // Новый журнал, 2007. № 247. С. 274.
- ²⁹⁹ *Чукалов С.* Воспоминания. С. 1.
- ³⁰⁰ *Дурьлина Н.* Одно великое сердце // Специальный выпуск кружка «Живое слово». С. 3.
- ³⁰¹ *Чукалов С.* Воспоминания. С. 1.
- ³⁰² *Зографов Б.* Создательница «Живого слова» // Специальный выпуск кружка «Живое слово». С. 4.
- ³⁰³ *Обрешкова Е.* // Специальный выпуск кружка «Живое слово». С. 4.
- ³⁰⁴ *Каназирская М.* Вера Пушкарева и поэт К. Р. С. 282.
- ³⁰⁵ *Обрешкова Е.* // Специальный выпуск кружка «Живое слово». С. 4.
- ³⁰⁶ *Чукалов С.* Воспоминания. С. 1.
- ³⁰⁷ *Каназирская М.* Вера Пушкарева и поэт К. Р. С. 283.

- ³⁰⁸ Специальный выпуск кружка «Живое слово». С. 2.
- ³⁰⁹ *Каназирская М.* Вера Пушкарева и поэт К. Р. С. 283–284.
- ³¹⁰ Там же. С. 285.
- ³¹¹ Специальный выпуск кружка «Живое слово». С. 1.
- ³¹² *Федоров А. М.* В солнечном спектре. С. 3.
- ³¹³ *Спасов Л.* Руските писатели емигранти в България. С. 487.
- ³¹⁴ Там же.
- ³¹⁵ <http://www.utoronto.ca/tsq/22/zamyatnina22.shtml>
- ³¹⁶ Россия. 1920, 1 декабря. № 33. С. 2.
- ³¹⁷ *Каназирска М.* Вклад русской эмиграции в духовную жизнь в Болгарии // Бялата емиграция в България. С. 210, 211.
- ³¹⁸ *Шверубович В.* О людях, о театре и о себе. М., 1976. С. 294, 295, 299.
- ³¹⁹ Цит. по: Переписка Николая Евреинова с Юрием и Юлией Ракитиными 1928–1938 / Публ., вступ. ст. и примеч. В. В. Иванова // Мнемозина Документы и факты из истории отечественного театра XX века. М., 2004. С. 559.
- ³²⁰ Россия. 1920, 1 октября. № 30. С. 2.
- ³²¹ *Ратиев А.* кн. То, что сохранила мне память. С. 568, 569.
- ³²² Там же. С. 569.
- ³²³ *Даскалова Е.* Руските театрални дейци в България // Бялата емиграция в България. С. 254, 255.
- ³²⁴ *Матвеева И. В.* Из жизни русской эмиграции в Болгарии: отрывки воспоминаний // Славянский альманах 2004, М., 2005. С. 520–521.
- ³²⁵ Славянское эхо. 1938, 14 мая. № 1. С. 3.
- ³²⁶ Там же. 1939, 27 июля. № 26. С. 4.
- ³²⁷ *Даскалова Е.* Руските театрални дейци в България // Бялата емиграция в България. С. 254.
- ³²⁸ *Паспалеева Т.* Марионетният театър на фамилия Базилевич // Бялата емиграция в България. С. 420–421.
- ³²⁹ *Дон Аминадо.* Поезд на третьем пути. С. 110.
- ³³⁰ Театрален живот. 1922. № 2. Пловдив. С. 7.
- ³³¹ *Петкова Г. П. М.* Ярцев – забытый театральный деятель // Новый журнал, 1999, № 216 (<http://nature.web.ru/db/msg.html?mid=1185861>)

- ³³² Театрален живот. 1922. № 1. Пловдив. С. 2, 3.
- ³³³ *Петкова Г. П.* М. Ярцев – забытый театральный деятель.
- ³³⁴ Театрален живот. 1922. № 2. Пловдив.
- ³³⁵ Там же. С. 8–15.
- ³³⁶ Театър и изкуство. 1922. № 1. Пловдив. С. 14.
- ³³⁷ *Петкова Г. П.* М. Ярцев – забытый театральный деятель.
- ³³⁸ Там же.
- ³³⁹ Там же.
- ³⁴⁰ Там же.
- ³⁴¹ Русское дело. 1922, 8 февраля. № 71. С. 3.
- ³⁴² *Янакиев А.* Филмовите школи през 20-те години и руските кинематографисти // Бялата емиграция в България, Материали от научна конференция. София, 23 и 24 септември 1999 г., София. 2001. С. 285.
- ³⁴³ Там же. С. 286.
- ³⁴⁴ Там же. С. 288.
- ³⁴⁵ Русское дело. 1922, 22 апреля. № 113. С. 4.
- ³⁴⁶ Там же. 23 апреля. № 114. С. 5.
- ³⁴⁷ Незабытые могилы. Т. 6. Кн. 1. М., 2005. С. 570.
- ³⁴⁸ Русское дело. 1922, 13 мая. № 129. С. 1.
- ³⁴⁹ Незабытые могилы. Т. 6. Кн. 2. М., 2006. С. 346.
- ³⁵⁰ Русское дело. 1922, 8 февраля. № 71. С. 3.
- ³⁵¹ Там же. 27 января. № 66. С. 3.
- ³⁵² Незабытые могилы Т. 2. М., 1999. С. 405.
- ³⁵³ Русское дело. 1922, 23 апреля. № 114. С. 5.
- ³⁵⁴ Там же. 25 марта. № 92. С. 4.
- ³⁵⁵ Русь. 1923, 30 декабря. № 230. С. 4.
- ³⁵⁶ Русское дело. 1922, 13 января. № 61. С. 3.
- ³⁵⁷ *Симонов К.* Собр. соч. В 10 т. Т. 9. М., 1983. С. 393.
- ³⁵⁸ Русское дело. 1922, 15 февраля. № 74. С. 1.
- ³⁵⁹ Там же. 13 января. № 61. С. 3.
- ³⁶⁰ Там же. 18 января. № 63. С. 2.
- ³⁶¹ Там же. 12 мая. № 128. С. 6.
- ³⁶² Там же. 11 апреля. № 105. С. 3.

- ³⁶³ Незабытые могилы. Т. 1. М., 1999. С. 341.
- ³⁶⁴ Там же. Т. 3. М., 2001. С. 484.
- ³⁶⁵ Там же. Т. 4. М., 2004. С. 634.
- ³⁶⁶ Русское дело. 1922, 10 марта. № 83. С. 3.
- ³⁶⁷ Незабытые могилы Т. 3. М., 2001. С. 42.
- ³⁶⁸ Россия. 1920, 8 октября. № 32. С. 2.
- ³⁶⁹ Русское дело. 1922, 10 марта. № 83. С. 3.
- ³⁷⁰ Театрален свят. 1922, 1 февраля. № 1. С. 9.
- ³⁷¹ Россия. 1920, 8 октября. № 32. С. 2.
- ³⁷² Там же. 3 октября. № 31. С. 2.
- ³⁷³ Там же. 1 октября. № 30. С. 2.
- ³⁷⁴ Там же. 3 октября. № 31. С. 2.
- ³⁷⁵ Русское дело. 1922, 3 марта. № 81. С. 3.
- ³⁷⁶ Там же. 19 февраля. № 76. С. 3.
- ³⁷⁷ РГАЛИ. Ф. 2296. Оп. 1. Д. 44. Л. 2–4.
- ³⁷⁸ Там же. Д. 7. Л. 5.
- ³⁷⁹ *Солодовников А.* Прима-балерина Маргарита Фроман // Библиотека-фонд Русское Зарубежье. Научный архив. Альбом № 1. «Некрополь» А. Калугина. С. 104; *Podkovac Z.* Iz povijesti zagrebačkog baleta // Ruski emigranti u Hrvatskoj. S. 146, 147, 156.
- ³⁸⁰ Там же.
- ³⁸¹ *Дертлиева А.* Творческа и жизненна съдба на Анна Митрофановна Воробьева По документи от личния ѝ архив // Българо-руски отношения през XX век. София, 2000. С. 94.
- ³⁸² Там же. С. 94–95.
- ³⁸³ Там же. С. 95–96.
- ³⁸⁴ Личный архив Т. К. Пчелинцевой; *Дертлиева А.* Творческа и жизненна съдба на Анна Митрофановна Воробьева. С. 96.
- ³⁸⁵ Цит. по: *Дертлиева А.* Творческа и жизненна съдба на Анна Митрофановна Воробьева. С. 96.
- ³⁸⁶ *Писарева Л.* Как Върбеви стали Вербевыми // Русская газета, 2005, 5–11 сентября. № 34 (105). С. 6.
- ³⁸⁷ *Балканска Р.* Живот в движение и красота Балерината Валя Вербева // Музикални хоризонти, 1999, № 4/5. С. 46–47.

- ³⁸⁸ *Писарева Л.* Как Върбеви стали Вербевыми. С. 6.
- ³⁸⁹ Там же.
- ³⁹⁰ Там же.
- ³⁹¹ Личный архив Т. К. Пчелинцевой
- ³⁹² Личный архив Т.К. Пчелинцевой
- ³⁹³ Воспоминания Е. В. Бесчастновой, дочери В. П. Вербева в разговоре с автором от 13 марта 2008 г. // Архив автора.
- ³⁹⁴ *Балканска Р.* Живот в движение и красота Балерината Валя Вербева. С. 48.
- ³⁹⁵ Воспоминания Е. В. Бесчастновой.
- ³⁹⁶ Там же.
- ³⁹⁷ *Балканска Р.* Живот в движение и красота Балерината Валя Вербева. С. 47.
- ³⁹⁸ Воспоминания Е. В. Бесчастновой.
- ³⁹⁹ Там же.
- ⁴⁰⁰ *Балканска Р.* Живот в движение и красота. С. 48.
- ⁴⁰¹ Воспоминания Е. В. Бесчастновой; Концерт на първия випуск на държавното средно училище 1957-1958 г. Народна опера, 1958, 30 мая. С. 9, 10, 12.
- ⁴⁰² Воспоминания Е. В. Бесчастновой.
- ⁴⁰³ Цит. по: *Писарева Л.* Как Върбеви стали Вербевыми. С. 6.
- ⁴⁰⁴ *Балканска Р.* Живот в движение и красота. С. 48.
- ⁴⁰⁵ Там же.
- ⁴⁰⁶ Воспоминания Е. В. Бесчастновой.
- ⁴⁰⁷ Цит. по: *Писарева Л.* Как Върбеви стали Вербевыми. С. 6.
- ⁴⁰⁸ Воспоминания Е. В. Бесчастновой.
- ⁴⁰⁹ Цит. по: *Писарева Л.* Как Върбеви стали Вербевыми. С. 6.
- ⁴¹⁰ *Вербева В.* Болгарская Терпсихора// Рукопись. Личный архив Веры Кировой. С. 4.
- ⁴¹¹ Автобиография Веры Кировой // Машинопись. Личный архив Веры Кировой.
- ⁴¹² *Вербева В.* Болгарская Терпсихора. С. 1, 2, 9, 10, 11, 12, 14, 15, 16, 17, 20, 22, 28.
- ⁴¹³ Личный архив Веры Кировой. С. 1, 2.

- ⁴¹⁴ Русское дело. 1922, 8 марта. № 82. С. 3.
- ⁴¹⁵ Там же. 13 января. № 61. С. 3.
- ⁴¹⁶ Там же. 10 марта. № 83. С. 3.
- ⁴¹⁷ Там же. 1925, 17 февраля. № 75. С. 3.
- ⁴¹⁸ Там же. 1922, 19 февраля. № 76. С. 3.
- ⁴¹⁹ Там же. 26 марта. № 91. С. 4.
- ⁴²⁰ *Андреев В.* История одного путешествия. М., 1974. С. 240.
- ⁴²¹ http://vita.kazan.ws/cgi-bin/guide.pl?action=article&id_razdel=733&id_article=850
- ⁴²² Незабываемые могилы Т. 5. М., 2004.. С. 573.
- ⁴²³ *Бикс Р.* На опера в стара София. София. 2000. С. 169.
- ⁴²⁴ Там же. С. 87, 169.
- ⁴²⁵ Там же. С. 217.
- ⁴²⁶ http://www.biografia.ru/show_bio.aspx?id=42283
- ⁴²⁷ *Бикс Р.* На опера в стара София. С. 146-147; http://www.biografia.ru/show_bio.aspx?id=42283
- ⁴²⁸ *Глинский Н.* Моя жизнь – весь XX век. // Волга, 1997, № 7/8. С. 221.
- ⁴²⁹ Там же. С. 190.
- ⁴³⁰ *Бикс Р.* На опера в стара София. С. 148.
- ⁴³¹ Там же. С. 153, 156, 157, 158.
- ⁴³² *Гинин И.* Бытие Исход Второзаконие. С. 48–49.
- ⁴³³ *Матвеева И. В.* Из жизни русской эмиграции в Болгарии: отрывки воспоминаний // Славянский альманах 2004, М., 2005. С. 519; Незабываемые могилы Т. 3. М., 2001. С. 199; *Бикс Р.* На опера в стара София. С. 150.
- ⁴³⁴ Голос. 1930, 1 июня. № 239. С. 3.
- ⁴³⁵ Русское дело. 1922, 3 марта. № 81. С. 3; 13 мая. № 129. С. 1.
- ⁴³⁶ Там же. 25 марта. № 92. С. 4.
- ⁴³⁷ Там же. 12 марта. № 84. С. 3.
- ⁴³⁸ Там же. 15 марта. № 85. С. 3.
- ⁴³⁹ Русь. 1922, 3 сентября. № 19. С. 4.
- ⁴⁴⁰ Цит. по: *Бикс Р.* На опера в стара София. С. 87, 169.

- ⁴⁴¹ Бикс Р. На опера в стара София. С. 104, 169.
- ⁴⁴² Там же. С. 110.
- ⁴⁴³ Там же. С. 141, 142.
- ⁴⁴⁴ Там же. С. 85.
- ⁴⁴⁵ Русь. 1923, 18 марта. № 64. С. 3.
- ⁴⁴⁶ Там же. 23 марта. № 66. С. 3.
- ⁴⁴⁷ Незабытые могилы Т. 6. Кн. 2. М., 2006. С. 43.
- ⁴⁴⁸ Бикс Р. На опера в стара София. С. 87.
- ⁴⁴⁹ Там же. С. 99.
- ⁴⁵⁰ Ратиев А. кн. То, что сохранила мне память. С. 639.
- ⁴⁵¹ Кьосева Ц. Документы о жизни русских эмигрантов в Болгарии 1945–1958 гг. // Русская газета № 52/2004 (<http://russkayagazeta.com/rg/gazeta/fullstory/emigr>)
- ⁴⁵² Тинин И. Бытие Исход Второзаконие. С. 214.
- ⁴⁵³ Династии Русского зарубежья: семейство Чумаченко в Болгарии.
- ⁴⁵⁴ Тинин И. Бытие Исход Второзаконие. С. 172.
- ⁴⁵⁵ Там же. С. 181.
- ⁴⁵⁶ Там же. С. 190.
- ⁴⁵⁷ Там же. С. 200–201.
- ⁴⁵⁸ Заутова (Пчелинцева) Н. Г. Послевоенная организация русских эмигрантов в Болгарии // Русская газета № 19/2005. (<http://russkayagazeta.com/rg/gazeta/fullstory/emigr1>)
- ⁴⁵⁸ Славянские известия. 1916. № 2. С. 27.
- ⁴⁵⁸ Голос. 1930, 1 июня. № 239. С. 3.

Виктор Иванович Косик

СОФИИ РУССКИЙ УГОЛОК

**Очерки со стихами о русских, покинувших Россию
после октябрьской революции 1917 года
и последовавшей за ней гражданской войны**

Подписано в печать 15.07.2008
Формат 60х84/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Объем 13,7 усл.печ.л.
Тираж 300 экз.

ISBN 978-5-98604-127-8

Отпечатано в типографии издательства «ПРОБЕЛ-2000»
тел. (495) 291-03-54 e-mail: probel-2000@mail.ru

В. И. КОСИК • СОФИИ РУССКИИ УГОЛОК